

смена

№ 18 СЕНТЯБРЬ 1974

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

МОЛОДЫЕ
СТРОИТЕЛИ
ДРЕВНЕГО
ГОРОДА

К 70-летию со дня рождения
Н. А. ОСТРОВСКОГО

"БИТЬСЯ ДО

Mощный рев ошломил его. Он не слышал, как окованная дверь котельной вздрогнула под прикладами легионеров. И лишь когда над головой брызнули осколки кирпича, он выпустил колышко гудка.

В узкое окно простиравшись легионер Николай скватил кусок антрацита и смырнулся в лицо под конфедераткой. Но в котельной было еще два окна. Они ощетинились дулами карабинов.

— А-а, вы думаете, что меня уже вязаны, сваючи, панские души! Сейчас посмотим! — крикнул он, хотя никто не слышал из-за сумасшедшего рева.

Бешено крутилось колесо, отводящее воду в шланги. Из брандспойта с пронизительным свистом вырывался пар, хлынула горячая вода. Он хлестала горячей струей по окнам. Сердце рвалось из груди — нечего было дышать. Кисти рук, опаренные кипятком, горели, горели.

Островский проснулся от истерической боли. Он стиснул зубы, пытаясь понять, откуда боль — из разревущего задыхающегося сна или из истерзанного тела. Не открывая глаз, вслушиваясь в гулкие удары сердца.

От Белорусского вокзала ветер доносит обрывки диспетчерских команд, чиркнув об асфальт скребок дворника.

Пальцы напищимают палочку. Он проправляет пальцы, пропищимают пальцы... Ну... Сколько будет хороший день, хорошая работа? Он снова встретится с друзьями — беспишибанным Андреем Птахой, Василиком, Олесям Ковалем, Шаббаем, чехом Пищеничем. Это ведь мама придумала такое имя — Пищеничек. Оно пахнет горячим душистым хлебом. Поэтому он сделал Пищеничка пекарем. Птаха — кочегар, Шаббель — молотобоец. Ничего, друзья, потерпите. Я сделаю из вас замечательных бойцов революции.

Ты говоришь, Островский, — говорит герой, — ты вырастил нас на страницах своих первых глав, ты двинул нас в бой и оставил как раз в мятежное время, когда кругом подымаются паны, когда собираются польские легионы, когда рабочий класс рискует попасть под ярмо польского панства».

Островский удивляется: сейчас войдет в комнату его лучший друг и помощник, пулеметный дробью ударит машиника. Топот яростных коней всколыхнет землю и солнышко испытает на клинках красных кавалеристов. Скорей бы скорей закончить первую часть трилогии. Он уже видел вторую книгу, третью.

Старая истинка — легче всего писать о том, что хорошо знаешь. А лучше всего человек знает самого себя. Правда, писательский путь Островского Ананьевум и по сей день так силен в русской литературе автобиографический мотив. Но истинно и то, что вершин творчества всегда достигала писатель, сумевший раскрыть

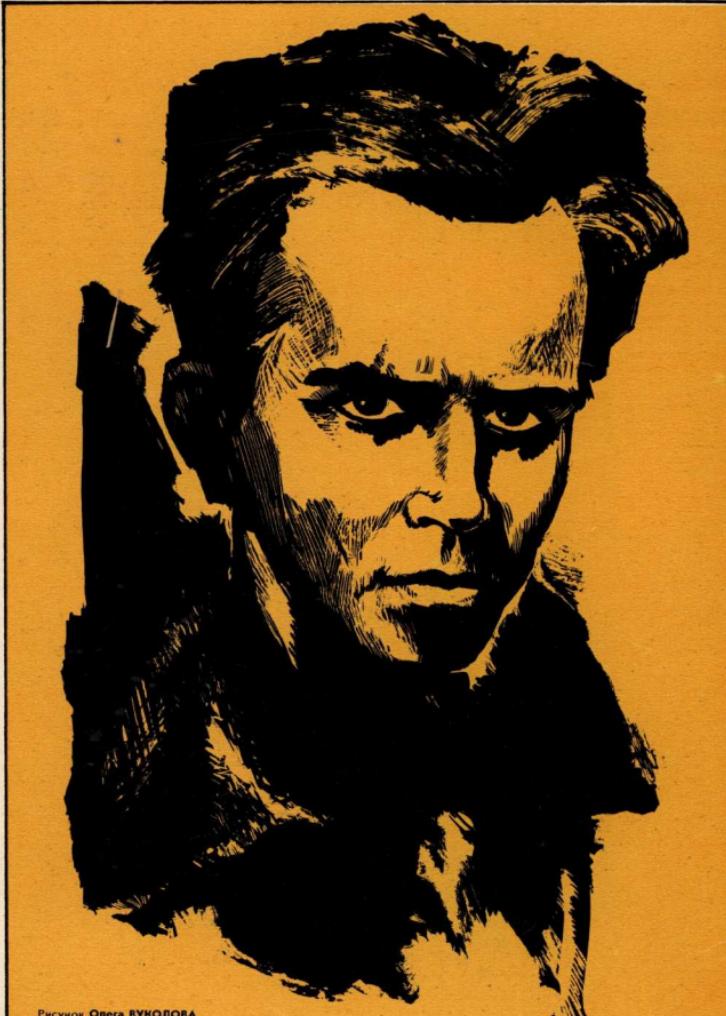

Рисунок Олега ВУКОЛОВА

ПОСЛЕДНЕГО!"

Вардан ВАРЖАПЕТЯН

смыса не личного бытия, а народной жизни.

Николай Островский не мемуарист, не летописец собственной жизни. Но природой своего таланта он прежде всего писатель-романист. История времён — основа его книг.

Для «Рождённых бурей» Островский избрал грандиозный масштаб поэтического изображения и разгромом армии Панадского под Киевом. По авторскому замыслу, роман должен был состоять из трех книг:

«Первая книга охватывает конец восемнадцатого века в одном из уголков Украины. Она показывает уходящую бурю рабочего класса и крестьянства с польскими помещиками и буржуазией».

Второй книге будет показано сорокалетие сла писацеских, звёзды ими части Украины и их блок с Петербургом, который затем окончательно прорывается на юг. Но другую сторону баррикад — организация Красной Армии из мелких деревенских бойцов, борьба с польской элитой, помешавшая стихийные восстания, которые под руководством большевиков превращаются во всенародное движение против иноземных оккупантов. Красная Армия громит польские банды.

Третья книга покажет уже не при��ательным интересением Англии в лице панской Полны. Героическое сопротивление малочисленной 12-й армии, состоящей из полузарядных и полубезбашенных бойцов. Тринадцать тысяч прорвутся под пулемётами, чтобы пре красно одолеть и вооруженных до зубов польских солдат.

Полки заняты Киев. Польская буржуазия торжествует. Но под Уманью собираются железные кулаки Конной армии. Страшный удар — и полки катятся назад».

В «Рождённых бурей» художественный интерес зиждется на ударае боевых местечек в первой книге. «Она [«Рождённые бурей» — В. В.] в полной мере создана фантастична: ни герой, ни поступки их не идентичны фактам. Я полагаюсь правом художника... я искала исторических событий, дать их в своем преобразлении».

Конечно, многих героев новой книги он знал — кочегаров, крестьян, фабричных работниц, красноармейцев. Но тех, с кем свела из отчаяния края — гражданской войны! Всех этих гифов, кинок, спасоков, генералов! Могильников. Потоцких. Пилюсников! Как живут эти люди, о чём думают? что любят и ненавидят, как разговаривают, одеваются, едят, что читают? Он пишет сразу в романах Г. Сенкевича, С. Жеромского, В. Реймонда, Э. Оженека. Десятки папок заполнены выписками из книг. Одна из них — это письмо из Бобруйска, служившей прачкой у графов Могильниковых: как била ее за голову выlagenную салфетку, как выбывала избы непасторальным слугам, гдумились над крестьянскими женами и дочерьми. Мать тоже служила в польских коромах. Николай замучил ее вопросами.

Теперь он видит семью Могильников. Но когда начинает писать, графы, как наивны, высказываются из руки: «Сверкающие перстни», «горячие бриллианты», «страдальческий «блондин». Но в то же время Конев, сидя на троне, смеется о зорях оружия. Но враги, сидя на тронах, должны в его книге жить, а не кривляться, не дергаться, как марионетки. «Граф вздрогнул, графиня пощелчала» — эту фразу Островский придумал, как обобщение всех штампов. При одном воспоминании, что «изумрудная слеза» скатилась по стольким изданиям «Как засыпалась сталь», его охватывает злость.

Островский работает как одержимый — шесть, восемь, двадцатидва часов в сутки! Когда читаешь письма Островского этого периода, невольно вспоминаешь типичный труд великих мастеров: Гоголя, Бестужева-Марлинского, Александра Пушкина, Ильи Репина, отдавший всю жизнь картине, известный Ван-Гог, мексиканский скульптор Альехадино, в яростях отрубивший пальцы, когда они изуродованные болезнью, уже не могли держать резец. В чем причина их яростной одержимости?

У американского писателя Бредбри есть рассказ «Год ракеты». Леди Ламб ХХIII века не обходится Томасом Вудом, умершим в 1932 году в багдадской больнице. Он должен написать великое Человека, разорвавшего штаты Земли, и через два месяца вернуться на боливийскую койку. Только что этот срок люди будущего способны отозвать его у прошлого, чтобы Вуд написал могучую симфонию о Вселенной и Человеке, о звездных скитаниях и о Земле.

Леди за две недели Вуд пишет свою автобиографию. Уже остается только минута из отпущенных ему 60 дней. Но напекроупрятый, беспечный, прекорер времени и пространству Томас Вуд досидел ее.

Островский был трудной. Он не может ждать ХХIII века, он ежедневно, ежечасно отвоевывает право на жизнь. «Я на героя на час, — ответил он корреспонденту английской газеты «The Times». И вдруг вспомнил все трагедии своей жизни: смерть, неизвестность, болезнь, безумную боль. Я очень счастливый человек, несмотря на все».

Он счастлив, потому что слова в строку. Никаком обороны вернула Островского в армии, присвоили ему звание бригадного комиссара, «вы, наше, единственный бригадный комиссар», — писали ему комсомольцы — который не сможет сказать, сколько у него в бригаде бойцов, но вы, вернувшись к нам, смеете сказать, сколько у меня в бригаде бойцов. Каждый из которых бойца ведет по памяти на свой бригадный номер, как бы для комсомола, вся молодежь нашей необъятной страны, да и не только нашей страны!»

Есть ли для бойца награда дороже? Ведь для них, младших бригадчиков, бьется его сердце. Для них, не видавших

них живого жандарма, он пишет свою книгу, чтобы в предстоящей схватке с фашизмом ни у одного из лододых не было в руках пустой моркови. Цирковая и Петровка. «Говорят, что тема гражданской войны устарела. Да никого! Человек десять, через сто лет эта тема будет так же свежа, так же прекрасна».

Можно отдохнуть, дать себе перышку. Но ради каждого дела присоединяют тревожные вести. Но на стене висит карта Испании. Красные и черные флаги, испещренные ее телами. Миссис Островской Том. Ее местонахождение. Мать Зои — геройня Лукан. В «Рождённых бурей» он дает другим имя — лейтенант Шайн. С каким счастьем он встал бы с nim плечом к плечу!

Ночью, когда все засыпают, он придумывает отвязный план: как раздобудет где-нибудь матросскую работу и преберется на фашистский dreadnought. Спустится по трапу в машинное отделение, возьмет у кочегара лопату, загрузит кочегара, и тащить утром. Потом ногами с кирзовыми гетрами. Они ведь испаны, свою братву-кочегары. Он предлагает им замечательную идею, и они улыбаются, поднимают скажьте кулачки. «Форт фронт!» Теперь надо осторожненько выйти на палубу, разоружить офицеров, пребиться к орудиям. Короткая простая схватка — и предстоит в руках повстанцев. На матче гордо развевается красный флаг. Грозный корабль на всех парах спешит к берегам республиканцам... «Метафе всегда, с утра до вечера, даже ночью».

Более всего приводила его к постели, «в доску разрушила всю систему», а он ведет в бой с коммунизмом интернациональные бригады, китайских партизан, немецких рабочих. В его груди билось Благороднейшее сердце Дон-Кихота, спасенное отнем жестоких санкций. Уже вспомнил жестоких санкций врагов, но в настоящих врагов не путал с ветреными меланиами Слейпни, он раньше многих зрячих разгадал сущность фашизма.

«Многие еще не понимают, что такое фашизм, — сказал он однажды С. Трутбу. — Представь себе, что на улицу выбежал сумасшедший с бомбой. Куда он ее швырнет? Там в Париже, Лондоне, толькоахают и склоняют головы, а в Берлине, в самом сердце Советского Союза, только большевики видят и понимают фашизм насквозь и дают ему отпор. Я вот иногда лежу и представляю себе, как с фракелами на улицах германских городов идут отстервенелые штурмовики. Мне кажется, что я самышь их истощенными воязами: «Хайль Гитлер!» И поэтому я хочу разоружить науку, кому, на мой взгляд, рабы, вихь социальных якорей, оружием своих антиправительственных образов. А иначе на чисто заниматься литературой? Что это, игра в бирюльки?»

Через три месяца в московской квартире Островских состоялось заседание Президиума правления Союза советских писателей с участием ответственных работников ЦК ВЛКСМ, журнала «Молодая гвардия»

и газеты «Комсомольская правда». Вопреки правилу — автору выступать последним — Николай Алексеевич начал выступление с приветственным словом.

«Прощу вас по-балакинистски, может быть, очень сурово и не ласково, показать все недостатки и упущения, которые я сделал в своей работе. Есть ряд обстоятельств, которые требуют от меня особого уважения в моих призывах критиковать суроно. Товарищи знают мою жизнь и все особенности ее. И я боясь, что это может послужить препятствием для честной критики. Этого не должно быть».

Я настойчиво просил вас не считать меня начинаяющим писателем. Я пишу уже шесть лет. Пора за это время кое-чему научиться. Требуйте с меня много и очень много...»

Он не боялся самого сурового приговора, просил открыть до книге атилайдский огнь, но выступил вице-президент А. Федоров-Андреев, В. Степанов, Н. Астафьев, А. Караваев — единогласно отмеченым вторым по значимости литературным мастерством Островского, признали роман замечательнойвойской писательницы.

Через день после совещания Островский возвращается к работе. Помимо критических замечаний товарищей он начинает новый бой за книгу. Последний бой. Болезнь настутила на несклонившегося писателя. Погибло фрагмент, но сдержало смех, да и единогласному фразе: «На седьмом году жизни — заключил хитрый и 15 декабря 1936 года.

14 декабря пишущая машина отступила последним абзацем первой книги «Рождённых бурей»:

«В домике молчали. Раймонд, Птака и Пинченко переглянулись. Людина по их взгляду поняла, что они не сладутся. На дверь ждали... Смерть ходила где-то близко вдогул: дома, пытались найти штык, чтобы войти спокойно...»

— Эй, там, в доме, смеется? — Поехал к чету, герд! Буде биться до поседадего! Да здравствует коммуна! — крикнула Адриан.

«Биться до поседадего! — в этих словах весь пафос новой книги, смысл жизни и творчества Николая Островского. Незадолго до смерти он склонил голову, и она, как будто поблизу и перед глазами, что и умер, — не верь до тех пор, пока сам не придишь и не увидишь. А если придешь и увидишь, что и мертв, не пиши, как обычно пишут в некрологах: «Он мог бы еще жить», или «Скончалась...»

Мадина, душа, о героях своей книги, которых оставил в тщетной труде для них минуты: «Я не могу еще умереть. Я не могу оставить моих ребят в руках легионеров... Я должен вывести их из беды...»

Он не успел — остановилась сердце. Москва, вся страна прощалась с героям. А в эти дни в типографии «Искра революции» круглосуточно трохотали печатные машины.

НАКАЗ
КОМСОМОЛЬСКОГО
СЪЕЗДА

ПОЗЫВНЫЕ РЕКОНСТРУКЦИИ

«Активно участвовать в реконструкции и технической модернизации предприятий, в пропаганде и внедрении передового опыта и достижений новаторов».

Из резолюции XVII съезда ВЛКСМ

Фото Льва ШЕРСТЕННИКОВА
Владимир АНДРИАНОВ,
первый секретарь
Свердловского обкома
ВЛКСМ

Все новое, передовое как нельзя больше соответствует духу нашего времени, отвечает у молодежи такие грани характера, как инициатива, стремление к познанию, обостренное чувство завтрашнего дня. Реконструкция — это обновление, Обновление заводов, Отдельных

Фото Льва ШЕРСТЕННИКОВА

чехов, рабочих мест. Нельзя не вспомнить сейчас историю первых пятилеток, которая прямо связана с геронимскими буднями наших дней. Именно тогда страна переживала период первой реконструкции народного хозяйства, период его сплошной индустриализации. Это было время труда, подъема советской деревни. Теперь мы вступаем в новый этап реконструкции — на основе применения новых достижений научно-технических ревolutions. Точнее, эта работа ведется в области уже нескольких лет, и результаты ее оценены Центральным Комитетом КПСС, в постановлении которого говорится о том, что работа Свердловской партийной организации «дает весомый вклад в развитие экономики страны». В этих словах — высокая

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

смена

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года
Выходит два раза в месяц

№ 18 (1116)
СЕНТЯБРЬ
1974

ИАША О БЛОЖКА:
ДВОЕ ИЗ ТРИДЦАТИ ТЫСЯЧ
ЗДЕСЬ ЗОДАЮТ СЕГОДНЯ
РАБОЧИХ УЧАЮТСЯ СЕГОДНЯ
ЛИЩАХ ЛАТВИИ.

Фото Сергея ПЕТРУХИНА

ФОТООЧЕРК «ВЫШЕ ЭВА-
СТРИ. 12—17

1
«БИТЬСЯ ДО ПОСЛЕДНЕГО!»
К 70-летию
Николая Островского.

5
НЕИСПОЛЬЗОВАННЫЙ СЮЖЕТ
Репортаж из ДРВ.

20
ХОККЕЙ НА ВЫСШЕМ УРОВНЕ
Записки канадского вратаря
Кена Драйдена.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:
РАБОЧАЯ ТРИБУНА «СМЕНЫ». КАЧЕСТВО.
ЛОГИКА ЕГО ЖИЗНИ. К 25-ЛЕТИЮ ГДР.

КРУГОЗОР СОВРЕМЕННИКА.
БЕСЕДА С НАРОДНЫМ АРТИСТОМ СССР
В. В. МЕРКУРЬЕВЫМ.

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: В. С. Абашин, А. П. Кулешов, А. А. Лиханов [ответственный секретарь], В. В. Лужин [заместитель главного редактора], Г. В. Победоносцев, Р. И. Рождественский, Е. И. Рябчиков, Г. В. Семенов, А. П. Середа, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков [главный художник], Д. Н. Филиппов

Художник Г. С. Терзбашьянц Технический редактор Н. И. Будкина

оценка труда уральцев по выполнению директивы XIV съезда партии.

Но прежде чем рассказать о работе комсомольцев области на объектах реконструкции, давайте перечислим характерные особенности ее нового этапа.

Во-первых, она проводится по инициативе специалистов и передовиков производства при всевозможной поддержке партийных и комсомольских организаций. Иначе говоря, речь идет о создании и осуществлении новых проектов, которые, как правило, выдвинуты и разработаны самими специалистами этих предприятий, естественно, с привлечением научно-исследовательских и проектных институтов и КБ.

Вторая особенность нынешнего этапа реконструкции заключается в том, что превышение проектных или даже стартовых показателей производственной экономики капитальных вложений. Затраты минимальные по сравнению с тем, если бы пришлось строить новые производства.

И, наконец, в ежемесяк появляется «реконструкция» входит решение таких социальных проблем, как ликвидация социально-экономической неоднородности труда рабочих различных профессий, преодоление различий в размерах между умственным и физическим трудом. Реконструкция повинна уделить весь межханизированного труда, открыла возможности для творчества как инженерам, специалистам, так и рабочим.

Все эти особенности нового этапа имеют огромное значение для Среднего Урала с его высокой концентрацией предприятий тяжелой промышленности, ограниченными ресурсами рабочей силы и значительным количеством старых заводов.

Сейчас же можно отглянуться на минувшие три года девятой пятилетки и подвести предварительные итоги реконструкции (цифры часто говорят больше, чем слова). 210 миллионов рублей было затрачено на реконструкцию предприятий Свердловской области. Каков же прирост производственных мощностей? Сталь — 82,5 тысячи тонн, прокат — 200 тысяч тонн, стальные трубы — 147 тысяч тонн.

Венчайшие объекты реконструкции сегодня: первоуральский новотрубный завод — реконструкция трубопрокатного цеха Т-5. Проектное увеличение производства — 157,1 тысячи тонн. Стоимость работ — 20,8 миллиона рублей. Экономия — 3,3 миллиона рублей.

Красноуральский медеплавильный комбинат имени Сергея Орджоникидзе — реконструкция суlfофикационного производства. Увеличение мощности на 400 тысяч тонн. Стоимость работ — 6 миллионов рублей. Экономия — 12 миллионов рублей.

Подобных примеров в области очень много: на каждом предприятии звучат позывные реконструкции, которую я бы позволил себе назвать реконструкцией «смиз». В самом деле, ее успехи сегодня во многом зависят от инициативы тех, кто осуществляет ее. Инициатива рабочих, инженеров, специалистов из НИИ и конструкторских бюро. Научно-техническое творчество молодежи, рационализаторская работа, содружество ученых, проектировщиков, инженеров и рабочих — необходимые слагаемые реконструкции. Вот почему огромное значение сейчас приобретает начатый несколько лет назад областной конкурс «Лучший инженер-последователь молодежи под дваждыком «Современные научно-технические и экономические знания — каждому».

Главная цель похода — повысить образовательный уровень молодежи, ориентировать ее на перспективы научно-технического прогресса, помочь овладеть ею новейшими методами хозяйствования, передовым пром-

водственным опытом, знаниями экономики. Без этого опыта, без этих знаний немыслимо современный рабочий, как немыслимо и его участие в реконструкции.

Что было в рамках похода сделано? Беспорядочно, в хаотичном порядке, создана консультационные пункты, организовано ежедневное движение инженеров и специалистов для оказания помощи рабочим, открыты учебные комнаты со справочной литературой, школы экономической учебы для инженеров, техников, рабочих, проводятся общезаводские экономические конференции — трудно все перечислить. Сегодня в флагманах города есть ученики каждого производственника, подчеркивающегося в реконструкции.

Возьмите, к примеру, творческие бригады, скажем, на Уралмашзаводе. Обычно в составе таких бригады не больше десятка человек — представитель самых разных профессий. Цель, стоящая перед ней, — разобраться, что сделано там или иной участок, что требуется для повышения его эффективности. Сначала собираются предложения рабочих, инженеров, техников. Потом они обобщаются и разрабатываются рекомендации. Потом эти рекомендации обсуждаются на рабочих собраниях, на оперативках, на партийных бюро. Уточняются задачи, корректируются предложения. И вот, когда это бригаде предстает с внедрением разработанных ею предложений. А как бригада небольшая, то заданный объем работ она старается выполнить «жалкой кровью», идя путем модернизации оборудования, рационализаторства, изобретательства. Принцип любая мелочь решается с учетом последних достижений научно-технического прогресса, вооружающего нас не только новой техникой, но и знаниями перспективы развития нашего производства.

Такие творческие бригады, в которых охотно идет молодежь — одна из наиболее эффективных форм участия комсомольцев в реконструкции. Люди не только обновляют производство, но и обновляются сами. И что еще ценно здесь — сила личного примера. Примеры покажут, что газета «Заводская звезда» заинтересована.

Это легко иллюстрируется хотя бы такими цифрами: в прошлом году только молодежь Свердловской подавала более 8 тысяч рационализаторских предложений, а экономический эффект от их внедрения превысил 3 миллиона рублей!

Но еда ли верно рассматривать группу хардкорных лидеров только как группу инициативы, поиски, расчеты. Сколько мы знаем людей — умных, умных, экономных, но живущих собственными интересами, которые даже из добросовестного отношения к своим обязанностям извлекают личную выгоду. Вот почему в числе важнейших черт характера сегодняшней молодежи — наличие общественных интересов, отсутствие разделений всего на «мое» и «заводское».

Комитеты комсомола предприятий области ориентируют юношей и девушек на личное участие каждого в жизни коллектива. Путь к тому — доверие к молодежи, создание, например, комсомольско-молодежных коллективов, ответственных за дело реконструкции.

На Уральском новотрубном заводе этого за два года удалось спроектировать, получить и смонтировать оборудование нового цеха — задана огромная Цех будет большой — 1800 человек работающих. Директор завода Георгий Социалистического Труда Федор Александрович Данилевский спасал с трибуной областной научно-технической конференции, что был бы рад, если бы цех был

введен в эксплуатацию. Комсомольцы. Но можно ли доверять только молодым и сложное производство и дорогое оборудование? Федор Александрович Евгеньевич Юминкин, как лет десять назад завод отдал один из будущих цехов в руки молодежи. Выяснилось, что Юминкин сам, строил его, одновременно учился, а потом пришли работать в новый цех. Самым «старым» там был начальник цеха — тридцать четыре года. И уже через второго года молодежный цех вышел на свою полупромышленную мощность.

Вот вам и ответ на вопрос, можно ли доверять молодежи. Одни из многих ответов. Впрочем, вот еще один: именно комсомолом — комсомольскую организацию Уралмашзавода имени Ленинского комсомола — активное участие в реализации завода, по-лучившего производительности труда, соединившего внедрение в производство достижений науки и техники.

Каждый третий грузовой вагон в стране — с маркой УЗБ. Директивами XIV съезда КПСС предусмотрено дальнейшее развитие производства грузовых полувагонов. Материализовать сухие цифры призван сверхплановый «Гагаринский завод», который молодежь завода обязалась выпустить в честь 50-летия присвоения комсомолу имени В. Ильину. Ленину.

Каков же вклад комсомольцев завода в реконструкцию его цехов? Комсомольцы шефствуют над шестнадцатью объектами реконструкции. Дважды три года поста «Комсомольского проектором» контролируют строевое выполнение графиков реконструкции и внедрение новых технологий. В прошлом году на подшипниковом участке проходило 38 субботников, отработано 11 тысяч человеко-часов, создано 19 комсомольско-молодежных бригад. Реконструкция — широкое поле деятельности для людей ищущих, творческих. Пять задач инженерно-технических работников завода — молодежь, и ее позиции сегодня: «Проектирован — значит создано».

Когда бывает обычно: приходит молодой специалист из вуза на завод, расхваливается, похвастывается, пока войдет в дело — года два пропадет. Но Уралмашзаводу к концу начинаясь инженеру сразу дают техническое задание — по его силам, разумеется. Так вчерашний вузовец ощущает себя причастным к наукоемким делам завода, включается в сотрудничество между таким же, как он, молодыми, непосредственно в реконструкции.

Впрочем, такое отношение к начинаящим инженерам, специалистам характерно для многих предприятий области. На Уралмашзаводе подавлено почте инженера Виталия Максимовича Никоновского: «Каждому инженеру и технику — личный план технического прогресса на пятилетку». Идея эта не нова, но в Уральске она в общем плане реконструкции завода. Так возникло шефство молодых инженеров над конкретными участниками в цехах, окрепла важная связь «инженер — рабочий», которая обеспечивает взаимный интерес к делу.

Эту цепочку связи продлили молодые ученые области. Девиз «Проектировать — внедрять» давно вышел за рамки одного завода, стал общим для молодых ученых и инженеров завода, борца большого удовлетворения как человека-творца, чем видеть свои идеи воплощенными в металле.

Анатолий Филипповенков возглавляет группу молодых ученых Уральских НИИ черных металлов. Средний возраст участников группы — 26 лет. Группа занимается одной из важнейших в черной металлургии проблем — разработкой и внедрением в производство конструкционных сталей, легированных на никель. Группа

убеждена, что без тесной связи с производством не может быть успешной и быстрой реализации результатов исследований. Поэтому ученые часто можно видеть и на Нижнетагильском заводе, и на Уралмашзаводе, и на Уралвагонзаводе, и на пределах области — на Карабинском и Волгоградском тракторных заводах. Годовой экономический эффект, полученный молодыми учеными на землях страны от внедрения новых стаек, составляет 1,5 миллиона рублей.

А молодые специалисты института «Уралмаш» взялись за работу по повышению эффективности перевозки медиодесорбирующего сырья, на предприятиях Урала, выезжали на Красноуральский и Кировоградский медеплавильные комбинаты, Среднеуральский медеплавильный завод, Экономическая эффективность проделанной за год работы составила почти 100 миллионов рублей.

Таким образом договоры о социалистическом содружестве между учеными и специалистами различных предприятий области. Например, областной совет молодых ученых заключил договор со Свердловским заводом коммунального машиностроения. Задание — разработать узлы машин, в которых впервые применены высоковязкие заводы. Сейчас над этой проблемой работают смешанные творческие бригады из ученых, специалистов, рабочих, и решившие ее не горами.

Также же договоры о содружестве заключены, к примеру, между Уральским научным центром АН ССР и Уралмаш заводом, между УНИХИМ и Нижнетагильским заводом пластмасс. Они помогают быстрее использовать достижения в производстве новых идей, новых методов, а ведь без внедрения нового невозможна реконструкция.

Она приносит не только в сферу производства, но и в сферу человеческих отношений. Сейчас возникла необычная форма наставничества, когда учитель и ученик — ровесники. Учитель — специалист, пришедший из вуза, помогающий ему в ее внедрении. Однажды начавшееся сотрудничество обычно не обрывается, и молодой ученик помогает такому же молодому инженеру стать на пути научных поисков. Так, председатель областного совета молодых ученых, кандидат технических наук Геннадий Тимофеевский, помогающий разработать группу треста «Пермэнергомаш» Александру Целепеву, кандидат технических наук Юрий Борисов помогает молодым инженерам Нижнетагильского металлургического комбината. А кандидат технических наук Алексей Поляков — член гостя уральцев.

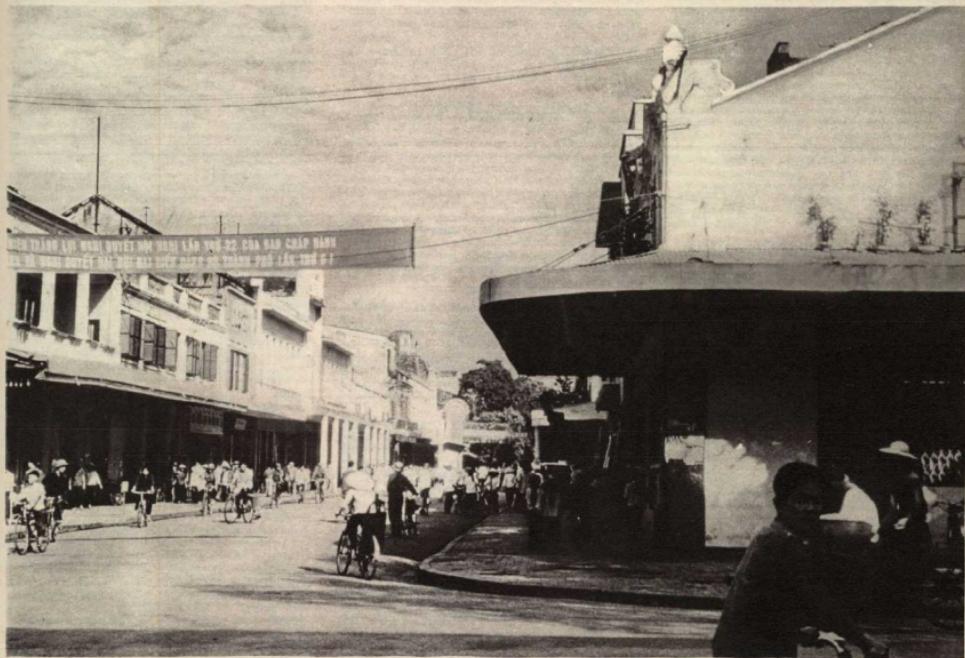
Да, реконструкция привела сегодня в движение все разрозненные. Вышли в поход за экономию и бережливость, экономили на производстве, экономили в социальной сфере, экономили в социальной сфере сотни инициативных узловых групп, оперативных отрядов, бригад партийного и комсомольского контроля. С каждым днем укрепляются свои позиции новых форм управления производством, родившиеся в ходе реконструкции — шаблы строек, шаблы реконструкции, творческие бригады по районам, шаблы строек по реконструкции, адекватно обобщающие в себе практическую смесь хозяйственных и социальных интересов.

И еще одно важное достижение реконструкции — подъем творческой активности людей, рост инициативы молодежи. Именно комсомольцы, молодые специалисты, ученые, рабочие, члены застrelышками всего нового, первого, «инициативы, творчество, расчет, дерзание» — эти требования предъявляли сама жизнь каждой комсомольской организации на предприятиях дважды одрененном Свердловской области.

НЕИСПОЛЬЗОВАННЫЙ СЮЖЕТ

Олег СПАССКИЙ,
специальный корреспондент «Смены»

(Фото Тамары ВЯТКИНОЙ и автора)

ВЕЛОСИПЕДИСТЫ ЗАПОЛНИЛИ УЛИЦЫ ХАНОЯ

ТИХИЙ ГОРОД

Французское «Абрис» (убежище), под которым нарисована стрелка, указывающая направление,— первое слово, которое замечаешь в гостинице. Пожалуй, теперь это единственное здесь напоминание о недавней войне, об ужасных бомбардировках, которые пережил Ханой.

Она выходит на зеленую улицу. Тишина, хотя стоит гостиница почти в самом центре города, в двух минутах ходьбы от озера Возвращенного Моря. По улицам шуршит бесконечный поток велосипедистов, велосипедистов для бетонных «стаканников», индивидуальных убежищ, выкопанных прямо на улицах, уже не встречающихся.

Машин в городе пока немного, может быть, потому столица кажется такой тихой.

Шум, гвалт, грохот возникают вдруг, мгновенно. Не слышали собеседника. То трещат цикады.

Сравнить этот грохот можно только с ревущим гулом старых ткацких станков, заполнявших фабричные цеха до появления бесшуменного автоматического пневморолирного станка.

Бродим по городу. Просторному зеленому городу. Лавируем между велосипедистами. Ждем, пока прозвонят мимо трамвай. Стекло в вагонах нет.

Идем по «Дороге молодежи». Слева — Западное озеро, справа — озеро Белого бабука. Дорогу это насыпали в дни субботников юноши и девушки, и теперь она стала любимым местом отдыха молодежи. Цветет дерево Фо, и у девушек в руках ветки с красными яркими цветами.

В кафе продаются пирожки с креветками.

Тихий, мирный Ханой.

Ботанический сад и зоопарк — единственный ансамбль. Нас ведут по саду. Слон этот — знаменитость. Он награжден двумя орденами. Слон здорово работает в дни войны.

А рядом, в нескольких метрах, — другая «долготренимательность»: остатки «летающей», «скользящей» машины Б-52, нашли здесь свой бесславный конец в те двадцать дней декабря 1972 года, когда столица подверглась особенно ожесточенным, немыслимо жестким атакам с воздуха. Собрать бы их все вместе, да зверям будет тесно.

Идем и идем по городу. Парк «Единство». Спиральная тень. Пройдя здесь было болото и мусорная свалка. Строили парк на общественных началах, и уже спустя два года здесь играли дети.

Тихий, мирный Ханой.

Улица Кхамтиен. Улица древних звездочетов, знаменитых астрологов. Улица, полностью разбитая и сожженная в дни воздушной агрессии.

Десятки тысяч домов, иначе говоря, целый громадный город уничтожили в Ханое воздушные

пираты, были разрушены заводы, магазины, фабрики, клубы, мастерские. Предприятия возвращались из эвакуации, а разместиться им было некуда.

После окончания войны прошло полтора года, но уже засыпаны воронки, выровнены улицы, восстановлены коммуникации, строятся заводы, водятся дома. Из сбомбированного — индустриальными методами. Из бамбука — собственными усилиями и помощью соседей.

Городские гостиницы сгребают листья. Потом — снова тишина.

Тихий, мирный Ханой.

Где-то рядом, а может, этаком выше стучат на пищущей машинке. В Ханое много приезжих журналистов. О Вьетнаме пишут много.

Сюжет для этого репортажа мне подсказывали в первый же день:

— Вам, Геннадий, — вспомнил, — 226-м, номер Грефман. Погодите писал «такого американца».

Подсказка не помогла: едва ли можно обнаружить много общего между тем Вьетнамом, где никак не могли починить друг друга английский журналист Фаулер и американец Гэйз из миссии экономической помощи, и Вьетнамом семидесятых четвертого года. Герой Грина останавливается в этой же гостинице, хотят отдать ему медаль за пору «за выдающиеся заслуги» («Беломорье»), но было это в страшно далекое теперь время, когда в Ханое еще хозяйничили колонизаторы.

Они не хотели уходить. Они по-прежнему пытались вернуться. Вперед. В августе 1945 года пришел в Вьетнам к власти народ, но столицу ДРВ удалось освободить лишь осенью пятидесятых четвертого.

Справить, сопоставить... Соблизи велико, но увы... Три десета лет — больше века, больше века — потому что эти три десятилетия властелины августовской революции, две войны сопротивления, строительство социализма.

РАССКАЗ СЕКРЕТАРЯ ЦК

Вьетнам изменился.

Изменился неизвестночно.

Вьетнам изменился. Изменился настолько, насколько может измениться страна, только что вышла из под колониального ига.

Мы ехали из Ханоя по «дороге № 5», ведущей в Хайфон, крупнейший морской порт Республики. Наш путь лежал в провинции Куангбинь, машины неслись по гладкому, ровному шоссе, и вьетнамские друзья рассказывали, рассказывали, рассказывали...

То была необычная экскурсия. Требовалась не только любознательность и внимание. Требовалось обрамление.

— Посмотрите, а здесь — красный вокзал... Светлый, яркий...

А вокзала нет. Нет даже развалины. Или груды камней. Ровное поле. Убегающие вдаль, к морю, рельсы.

Нам объясняют:

— «Дорога № 5» очень важна. По этой дороге издавна шли грузы, поступающие в ДРВ морем. В Хайфоне суда разрушились, и поток техники, оборудования, предприятий, строительных материалов, вооружения, продовольствия, грузовиков, железнодорожным составом доставлялся в столицу и дальше — в северные провинции. Каждый год рождалась более 600 тысяч тонн. Прирост в три с пополнением процента очень высок: никогда ни в одной стране во время войны такого не бывало. Наши женщины — героини.

Что же мы должны начать? Ответ не так-то прост. Почти все заводы разрушены, нужно срочно восстанавливать или строить заново несколько заводов, чтобы удовлетворять первоочередные потребности — прежде всего, мелкосерийных заводов, заводы строительной машины, по производству строительных уборщиков.

Несколько самая, самая главная задача — немедленное восстановление коммуникаций, начиная с морской, не станет единим хозяйственным организмом. Сейчас многие мости уже восстановлены, нормально работают паромные переправы, испытываются железнодорожные и речные пути, но вот морские пока опасны — остались много моряков американцев до сих пор не выплыли свое обещание разминировать подступы к морским портам.

Здесь я хотел бы привести рассказ Нуана Тиен Фонга, который был снова вернулся к той морской провинции, которой стали для нас дороги Вьетнама. И к югу от реки Бенгхай, от семнадцатой параллели, и к северу. Дороги, каждая из которых имеет свой номер. Первый, пятый, девятый. Многострадальные, израненные, взорваные, но выжившие, не сдавшиеся, не покоренные муками смертности дороги Вьетнама.

Нам рассказывали, что американская авиация совершила более ста тысяч миссий на Демократической Республике Вьетнам, причинив более чем две трети бомбовых ударов были нацелены на дороги — железнодорожные и шоссейные.

Я не видел вообще — только в воображенении — вокзал, который нам показали. Не видел и других вокзалов. От них остались лишь руины, груды исковеркенного, полусожженного металла и бетона. Но уже через неделю посланники администрации начали действовать по рапортам снова шла поездка.

Из Хайфона в город Кантхо, центр Южного Вьетнама мы заночевали в провинциальном центре Хатинь. В этой провинции только на дороге «империи № 1», ведущей из Ханоя на юг, было сто два моста. Подавляющее большинство вражеской авиации разрушена. Сейчас они восстановлены.

Реконструкция. Восстановление экономики. Залечивание ран, нанесенных войной. Социалистическая индустриализация страны. Создание материально-технической базы социализма.

Вот слова, которые человеку, начинающему изучать вьетнамский, стоит запомнить в первую очередь. Этими словами разговор начинался и этим занимался. С секретарем ЦК Союза трудящейся молодежи Хо Ши Мином и с шахтером. Со студентами и журналистами. С партнёрами работниками и официанткой в ресторане.

Страна на стройке. На великой стройке. Нуян Тиен Фонг, секретарь ЦК СМЛ Хо Ши Мин, приветствующий нас, заявил: «Знамя с ДРВ, привезенное с полемики в республику. У него, уureka, были некоторые представления о жизни страны, где совсем недавно гремела ужасающая война, та война, которую следующий после Джонсона президент США Ричард Никсон назвал «долгой и болезненной войной в нашем историю». Два суток уехали мы по «дороге № 1», ведущей из Ханоя на юг, и в течение трех часов захватили паромную переправу Юонглонг. Вьетнам, две суток добирались обратно, и потому не могли не догадываться о том, как трудно живет сейчас народ Демократической Республики Вьетнам, не могли не видеть, с каким пръяющим мужеством преодолевают он разрушения, оставшиеся после воздушной агрессии, развязанной военно-промышленным комплексом США.

Мы не видели, но нам еще только предстояло познать, как необоримо труды прообразы, стоящие перед героянским народом Вьетнама.

Увы, увы, мы с узниками — говорил секретарь ЦК СМЛ Хо Ши Мин, — насколько серьезна, трудная сейчас в строительстве ситуация. В следующем году ДРВ будет отмечать свое тридцатипятилетие. Три десяти лет — это немало. Но мирным строительством нам позволили заниматься недолго. Сосцы недолго. Нам называли войны. Сначала французские колонизаторы, затем империалистические круги США. Только в 1961 году, заменив народную демократическую партию на пятилетний план, но не успели закончить пятилетку в мирных условиях — уже 5 августа 1964 года американцы начали бомбардировки ДРВ. За восемь лет воздушной агрессии разрушено было многое, очень многое.

Сейчас мы начали заново. У нас есть успехи. Общий объем промышленности и сельского хозяйства уже превзошел довоенный уровень. Повысился тяжелый промышленности. Повысился тяжелый промышленности. Повысился тяжелый промышленности.

В послевоенное Вьетнаме немало трудностей в промышленном и жилищном строительстве, обеспеченности населения продовольствием, одеждой. Мы сейчас самая белая социалистическая страна, но нас достаточно энтузиазма, желания строить мирную, счастливую жизнь.

Мы покажем, — уверяется секретарь ЦК, — бедные герой, но, будучи героями, несомненно, спаримся со всеми трудностями. И если я скажу, что я веду курсы, нам покажут наши друзья, и потому мы с уверенностью скажем в Звартнове.

«Коммуникации, прежде всего коммуникации, в первую очередь коммуникации, эти дороги Жизнь...» — напоминает нам секретарь ЦК СМЛ Хо Ши Мин слова воождя вьетнамской революции, и мы мчимся по великолепной автостраде, где порой трудно было бы вспомнить о разрушительной войне, бушевавшей на этих дорогах, если бы не поклонение:

Дороги бомбили днем и ночью. Дороги защищали, восстанавливали, ремонтировали днем и ночью.

Дороги жили, дороги трудились, дороги вели вперед.

— Столь же важная задача, как восстановление коммуникаций, — энергобезопасность страны — продолжал наш собеседник. — А тут еще не было дондук, и гидроэнергетики не строили свои разработки, не разрабатывали народного хозяйства. Выполнено ею, мы в 1976 году приступили к осуществлению пятилетнего плана.

Нам нелегко, наше молодое поколение родилось, чтобы бороться. На Союз трудящейся молодежи Хо Ши Мин возложена большая ответственность, и два миллиона восемьсот тысяч членов Союза спасаются со своей миссией.

Мы верим в свое будущее. В будущее наших детей.

Гордимся, что почти все наши дети от 7 до 14 учатся в школах. В каждой общине есть школа первой и второй ступени [семи лет]. В стране сейчас тридцать семь сеансов учебных заведений, а раньше было всего шестьнадцать.

Вы понимаете, условия в школах скромные. Ребята занимаются там сидя, другими словами, в креслах, привезенными три года назад. Ни в каких классах преодоленного дня и речи быть не может. Добавьте к этому, что очень мало клубов, домов пионеров, и вы поймете, почему наши дети играют не на улицах, на дорогах. Запретить это было просто, но куда податься ребята?

Мы благодарим советских молодежи, собирающую средства на строительство дворцов культуры в Ханое, потому что это очень хороший подарок.

В послевоенное Вьетнаме немало трудностей в промышленном и жилищном строительстве, обеспеченности населения продовольствием, одеждой. Мы сейчас самая белая социалистическая страна, но нас достаточно энтузиазма, желания строить мирную, счастливую жизнь.

Мы покажем, — уверяется секретарь ЦК, — бедные герой, но, будучи героями, несомненно, спаримся со всеми трудностями. И если я скажу, что я веду курсы, нам покажут наши друзья, и потому мы с уверенностью скажем в Звартнове.

«Коммуникации, прежде всего коммуникации, эти дороги Жизнь...» — напоминает нам секретарь ЦК СМЛ Хо Ши Мин слова воождя вьетнамской революции, и мы мчимся по великолепной автостраде, где порой трудно было бы вспомнить о разрушительной войне, бушевавшей на этих дорогах, если бы не поклонение:

— А здесь — красивый вокзал... Светлый, нарядный...

МЕДВЕДКОНОК С КНИГИ

На полке стоит медвежонок с книгой. Подарок, привезенный из Вьетнама.

Миниатюра вырезан из куска антрацита.

Я приезжал его из провинции Куангбинь. Премьер-министр ДРФ Ван Дан называл эту провинцию маленьким Вьетнамом. Вьетнамом в миниатюре. Здесь есть все, чем славится страна. Представлены все виды производства и все природные богатства республики.

Куангбинь — это легендарный горнодобывающий регион. Именно здесь в годы господства французской колонизации были созданы первые азиатские партии. Здесь, в шахтах, зародился рабочий класс страны. Именно здесь в 1945-м впервые пришел к власти народ. В этих местах во время партизанской борьбы был создан первый вооруженный отряд — батальон имени Хо Ши Мин. Здесь, в промышленном сердце страны, колонизаторы с особым упорством защищали свое неправданье: «вот — отсюда — на судах — отправляли в тюрьмы самые последние отряды колониальных войск».

Судя по перегруженной колонизаторами увозимую всю технику, все оборудование. Шахты переставали существовать.

Французы ушли, а всего два года спустя уровни добычи угля были восстановлены. Героически мы усилиями народа, почтывавшего себя храбрым народом. С помощью социалистических стран и прежде всего Советского Союза. Сюда поступала наша техника. Сюда ехали наши специалисты.

У нас было много интересных знакомств в провинции Куангнинь. С людьми разных судеб. Разных профессий. Разного возраста.

Май Ван Нгон — двадцать восемь лет, он заместитель секретаря комсомольской организации завода «Промышленность рабочих и служащих», портирующих уголь, сейчас ремонтирует паровозы, перевозящие поезда с тем же углем. В комитете союза молодежи отвечает за организацию соревнований.

Хотя женат, детей нет. Жена, преподаватель средней школы, работает в другой провинции — Тханьхой, видится с мужем редко, два-три раза в год, переезжая к мужу. Жена пока не могла, было не до этого времени. Но ее муж — это нужнее всего страны. Там же, в Тханьхое, живут его родители. Отец и мать — крестьяне. Май — третий ребенок в семье: брат и сестра старше его.

В цехе, за работу которого отвечает Май Ван Нгон, тридцать человек. Он должен каждого обес-

печить работой, а также формировать во время воздушной войны. Сначала они расспрашивали только ружьем — пришлось смертельно трудно. Потом на вооружении были советские зенитки, и они чувствовали себя намного увереннее.

Май был двадцать один год, когда 10 марта 1965 года они сняли первый «Фантом», бомбивший их шахты.

Боялся ли он? Да, боялся, но страх — не главное. Главное — ненависть к врагу. К врагу, под бомбами которого гибли товарищи Мая. Сам он был ранен только раз и, к счастью, легко. Ненависть к врагу, который атаковал мирные, невинные объекты. Их подразделение поручили защищать промышленный центр страны — город Хонгай, расположенный недалеко от Май. Был заместитель командира роты. До 22 июня 1972 года, когда командир погиб. В тот день 91 самолет бомбила Хонгай. Эскадрильи пропали пять раз. После отбоя шахтеры, ремонтники обычно шли работать. Но 22 июня им пришлось снова и снова бежать к зениткам.

Бойцы его подразделения сбили во время воздушной войны три самолета, еще один подбили. А сам Май — подразделением из предприятия уничтожил два самолета врага.

Линейные планы были сломаны войной.

Но ведь каждый человек может начать снова — не то спрашивает, не то утверждает Май Ван Нгон.

ТРИ СТРЕЛЫ СТМ

Трибуны не было. И речей тоже не было. А был тот обстоятельный разговор, когда в отведенное время не уложились, когда многое представлялось впереди, а слова и слова возвращались назад, чтобы помочь понять задачу, работы, тревоги собеседника.

Столы составляли в один длинный-длинный стол. Традиционные национальные плащущие зеленого чая. Настолько крепкого, что привыкаешь к нему не спазду, неchedи через две, не раньше.

Встреча с провинциальным комитетом СТМ Хо Ши Минь Секретари, заведующие отделами, комиссары, представители профсоюзов Куангнинь.

Долгие годы страна находилась под иностранной господством, и оттого один из первых задач СТМ Хо Ши Минь было и остается воспитание у каждого молодого человека того мироощущения, которое точнее всего выражается в привычном у нас определении — хозяин своей страны. Партии труженицы Вьетнама, Союз молодежи ведут громадную воспитательную работу, причем каждого человека, кто входит в эту партию, кто ее знает, кто ее товарищ, козырь шахтер, рудника, завода, карьера. И эта работа позволяет преодолевать трудности. В самые тяжелые времена шахтеры работали без выходных. Лозунг молодежи не нуждается в комментарии: «Бабочкий день не измечется часами, а неделя — дни!»

Удаляясь главное — спрессовать, обогнать время. Страна, люди меняются на глазах.

Сейчас в стране не было ни одного инженера, ни одного инженера-вьетнамца. Сейчас на шахтах, карьерах занято три тысячи инженеров, в провинции две тысячи врачей, открыты десятки школ. Многие инженеры получили подготовку в социалистических странах, и мы удивляемся, слыша русскую речь: «Здравствуйте, я учился у вас в стране, в горном институте».

Главная национальная задача — рассказывали нам в последние годы СТМ — воспитание нового поколения, подготовка преданных партии и социализму убежденных строителей нового общества. Точки приложения сил СТМ Хо Ши Минь отвечают современным условиям жизни страны, задачам, поставленным в решениях XXII пленума ЦК ПТБ.

Первое направление — самоотверженный труд, экономия; стремление при меньших затратах добиться больших результатов. Второе — совершенствование управления производством. И третье — устранение отрицательных явлений в труде и быту.

К этим трем стrelам СТМ добавляется не менее важная задача — повышать боевую готовность.

Молодежь играет важнейшую роль в восстановлении народного хозяйства, зачинщиках рабочих, наездных войск. В провинции Куангнинь СТМ занимается восстановлением объектов, и все они — большие и малые — перевезены плавами. Сорок процентов всей молодежи провинции — рабочие, и сильные горы — члены СТМ.

Здесь созданы комсомольские бригады, экипажи судов и машин, специальные отряды-авангарды, демонстрирующие образцы труда, дисциплины, учебы.

Каждый член союза молодежи имеет свой лич-

ный «План революционных действий». Ежемесячно на собраниях ребята отчитываются о выполнении этого плана — на сколько процентов справились с нормой, как усилился, как поднялся товарищеский дух.

Площади моральных, хотя комитет комсомола может не подозревать того или иного молодого человека.

Суббота — день молодежного управления. На этот день, как правило, остается самое трудное. В субботу подводятся итоги недели, и потому молодежь стремится отметить этот день показательным трудом.

Накануне руководители СТМ встречаются с директивными предприятиями, выясняют, что не сделано, что не выполнено, что не учтено, что не учтено, потом рассказывают товарищам о сложившейся ситуации, обсуждают, что, как, какими силами можно и нужно выполнить. Комсомольский актив вместе с хозяйственниками обсуждает важнейшие производственные вопросы, и это прививает наставническую мысль в управлении.

Но есть и другая сторона проблемы. Что значит суббота? Последний день трудовой недели? День отдыха? Никогда не называли субботу «днем отдыха». Суббота — это помощь коммунистической партии своей тяжелой наставницей — монументом человека. День, когда уставшие люди могут срывааться по любому незначительному поводу.

Но ведь — вы не забыли? — это не просто суббота.

Все начнется. С самого начала. Это непросто. Очень непросто. Нужна координация, координация, координация. Стартуют войны! Люди измучены. Люди жаждут передышки, жаждут отдыха. А оттуда вы не можете. Нужно работать. Героически, самоотверженно работать. Работать, обогнав время, спрессовывая десятилетия в годы.

И потому мы не могли не восхищаться самоотверженностью юношей и девушек Куангнинь — организации СТМ Хо Ши Минь провинции в мирные дни награждена двумя орденами.

«ЛЬЕНСО!»

«Льенсо!», «Льенсо!» — «Советский!», «Советский!» — кричат мальчишки и девчонки на улицах Ханоя и Хайфона, увидев иностранца. И пусть встречный будет не москвичом или ленинградцем, а варшавянином, берлинцем, жителем Будапешта, Софии или Гаваны, его все равно будут радостно приветствовать «Льенсо!».

Ибо и дети знают, как значительна помощь советским людям германскому вьетнамскому народу.

Социалистические страны помогали Вьетнаму защищать свою страну в годы войны. Сегодня они помогают ДРВ залечивать раны этой войны, укреплять и расширять экономику, строить новую жизнь. Друзья из ДРГ, например, участвуют в восстановлении города Винья, кубинцы помогают в восстановлении Донгкота, таджики Таджикистана.

И почти в каждой краине мира, в любой стране, в которых труженики трудятся наши соотечественники.

Мы приехали в Хайфон и в порту поднялись на борт теплохода «Бабушкин». Судно это хорошо знают в Вьетнаме: «Бабушкин» — первый раз пришел в Хайфон, а во время блокады порта теплоход девять месяцев стоял в порту. На этот раз на борту судна 12 тысяч тонн груза — машины, механизмы, машины консервы, сахар.

Проводы «Бабушкину» и подарки советской молодежи.

Это уже традиция. Замечательная традиция. «Смена» рассказывала о «Кораблях солидарности», отплывающих с берегами Вьетнама, о кораблях с учебными пособиями и оборудованием для школ и вузов, со спортивным и культурным инвентарем, снаряжением для ударных отрядов молодежи. Вьетнамцы очень любят журналы и о том, вспоминают подругу, которую привезла комсомол из своих сверстников в мирном строительстве страны, о веселосмеющей кампании «Советская молодежь — юному поколению Вьетнама», и чтобы не повторяться, я оточкаю читателя к очерку Эдуарда Ильину № 12 за 1973 год.

* * *

Стройка. Великая стройка. Вот что такоэ ДРВ сегодня, спустя полтора года после подписания парижских соглашений о мире со Вьетнамом.

Вся страна — стройкой. Реки, океаны, реки-реки — зеленый тихий Хай. И подводные реки-реки. Красной — житница страны. И Хонгайский угольный бассейн. И порт Хайфона. И электротрансформаторы Уонгби.

И, конечно, дороги Вьетнама. Мужественные, непокоренные дороги Вьетнама.

МАЙ ВАН НГОН ВОЕВАЛ НА СВОЕМ РАБОЧЕМ МЕСТЕ.

печь работой и так всех рассставить по рабочим местам, чтобы было достигнуто максимальная производительность труда.

Мы сидим в симпатичном темпе высоченных кокосовых пальм, и Май Ван рассказывает мне, что самым трудным для него было вспахивать землю, учиться на фермерском участке — автомашине, кстати, бывает же так, именно эту самую склонную математику любят он больше всего, вспоминает книги, которые он перечитывает при первой же возможности, называет в их числе и «Как закалялась сталь» (замечу потому, что роман Островского, как и «Месть Горького, необычно популярен в республике), рассказывает, что мечтает иметь сына и бонгитором — об этом вспах: может, разглядеть усталые плечи, пропахшие землей, — заявляет отец, та, всегда рисующую поплыть вспаху. Слушаю его, время от времени берусь за керамиды и пытаюсь — по не слишком хороший прывычке — сравнить Мая с кем-то из своих давних знакомых, чтобы лучше понять собеседника, однажды чувствуя, что характер ускользает, что это безнадежная затея. Есть, ли общее у Мая и его соотечественников? Помимо, есть... Так же думает, к тому же стремится. Да, конечно, читает, читает, и все-таки... Все-таки он напекож: вся его жизнь связана с войной. Здесь, во Вьетнаме, выросло целое поколение, не знающее, не видевшее мира. Только-только привыкающее к спокойному миру. Юность их окончилась рано. Досрочно. Как тут, кому четырнадцать-пятнадцать было из горок первым. Кто в семнадцать-восемнадцать увлекся форсированию Днепра и Одера, и обожданно-свободившем Минске «Варшавы», к штурму Берлина. Только у наших было спокойное, мирное детство.

Май воевал прямо на своем рабочем месте. Он и сейчас еще командир роты зенитчиков, хотя, конечно, число постоянных резервистов сократилось. Но они по-прежнему хранят боеготовность.

— Как в вашей песне: «Мы — мирные люди, но наш бронепоезд...»

ПЕРВЫЙ СЛОЙ

Кир. БУЛЫЧЕВ

РАССКАЗ

телефон зазвонил в половине двенадцатого. Я дал ему отзвонить раз десять, надеясь, что надоест. Кому-то что-то было нужно. Я не филантроп, я не гуманист, я равнодушный к людям человек. Я бывал хорошим только потому, что так проще. Я снял трубку, прорычал в нее какое-то слово, которое можно было трактовать как угодно.

— Гиии,— сказал телефон голосом Давида.— Тебя не разбудят!

— Разбуди, — сказала я.

— Я так и думал, — сказал Давид.— Сейчас за тобой заедет наша машина. Шеф уже в институте.

Очень тронут! — сказал я.— А что делает мой дорогой шеф в институте, часов ночи? Несовершеннолетние преступники разбрьали установки на винтики для детского конструктора?

— Ни пакости! Гиии, — сказала Давид скучным голосом. Он всегда говорит скучным голосом, когда я вспоминаю... Серьезное дело. Машина заедет за Руслано, это неизвестно?

— Рядом. Я вчера проколова ее до дому, и ее отец целился в меня с балкона. А вчера скотину сезон еще не открыл.

Давид повесила трубку, чем показал всю серьезность своих намерений. Я решла никогда не ехать, когда мне вступится профсоюз, но на всякий случай начала одеваться. В этом вся моя неподследовательность. Наверно, она происходит оттого, что я рос без отца. Я принимаю решение и тут же начинаю действовать наоборот.

Я не успела накинуть пиджак, как под окном коротко тявнула машина. По голосу это была директорская машина. Разумеется, и я должна буду ехать, а все за меня уже решено.

Было поздно, и я сидела в февральском городе. Русыко была испачкана и помяла сознание собственного достоинства. Не каждый день за хирургической сестрой присыпала черную «Волгу».

Руслано, — спросила я, усаживаясь с ней рядом, — что приключилось в институте?

— Ни знаю, — сказала Русыко таким тоном, будто она-то знала, а вот еще неизвестно, допустили ли я ктайне. — Мне позвонили.

— Оттуда? — спросил я, уперев пальцы в потолок машины.

— Будет операция, — сказала Русыко.— Наверно, из-за землетрясения.

— Чего? — спросил я, уперев пальцы в потолок машины.

— У меня было землетрясение, — сказала шефер.— в горах.

— А мне не сообщали, — обнялась я.— Наверно, судачили, а когда я вылез из лаборатории, ни слова. А я обожаю поговорить о землетрясениях. Скажите, сегодня в Топанске не было извержения вулкана?

— У нас здесь нет вулканов, — объяснила мне прекрасная Русыко.— Вулканы на Камчатке.

Перед институтом было вавилонское столпотворение, как будто дело происходило в краине рабочего дня. Стояли машины, бегали люди, в половине окон горел свет.

— Землетрясение продолжается, — сказал я, вылезая из машины. Мной уже овладело беспомощное предчувствие.

Давид и сам Доркиндиано стояли посреди холода.

— А вот и Гиии, — сказала Дара, и обернувшись к Русыко, приказала: — Сейчас же извергай, в операционную! Я скромно там буду.

— Пристегните, — сказала я.— Где здесь спасровочный бирю? Я желаю быть информирована о своем близлежащем будущем.

— Разъясните, — сказала Дара, и повесила свое грузное тело на второй этаж.

— Только в двух словах, — предупредил меня Давид.— Мне позвонил Платон из «Скорой помощи». Гиии? Не знает ли Ну, Нуадо. У них больной, шокирован, и еще выясняют они его или нет. А там эпизент землетрясения. Малышинский землетрясение.

Пальцы Давида показали, какие масляные бывают землетрясения.

— Не может быть! — парализовалась я.— Таких маленьких не бывает.

— В Тбилиси в некоторых районах звенела посуда в шкафах.

— Это от городского транспорта, — постаралась я утешить Давида.— А все-таки мы при чем? Мы — «Скорая помощь». Мы — научно-исследовательский институт. Можно сказать, Институт мозга.

— Вот именно. Институт мозга. А Пачулия зна, над чем мы работаем. Он в феврале был на конференции в Киеве. Идея, конечно, малореальная, но от этого зависеть не может.

— Так это Пачулия? — спросила я.

Давид посмотрел на краткие электрические часы над лестницей.

— Я начну спальчать, — сказал он.— Два часа назад, на дороге, в сорока километрах от города, был найден некто Бесс Гурамишвили. Его нашел шефер грузовика и хотел было отнести в больницу, в район, но тут появилась машина спасателей. Они его искали.

— А почему спасатели искали Бесса? Он альянтист?

— Нет, он спасолог. Ты, конечно, не читала, ты ничего, кроме развлекательной литературы, не читаешь. В прошлом году спасологи начали проходить квалификационную подготовку.

— Ну что у тебя есть? — спросила я.— Где мы побываем на сцене?

— Согласна! Днем там было землетрясение. Вход в подземелье завалило, ссыпь превратилась, и что случилось со спасологами, никому не известно. Представаше, до самой ночи они пытаются бурить завал, инрут, нет ни артизус ходов в пещере, и вдруг на дороге, в десяти километрах от входа, оказывается Бесс Гурамишвили. Они подозревают, что там неподалеку другой вход, но пока не нашли.

— А он ничего не может рассказать.

— Правильно. Он ничего не может рассказать, и есть основания полагать, что привести в сознание его сегодня не удастся... И тут может потребоваться наша помощь.

— Каким образом?

— А как с ее помощью добираться до спасологов?

— Идем налево, по пути ты будешь думать. Может, догадаешься.

Я шла по лестнице. Передо мной покачивалась широкая, мягкая спина Давида, и я никак не могла придумать, как с помощью нашей установки можно откопать спасологов. Сразу восемнадцать человек, нет, семнадцать, один из них как-то выкарабкался...

— Понял, — сказала я.— Значит, Бесс знает, как к нам пробраться, не разбирая зала.

— Ты почти гений, — сказала Давид, серьезно.— Эта мысль принадлежала Пачулии, когда он вез Бесса в Топанси.

Мы покинулись в дверях кабинета Лорда.

Давид спросил:

— Будут готовить установку?

— Я уже распорядился, — сказала Лорд.— Кто будет принимать?

— Я, — сказала Давид.

Лорд посмотрел на него в глубоком сомнении. Я понимала Лорда. Давид — маленький из хороших семейств, которого много и вкусно кормили в детстве и не заставляли заниматься спортом. Давид получался мятежником, который всегда был на удивление родственников, работодателей. Он был уверен, что всему во всем оккупистам Союза, чуть ли не во Владикавказе. Могут на месте Давида возникнуть Сокоя, чуть ли не во Владикавказе. Могут на месте Давида возникнуть Бади, медийник, и он, конечно, поборется ее. За музы, что ли?

— Если получится, — сказала Лорд.— то придется туда папа.

И он обратил свой взор ко мне, из-за чего я непринужденно расправила плечи. Я рос в деревне, много драмы, меня не вязало по вrazам и не учили мыть руки.

— А ты, Гиии, как думаешь? — спросила Лорд.

— Я думаю, что можно приступить, — сказала я.

Давид замурлыкал что-то о своем опыте и готовности. Лорд уже шел к лаборатории.

— Давид, — постаралась я его утихомирить.— Каждому свое.

Я люблю наши установки, потому, потому, что из этой любви мне платят зарплату и именем зовут прими. И еще потому, что понимаю в ней куда милье Лорда, и даже меньше Давида. Хотя никто не понимает ее целиком. Она настоящая женщина: непредсказуема и капризна. Она может одарить тебя постукиванием щипчиками, а затем обидеться на что-то и отказать с собой сотрудничать. Она занимает половину второго этажа и подвал, куда уходит инженеры, отвоскисшие к нам, как к ледяному второго сорта годным. Разработали методику ее применения, и все друг другом вспоминают, развернувшись. Хотя в этом есть определенная доля коммерции. История с этой компанией я знаю. Потому что меня сейчас раздражает то, что я не могу участвовать в конгрессах в Париже и у меня нет очков для чтения, привезенные из Франции. История с этой компанией я знаю, потому что им не太 болею. Я знаю это название; инсектируя на стражайший запирь Лорда, я принесла информацию о кобеле по кличке Русылан — это было первое извещение, удивительное по бедности чувств... наверно, я не смог разобраться в эмоциях пса. Но одоле я знаю наверняка: ко мне Русылан испытывала симпатию, а к Давиду — никакой. Он хотел Давида укусить.

Я заглянула в операционную через стеклянную дверь. Русыко готовила инструменты. В жемале халате она выглядит эффектно. Когда она поднимает голову и увидывает мясо, я изображена в лице восхищения, но босса, что она меня не понимает, не любит. И я не могу усмирить вы滋生и замуж за Давида, а он опасается, что мясо будет ворождой.

— Поняла бы, — сказала я.— Гиии смирился с тем, что раз в неделю мне приходится брить голову, и сейчас, чтобы я похож на Майковского в трудный период его жизни. Моя знакомые полагают, что это — мое чудаство, способ побороть интеллектуальную неспособность.

Нателла утюгивала меня кутилии и мог мигом рассстаться из любви к ней, к Нателле. Я не пришла из Венеции и мог мигом рассстаться из любви к ней, к Нателле. А я пришла из Владикавказа Саркиса, только показала венецианские, которые ходят в парижских.

Я брызнула и вспомнила, как мы в парижской установке, в которой собрались из трех стран, привезенные из разных стран, включали установку, которая должна была помочь в лечении спасителями.

Я видела, как Нателла, собравшая из широких лаком, привезенные из Франции, Дарси, с инженерами суетились у пульта, и хотя минут через десять глянцев инженер сказал: «Попала запись», — мы не в были уверены.

Когда собаки пронеслись, мы сладили за щами, как подозрительные ревинчики за женщинами, а собаки лаком, молоко, сало и мясо. И Русылан смотрела на дресировщицу пустыми глазами. А мы ведь специально выбрали цирковую собачку, потому что она много в жизни испытала и умела. Дресировщица, конечно, терпел понапрасну время, когда мы платили ему за то, что он не вспоминал, что ему вести, чтобы можно было вернуться.

Что, можешь передать, если зайдешь в Топанси? — спросила я. Что Русылан должен знать, теперь что-то, что я не знаю. Собаки. Мы и сами сомневались. И это было парижским парижским, потому что это было мало ужасом нескошко лет и масса денег и все эти годы самые серьезные и образованные люди считали Дару парашютом. А к вечеру того же дня, когда устали и скептически настроенные дресировщики вновь приступили к Русылану со своими приставаниями, прошелась на задних лапах, сделала салто и неловко прыгнула сквозь занавес, подскакивая на собачью языку, что делать дальше. Русылану было противно заниматься делами, недостойными чистого крупногабаритного пса, но он занималась, потому что в его памяти уже лежал рефлекс, полученный от ряжей собачки. Через два дня он обо всем забыл и вернулся к обычной, непрятательской жизни. Дресировщик так и не поверил, что собаку можно в пят-

ПАМЯТИ

Рисунок Геннадия Новожилова

минут научить всему, что его подопечные пытывали в себя месяцами, забрал свое рийкое сокровище с бритой головой, рассчитывая в бухгалтерии и остался нами недоволен.

Все это не значит, что мы с тех пор катились к славе по рельсам. Мы плелись к ней, превозились в ямы, блуждая по горным тропинкам, и регулярно возвращались к началу пути, охваченные удачурящими мыслями о том, что инвалидность — это не конец, а начало, и что мы можем вернуться в горы Грузии, а они почему-то передавали своим преемникам лишь обрывки глупых воспоминаний нам манеру кусаться исподтишка. Мы лягали маказ и мартышек, которые никак не могли получать от информаторов элементарные навыки кидать кожурой банана в нелюбимого смотрителя. Мы, наконец, жертвовали собой, и я два дня подряд мучась засторогом расказанием Дацана, который, оказывается, в семилетнем возрасте украл запонку у ледушки Ираклии и в ужасе от содеянного запустил ее в Курь.

— Гиви, ты готов? — спросила Нателла. — Большому ужасу привезли.

— Я как пионер, — ответил я. — Всегда готов. Ты была когда-нибудь пионеркой?

— Гиви, — сказала Нателла с укором. Ей хотелось, чтобы я был такой же серпельный и талантливый, как Лорд, чтобы я был альтистом, отзывчивым самого Швейцера. Она с жевской недальновидностью не понимала, что, выложив все ее условия, я потерял бы для нее привлекательность.

— Ты был самой умнейшей и передовой пионеркой в классе, — сказала я убежденно.

— Я тебе подготовлю, — сказала Нателла.

— Не надо. Меня будет готовить Дацан. Не лишай его этого удовольствия. Если же ты этим заночуешь, то я не смогу настроиться на прием. Я буду думать только о тебе. Кстати, ты не хотела бы стать мной информатором? Я тебе достану парик.

Ни в коем случае, — сказала Нателла. — И не из-за болезни.

— Да, бояюсь.

Когда я, стерилизованный, как тампон, вошел юдом, появился в операционной там уже все было готово. Я подошел к столу, на котором лежал Бесс Гурманишвили, и начал снимать с него шапку. Он не сопротивлялся. Даже мно было ясно, что они поддергивают к Бессу жизнь из поседых сна. Бесс мно покидала. Его обрили, и он стал похож на меня. Или на Маяковского.

— Ты готов, Гиви? — спросил Лорд отеческим голосом, как будто собираясь прыгнуть меня в зоопарк или каре-мороженое.

Я лежала на столе и, если повернуть голову, мог увидеть острые темные профиши Бесса. Аnestезиологи пришли к какому-то решению, и молодецкая кардиологическая из нашего института была допущена в их высокое совещание. Я попыталась встать, но не могла. Я не могла встать, потому что я не могла встать. Я не могла встать. Я никогда не была в пещерах, наверно, я ощущала духовную близость к троллядам и боялся пещерных медведей и тигров. Дацан смотрел на меня ласково, как малыши из коробки на мальчишку с седого двора, с которым ему не видено играть, но играть очень хочется.

— Надеюсь, Бесс никогда не крад запонок у ледушки Ираклии, — сказал я Дацану, и это было мои последние слова, потому что они дали мне наркоз, что я также не вынышу.

Наверно, во сне я думала о том, что анестезиологи меня надолго отключают не будут, потому что заснула в себе, именно с этой мыслью в голове. Но кто же знал, почему меня надо надолго отключать, я дотормливалась сразу.

Было темно. За стеклами матовой дверью горел свет и по стеклу, как в театре пропалывали человеческие силузы. Страна ждала моего пробуждения.

Как всегда, болела голова. Я был разочарован в себе и вновь перед Лордом, который не меня так рассчитывал. Я подняла руку, чтобы посмотреть на часы, но, конечно, никаких часов на мне не было. За дверью шелестели голоса. Слух у меня был обостренный, и я различила чей-то низкий говор, наверно, Лорда.

— Погодите, даинин, обычно проходит несколько часов, прежде чем начиняется привыкание информации.

Дверь открылась, и на цыпочках вошла Нателла. Я закрыла глаза, мне не хотелось с ними разговаривать. Нателла что-то делала на столике у койки, звяканье стаканов. Она вышла. Сказала там, в коридоре:

— Спит еще.

— Я сделала кофе, — услышала я голос Русико.

Я была благодарна Русико, которая догадалась, как их всех отвлечь от Орнеллы. Орнелла тоже обрадовалась возможностям отвлечься, и мальчики начали ее стеклами пропалывать.

Мне надо было что-то вспомнить. Я что-то забыла. Что-то важное. Я представила себе Бесса, лежавшего на операционном столе, и подумала, что никогда еще не видела себя со стороны. То есть не себя, а его. Я чего-то не сделала, что обязательно должен был сделать, хотя эта обязательность относилась не ко мне, а к Бессу, и меня беспокоило, не потеря ли я Это. Где-то в глубине сознания я оставалась самим собой и понимала, что во мне просыпаются мысли Бесса, и рад был тому, что они существуют, но в то же время не только для Бесса, но уже и для меня важнее было исходить из этого. Я не хотела, чтобы не о нем, я хотела, чтобы не о себе, я хотела, чтобы не о своем, и в ничего не было о своем. И не могло вспомнить о нем, потому что никогда в ней не было, близко не подходило. А Это должно было лежать в кармане джинсов. Он ничего не знал об институте, о том, как оноказалась здесь. Это знала только я.

Когда Бесс привезли в институт, его раздели, а одежду отправили на первый этаж, в кадовскую. Вернее всего, в кадовку. Конечно, его могли раздеть в «Скорую помощь», пока влезли сюда, но это маловероятно.

Вот теперь Гиви должен был взять верх над Бессом. Но почему-то я этого сделала не могла. Я сидела на кровати и с минуту старалась унять тошноту и головокружение. Ах, как трогательно! Родовое привидение увлекает наследника шотландского замка в загадочные болота. Надо, Гиви, надо. Я обижила, что мой наряд ограничивается трусами. Друзья забыли меня облачить хотя бы в болыничные пижамы.

Через дверь можно было ходить опасно, в любой момент может вернуться Нателла. Придется прятать со второго этажа. Это неразумно.

И я сяд на кровать и с минуту старалась унять тошноту и головокружение. Ах, как трогательно! Родовое привидение увлекает наследника шотландского замка в загадочные болота. Надо, Гиви, надо. Я обижила, что мой наряд ограничивается трусами. Друзья забыли меня облачить хотя бы в болыничные пижамы.

Я подошел к окну и раскрыл его. Как и положено, окно раскрылось со скрипом, способным разбудить тень прошлого в фантастическом сне. К счастью, моя комната пахла корицей и отгадками. Черная клумба находилась далеко впереди. Может, она ошиблась и положила меня не на втором этаже, а на шестом? В окно проникал жгучий холод. Надиро, с луны, которая освещала деревню.

И вдруг я пропал. Пропала моя слова, моя настроения и даже мое чувство юмора. Меня надо было как можно скорее взять. Это и сделали то, что мне положено было сделано. В коридоре послышались шаги. Мисс показалась что-то Наталья, почтительностью наездившая, спешит к памяти. Я перекинул ноги через подлокотники и встал на ковер. Потом я увидел в окне свою комнату. Бензя ударила по себе в нос, а не изогнувшись, ушла, ушибся, измазалась в грязь, не опнувшись — только раздражение. Бесс прыгнула бы лучше.

Я сидел на клумбе и прислушивалась, не в мою ли память вошли. Если это Наталья, то сейчас поднимется паника и до ладовой мне не добраться. Но это все тако. Я встал, отряхнул с колен землю и пошел к двери к служебной двери.

Луна светила мне в лицо, и на фоне белой стены выделялась, как жук на листе бумаги. Вот и окно в кладовке. Оно забрано решеткой и для неспящего недоступно. Но я вчера смысла сотования кладовщицы на неизвестность, зная, что склоняется она к памяти. Бензя Ильинская, я ног подковыпал, — это я сейчас поднимусь паника и до ладовой мне не добраться. Но это все тако. Я встал, отряхнул с колен землю и пошел к двери к служебной двери.

Я вошел в служебную дверь, потом нашелась дверь в кладовку и толкнул ее. Дверь послушно открылась. Моя психологический этюд от институтского семинара оправдалась. Я зажег свет, поглядел, что сегодня ночью в институте не грабители. Одежда Бесс лежала на столе. Кладовщица не было, когда его привезли, одежду просто сложили здесь. Я не удивился тому, что узил вещь Бесс, удивительное, если бы я их не видел.

Я натянул на себя куртку и, вытираясь, вымылся, мне почти впору, надел куртку и ворвались в дверь санитар. Ему это было приятно, на руках занеслась краска.

Из кармана джинсов я извлек пакет Фонарь светил сбоку, и глаза казались черными имами. «Что мне обещаешь?» — спросил Резо. «Обещаю», — сказал я.

Эта картина промелькнула у меня в сознании четко, словно я сам видел этого неведомого мне Резо. Я стоял в первоначальности.

«Дальше что?» — мысленно спросил я Бесс.

И тут же я понял, куда мне надо ехать. Именно скоты и беспечности. В деревне Мокши. Туда идет путь. Я взял с полки стола Бесс. Она еще пахла кипятком. С одеялом не прошло и трех минут. Другой раз я бы на своем месте лежал и мучился, я же отправлялся в путешествие. Больше задерживаться было нельзя. Я потянул свет и вышел из кладовой. Городской транспорт еще спит и видит сны. Может, удастся поймать такси.

«Ты учишься его дум. Он последний на улице. Все в диком винограде. А перед ним розы. Ни у кого в деревне больше нет роз.»

Этого говорил Резо. Его голос.

Я перебрал газон и плюхнулся на полуоткрытые ворота. В такую ночь все правила были забыты. Где сейчас почтовый сторож?

Быстро шурпала Кира. Задыхаясь, она открыла дверь. Мисс показалось, что со стороны института раздавался крик. Меня зовут? Я пошел по щеке к горлу. Я бы бежал, но снова подхватила тошнота и в голове плюемало. Я обернулся. Единственный огонек такси высокий из-за поворота. Я вышел на середину дороги и поднял руку. Машину затормозила.

— Разреши не видишь, что в парк еду? — спросил таксист, высываясь из окна. — Никогда я тебя не видел.

— Мне тоже не видеть. — Свистнул я на телефонную станцию.

— Ну и другое, — сказал таксист.

— У меня срочное дело. Пожалуйста, подвези.

Сторговались на пять рублей. Шофер покорялся смея денег, но это не сняло его раздражения. Он смотрел перед собой, к моне не обращавшись, буда недоволен собственной уступчивостью.

«Камень ринулся из-под ног, и воздух ударила в лицо. Воздух был плотный, и в нем потухла звук облака. Кто-то вскрикнула. Я упал на пол пепели и удалился к каску. Я знал, что мор умереть, мне хотелось только, чтобы все это скоро кончилось. Рычание горы не прекращалось, словно порода старалась заполнить все пустоты в горе...»

— Давай, — сказал таксист. — Генерис мне до парка линии десять километров. — Спасибо.

Мои руки не знали, в каком кармане лежат деньги. Деньги остались в пиджаке Гени.

Я дрожал, забыл, — сказала я спокойно, потому что я уже был на автобусной станции и до Мокши ехать не больше часа.

— Шутнишь, — убежденно сказала шофер. — Шутнишь.

— Завтра придется ко мне в институт, — сказала я. — Десять рублей заплати.

— Шутнишь, — повторила шофер, озабоченная. — Дорого тебе обойдется эти шутки. В парк поехали. Там поговорим.

— Возьмите что-нибудь влагу, — сказала я.

— Что с тобой возьмешь? — спросил шофер.

— Чай, — вспомнила я. — Возьмите чай.

Я не стала ждать его ответа, поткнула за металлический браслет. Передал ему чай.

— Не нужны мне твои чайсы, — сказала таксист.

— Хорошие чайсы, японские. «Сейко», — сказал я. Чайсы принадлежали Бесс, и потому я знал, что они «Сейко».

Это убедило шофера.

— Аладин, — сказала он, — всяческо бывает. Мой номер запомни.

Он сказал номер. Какой-то разин автобус подъехал к зданию вокзала. Я побежал к нему. Над ветровым стеклом автобуса был написан маршрут. Автобус шел в другую сторону. Таксист ехал за мной.

— Номер не забудь! — крикнула он.

На вокзале еще царила ночь. Несколько случайных пассажиров коротали время, дремали на скамейках. Я угадал доску и бросился к ней. Я сам никогда не ездил в Москву, но Бесс сырья там была. Ближайший автобус в сторону Томска уходил через полтора часа.

Я стоял перед доской. Последняя моя ценность, часы, уже исчезла.

Придется идти на югове, потому что шофер грузовиков более отталкивает людей, чем таксисты.

— По залу труслив шофер такси. На его толстом указательном пальце болтались часы «Сейко».

— Ты куда убежал? — спросил он строго. — Я уже час как работу кончил, а должен за тобой по всему Томиши бегать.

— Ну, что еще? — спросил я.

— Ты номер не записал, — сказал таксист. Он был немолод, почему-то кожа на Лорда, словно был его старшим братом, избранным иную судьбу.

— Пойдем, — сказал я. — На улице поговорим.

Мон был бледен, словно на раздубаю ожаждющих, они смотрели на меня с подозрением, словно я заодно собираюсь утащить их членом.

На улице было забко, снегу дала ледяной ветер. Снегирь Беско почти не греялся. Я покашлял.

— Тебе куда надо? — спросил таксист.

— В Москву.

— Знаю, — сказал таксист. — У меня там брат жив. До войны еще. Потом уехал в Рустави. А у тебя там любимая девушки?

— Почем?

— Очень интересно, — сказал таксист. Он достал пачку сигарет, прокурив одну. — Ты не думай, что я из-за пяти рублей на тебя накинулся, — сказал таксист. — Я обмыланчиков не люблю. А то, быдь, сидел, денег нет, а сам склизки придумывают.

Я оглядел площадь, надеясь, что случится чудо — появится автобус с надписью «Мокши» над ветровым стеклом.

— Важное дело у тебя в Москви? — спросил таксист.

— Вы уже отработали. И денег у меня нету.

— А ты в мои дела не вмешивайся, — сказал таксист. — Я лучше тебя знаю, что мне делать. Сядись в машину.

— Сядись в машину, говорю. Сколько я тебе посреди площади ждать обязан?

Мы выехали из города. Уже светило. В кабине было тепло, уютно и тихо в салоне. Поливальная машина обдала нас струей воды, и капли скатывались по стеклам.

— Я сумасшедший, да? — спросил шофер.

— Нет. Добрый человек.

— Я добрый. Я в такие часы все равно в залог оставляю.

Затем включился радио. Мы стояли на пыльном перекрестке, и свет никак не переключался.

— А тебе какой дом в Мокши надо? Я там всех знаю.

— Последний дом на улице, — сказал я. — Весь в инограде. И розы. Ни у кого в Мокши больше нет роз.

— Так я и говорю. Там хромой Баграт живет. Ты к нему?

— «Я откуда общался», — сказал Резо, — что постараюсь найти. Я сам не верю в это, а он очень верит. К нему профессорша возвраща, но профессор сказал, что вряд ли можешь помочь. Старый отец у меня. Но он верит, говорит, что стыдно, что я виноват. Я молчу, когда виноват. Да револовки один кинь пренесла.

Я достал из кармана джинсов пластиковый пакет, выпущенный из него газетный свисток. В газете лежали кусочки жевательной смолы, похожей на интарью. На синцу они были мыльными, легкими и испускали сладковатый восковой запах.

— Что у тебя? — спросил шофер. — Ты где разводишь?

— Нет. Лекарство, — сказала я.

Шофер остановил машину. Я еле успел подхватить кусочки смолы. Машина въехала на обочину.

— Славнай! — сказала шофер. — Ты это где нашел?

— В пещере, — сказала я.

— Правильнай, — обрадовался шофер. — Горный бальзам. От всех болезней лечит, да?

— Старики верят, — сказала я.

— Ты старому Баграту смы? Чего же ты раньше молчал?

— Не смы. Смы передать поручу.

— У меня есть смы, — просила бальзам достать. А где доставиень? Тебя первым я уже известил, а места настонные забыл.

— Не проверено, говорят.

— Вам нужжо? — спросил я.

— Зачем мне? Я здоровый. А думаше, поможет?

— Не знаю, — сказала я. — Очень важно, когда больной верит в лекарство.

— Правильнай. Мне от всех болезней аспирин помогает.

Мы снова выбрались на дорогу и километрами через дымах с нее на проселок. Синий язычок указывал на стrelку «Мокши» — 4 км.

Старый дом был обнесен деревянным забором. За забором лежалась в расщелине холма — пещера. Но еще не было, рано быть разом. Резо, видно, знал, что разом не пронести в пещере. Членок, подняв ровное ухо, подбежал к калитке и винаях, попрощавшись.

— Спасись, — сказал я шоферу. — Я запомнил твой, не беспокойтесь. Я зября на вас наяд.

— Зября и не работают, — сказала шофер, выпнимая из кармана часы.

Возьми. С самого начала сказала бы, в чем дело.

— Пускай часы у вас останутся.

— Ты что думаешь, я тебя за паршивые деньги вози?

— Я взяла часы.

— Может, хотите, поделась с вами бальзамом?

— Зачем мне? Мой мать уже умерла. А я здоровый.

Я толкнула калитку.Щелчок двери, и я увидела в сторону и побежала передо мной к веранде. Шофер, не спеша, подняв ровные лопаты, перегородил дорожку.

— Спасись, — сказала я шоферу. — Я запомнила твой, не беспокойтесь. Я зября на вас наяд.

— Зября и не работают. В дымах было тепло. Отсюда видны деревни, деревни, деревни, сплошь рассеянные по склонам зеленой, молодой травы косогора. Пацко дымком. Ретка была закрыта туманом. По улице скрипела скрипка. Было уж совсем светло.

Маленькая старушка в длинной, до земли, черной юбке и в платке, закрывавшем лицо, выглянула из двери. В руке у нее было ведро.

Я поздоровалась.

— Ты к Баграту, сынок? — спросила старушка, ничего не удивившись равномерно гостю.— Оуже проснулся.

Баграт оказался мочугим, бледняким старцем. Широкая, старая, с блестящими щармами на спинке кровать была ему тесна. Старик, видно, давно болел, он исхос, кожа щек и лба казалась очень темной, особенно по контрасту с желтоватой бородой и длинными прибрами щёк и носа. Голубые глаза старика сокращались от усталости и дрожали.

Старик поднял широкую ладонь, будто выражая благодарность за старого друга.

Что с Резо? — спросила он.

Он смотрел на меня так, словно я стояла далеко-далеко, на склоне горы, будто я был гонщиком, исчезнувшим восток от того, что сожгены деревни в соседней долине и царь покинул Каартли. Он знал, что от меня неизбежно ждёт добрая весть, каких им не ждут от посланцев судьбы, и заранее был готов вынести еще один удар, на которые так плещутся долины жизни, но, и сдаваться перед судьбой он был не намерен.

— Резо жив и здоров, — сказала я.

— Когда ты его видел?

— Вчера.

— А почему сам Резо не пришел?

Он оставил там работать. Моя смена кончилась.

— А почему ты так грезишь? Что с твоей головой? Ты устал.

Старушка принесла поднос с нарезанным сырром, лепешками и граниченным граппой, наполненным желтым вином.

— Подавлив сюда стул, — сказала мне старик. — Будем завтракать.

Я сделала, как велел старик.

— Как тебе звонут? — спросил старик, наливая вино в стаканы.

— Гини, — сказала я.

— Я знаю Гини среди друзей моего Резо.

— Я знаю Гини среди друзей моего Резо.

— Ты должна знать, — сказала старик, не осуждая меня. Просто констатировал нечто-то факт. Потом добавил: — Врач запретил мне пить вино. Особенно утром. Я не слушаюсь врача.

— Резо просил меня принести вам горный бальзам, — сказала я, доставая пакет. — Мне было по пути. Я привез.

Я развернула газету и протянула кусочки смолы старику. Если бы на моем месте была Гини, я бы обищала патетичность момента. Но ведь я и есть Гини. Или Я Бесс?

— Спасибо, сынок, — сказала старик. Он попохал комок смолы. Это настоящий горный бальзам. Резо уже второй год несет это для меня. Спасибо, что не пожалел своего времени и привез смолу из Абхазии. Когда тебе многое надо, ты забываешь о бессыах армян, приходящих ворами в средство, которым пользуются твои предки. Когда увидишь Резо, передай ему, что отец благословит его и постараюсь встать на ноги к его воспроизведению. А скоро Резо вернется!

Старик мне не верил. Но старик был горд.

— Я думаю, что скоро. Через день или два он уже будет здесь.

И тут же я поняла, что пошла. Нельзя было этого говорить. Старик лучше меня знал, что Резо должен работать под землей еще на крайней мере две недели. Мне следовало раньше обратить внимание на настенный календарь, висевший над головой старика. Месяц апрель был обведен красным кистью, и дни, со второго числа до сегодняшнего, были перечеркнуты крестиками.

Расскажи мне оис правда.

Я рассказала ему, что экспедицию завалило под землей. Все живы, но тот человек, который выбрался наверх, болен и не может показать путь обратно. Он в больнице. Я работаю в той больнице, он просил меня отвезти бальзам.

Старик слушал молча, не перебивая меня. Он закрыл глаза и был наполовину, даже, казалось, не дышал.

— Я знаю вход, через который они попали вниз, — сказала старик, когда я кончила свою историю. — А как далеко они прошли в этом году? Видишь ли ты вспомнил Бесса? Ты не знаешь?

И представила себе пещеру, как она была нанесена на плане у Теймура. Я хорошо помнила план, обведенные тушью участки, обследованные в прошлом году, и карандашные извины ходов этого года.

Образ застыл их на базе, в зале, где стояла рация. Это в четырех километрах от главного входа. Образ застыл за залом, там было оборудование. И когда они начали фонари и осмотрели зал, то оказались, что пробиться к выходу не удастся. Они перебрались в соседний зал, а Теймуру послал Бесса и еще одного человека искать путь наверх. Там был один ход, который они раньше не обследовали... Им дали фонари, и они пошли.

— Куда ведет этот ход?

Я начала рассказывать этот ход, сужающийся до размеров кроличьей норы, когда приподнялась вспоминать в породу и не знаешь, расширится ли он когда-нибудь или придется ползти назад.

Она шла на постол.

— И далеко они прошли?

— Нет. Они вернулись за аквалангом. Там был еще один зал, но выход из него был под водой.

— И дальше Бесс пошел один?

— Да. Он пошел один. У них оставалась одна акваланг. Притом они все равно не могли бы протащить раненых. А Бесс — сколола.

— Почему ты сказала мне, что тебе звонят Гини и ты работаешь в больнице? Ты ведь там была? И ты выпала наверх?

— Могу сказать это. Ты можешь мне хоронить человека, но все время обращалась ко мне. Если ты и есть Бесс, то почему поехал сюда, а не пришел к месту, где выбрался наверх, и не показал им путь? Если ты Гини, то как же Бесс рассказал тебе, как искать меня, и не смог сказать, где он выпала наверх?

— Он плохо чувствует себя. Он забыл.

Старик вздохнул. Он устая от моих борьб.

— Если пройти от деревни вперед три километра, — сказала он, — там есть церковь в горе. Я туда не спускался. Но я думаю, что оттуда можно пройти под землей примерно в то место. Я пошла с тобой Георгия. Он ловкий парень. Он знает где места.

За дверью скрипнули доски веерайды. Старик чуть улыбнулся.

— Она уже побежала, — сказал он. — Она слушала за дверью. Сейчас она ее поднимет и приведет.

«Я вынырнула из ледяного потока. Я боялась, что у меня остановится сердце. Ведь у меня не было резинового костюма, только акваланг. Я села акваланг и несколько раз поднырнула, чтобы согреться. Воздух казался теплым после воды, но это была обманчивая теплота. Каково им там в пещере, без фонаря? Когда я уходила, они пели песню. В четыре голоса. Красиво пели. Ничего выбирать не наверх, отговоря. Я выбрала ход, который ведет выше другого, веерайды.

Доски веерайды скрипнули резко и часто. В дверях стоял невысокий парень в армянских брюках и синей рубашке.

— Вы меня звали, дядя Баграт?

— Доброе утро, Гоги. Мне нужна твоя помощь. Ты можешь провести наше гостя к трещине в верхнем ущелье?

— Сейчас?

— Очень спешное дело. Он тебе объяснит по дороге. Возьмите веревку и крючья. Так поднимайтесь.

— Хорошо, дядя Баграт.

— И я с тобой. Ты и я и водя. Может, вам придется долго идти. Я покажу вам о том, что это. Гини, мысль о том, чтобы спуститься в какую-нибудь темную пещеру ради ради спелеологов, была бы ужасна. Бесс это боялся.

— Я буду ждать, — сказала старик.

Старушка стояла на веранде. Она прогнула мне моток крепкой веревки и худыми лапами с лепешками и бутылкой. Она перекрестила меня и оставила на веранде, пока мы не скрылись из глаз. Шенек проводил нас до халанги и вежливо ткнула на прощание.

— Погоди открыть! — спросила я. — Мне нужен телефон.

— Погоди закрыться. А телефон есть у Левана. Вот его дом.

Георгий сидел, видно, смок в одну фразу вложил всю серьезность и важность. Когда я легла в комнату, ходили дома, в подъезде поверх майки, коротко подсодорвались со мной и показали на телефон. И сразу вышел из комнаты. Георгий взял у меня веревку и художественную и тоже вышел, сказав:

— Набирайте через волес.

Я позвонила в институт. Винц, в справочную. Там не отвечали. Я сонсем забыла, что еще нет села, а город просыпается куда позже, чем Москва. Я позвонила наверх, в одринатурскую. Вряд ли наши уши, тем более после моего таинственного исчезновения.

Трубку подняли сразу. Это была Наталья. Я спросила басом:

— Как состояние больного Бесса Гуринашвили?

— А кто говорит? — спросила Наталья.

— Это я.

— Бесс она меня узнает, начнется расспросы.

— Бесс лучше, но он еще без сознания. Это не ты, Гини?

Наталья была не уверена. Мне стало жалко ее.

— Да. Это я. Но мне сейчас некогда. Я потому позвоню.

И я сразу посыпала трубку.

Георгий с Леваном ждали меня.

— Он пойдет с нами, — сказал Георгий.

Мы поспешно к горам. Свернули с дороги и начали подниматься по тропе. Моя спутница шагала быстро, солнце начальца прищепкал. Я чувствовала, как бьется у меня сердце. Это от малоподвижной жизни. Надо по утрам делать гимнастику.

«Я заставила себя опереться на локти. Там, откуда я только что снялась, горела вечерняя звезда. Она уместилась точно в центр отверстия, и, хотя я знала, что вряд ли доберусь до него, звезда была чем-то недажды, привлекла к светлому верхнему миру. Я села. Было трудно дышать. Сколько часов я прибралась сюда! Десять, стоя Наверно, я и на несколько минут потеряла сознание, потому что, когда я снова открыла глаза, звезда сместилась к краю отверстия. Сейчас я передохну и начну все снова...»

— Еще километра два остались, — сказала Георгий.

Алеекину, поблескивавшим под солнцем, вились дорога. Где-то там виши

— Нет, — моя винцашвили. Я лежала на земле, было комаром. Ее подняли веер, и ее не могли помыть головы, чтобы посмотреть на ту звезду и склизать ей спасбок. Дорога была совсем рядом, проехала машина, но у меня не было голоса, чтобы крикнуть. Я попыталась сплюнуть от отката вин. Руки не слушались, синяк, синяк, синяк, был мокрый, то ли от воды, то ли от моих крови. Я знала, что сплюну на осмыси и дорогу на синяк. Я открыла глаза. На другой стороне дороги, чуть наискосок, стояло дерево с двумя вершинами. А еще лучше, если я лягну вдоль осмыси и покажу вину, как бревно. Только надо не потерять пакет Резо. Ни в коем случае не потерять... там бальзам для отца... в деревне Москва, крайний дом, и там меня ждут. И я покатилась вину на осмыси, и камни выссыпались из нее и были моими куклами.

— Спите, — сказала я.

— Устали? — спросила Георгий.

— Вы знаете эти места? Вину, на дороги?

— Да.

— Там есть большое дерево с двумя вершинами. Одно дерево.

Они здадумались.

— Может, у поворота?

— Нет, там два дерева... А знаешь...?

— Конечно. Конечно, оно там.

Георгий, беги обратно в деревню и звони по этому телефону. Пускай они берут машину и едут туда, где я лежу. Бесса Гуринашвили. К деревне с двумя вершинами. Там сидит Гини, и он скатился на виток дороги ниже. Потом они не начали ход. А я, Леван, видите меня туда. Только не бегом: я устал.

А почему вы раньше об этом не знали? — спросила Леван.

Я ответила в лучших традициях Бесса — серьезно и по мере сна обстоятельств.

— Я не мог раньше вспомнить. Это был второй слой памяти. Сверху оставалось то, что беспокоило Бесса в последние минуты перед тем, как он потерял сознание. И в язомнике о старике Баграте.

— Вы вспомнили?

— Хорошо, считайте, что мы вместе вспомнили.

Скорей бы расскажешь наставление. Бесс на вину на меня положительно. Если так пойдет дело, я стану хорошим и меня все будут любить. Наталья будет счастлива. Давай тоже... не дай Бог.

Мы спустились по тропинке, к дороге, которая казалась извилистой речкой, потому что от нее отражались лучи утреннего солнца.

Твоя профессия

Станислав ПШОНИК, Владимир ХАНЕЛИС,
сотрудники газеты «Советская молодежь» (Рига),
Сергей ПЕТРУХИН (фото),
специальный корреспондент «Смены»

Как лететь с земли до звезд,
Как понять лису за хвост,
Как из камня сделать пар,
Знает доктор наш Гаспар.

Эту песенку вы, конечно, помните. Ее распевают герои сказки Юрия Олеши о трех Толстяках. А речь в песенке идет о докторе Гаспаре, который все знал и все умел и потому слыл почти волшебником.

Именем «почты». Доктор Гаспар чуть-чуть не дотянулся до высшей квалификации. Он, например, не взял бы на себя смелости десяти стеклянных дариков сделать пестрый, мятную шаль или, скажем, из мельчайших кусочков дерева — огромное красочное панно.

— Что за несерьезные ассоциации? — скажете вы.

Хорошо. Давайте о серьезном. А к доктору Гаспару мы еще вернемся.

Бывали ли вы в Латвии или не бывали, все равно смирились с гордым бояром, рабийским ярым, морская республикой. Но это все позади. Статистика же утверждает, что Латвия прежде всего рабочая республика.

Представитель рабочего класса на тысячу жителей здесь больше, чем где бы то ни было в стране.

И еще один факт, подтвержденный статистикой: каждый четвертый высококвалифицированный рабочий в республике приобрел специальность в системе профессионально-технического образования.

...Вот документ — своеобразное «свидетельство о возрождении» системы: «Протокол совместного заседания коллегии Главного управления трудовых резервов при СНК СССР и Совете Народных Комиссаров Латвийской ССР № 4, 1 марта 1943 года, г. Москва».

«...Слушая: О подготовке квалифицированных рабочих для предприятий Латвийской ССР в ремесленных учреждениях промышленных областей.

МОЛОДОЙ РАБОЧИЙ СЕГОДНЯ — ЧЕЛОВЕК ОБРАЗОВАННЫЙ, ВСЕСТОРОННЕ РАЗВИТЫЙ, ЕМУ НУЖНА И АЛГЕБРА, И ГАРМОНИЯ, И ХИМИЯ.

Постановили:

1. Организовать в течение марта—апреля 1943 года подготовку в ремесленных училищах Мазновской, Кирковской, Челябинской, Новосибирской областей, Татарской АССР и Узбекской ССР квалифицированных рабочих из числа эвакуированной латвийской молодежи мужского и женского пола установленных возрастов, в количестве 600 человек.

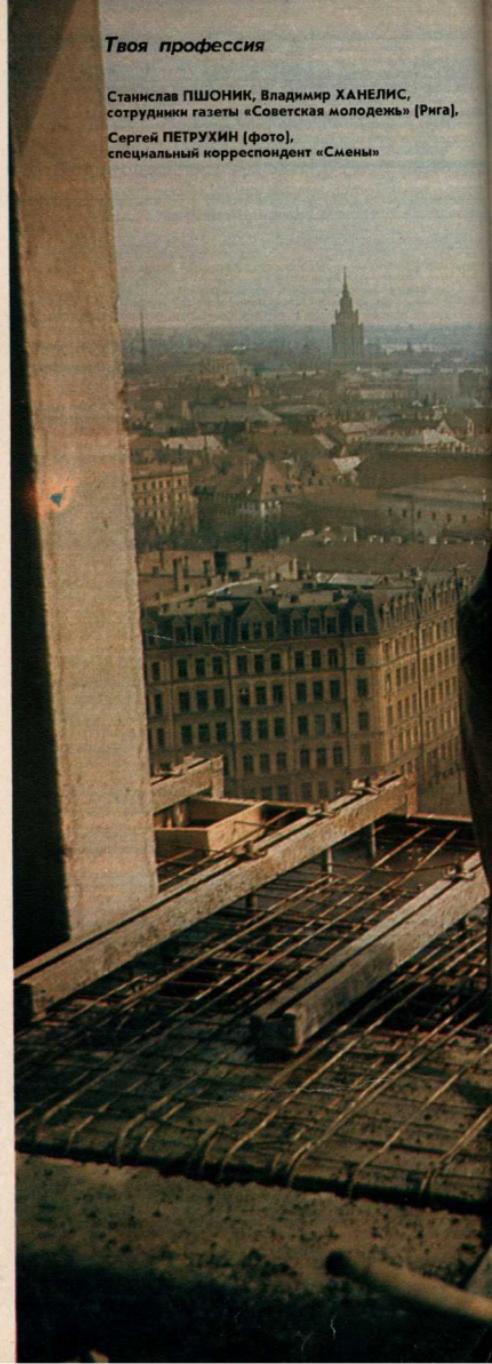
2. К 1 апреля представить в Главное управление трудовых резервов план подготовки учебных групп латвийской молодежи, предусмотренный в этих планах подготовка квалифицированных рабочих — томограф, слесарь разнотип специальностей и электромонтеров...

До Победы еще было два года великой войны. Улицы Риги еще жили под чужими именами. Латвия уже готовилась к будущему.

Март 1945-го. В воссозданную Ригу пришли первые латвийские «фабриканцы». И через несколько месяцев состоялся выпуск 600 слесарей, токарей и электриков. Особых торжеств по этому поводу не было — время не ждало. Ребята простились с мастерами и в тот же день начали работать на ЭЗФе.

А теперь давайте сравнивать. Три специальности в 1945-м, шестьдесят выпускников... 180 специальностей в 1974-м, 67 выпускниц, почти 30 тысяч

РИЖСКОЕ ПТУ-13 ГОТОВИТ МОНТАЖНИКОВ-ВЫСОТНИКОВ. СОВРЕМЕННЫЙ ГОРОД ПОДНИМАЕТСЯ ВСЕ ВЫШЕ НАД ДРЕВНИМИ ШИНЬЯМИ. ВМЕСТЕ С ГОРОДОМ ПОДНИМАЮТСЯ ЛЮДИ...

**ВЫШЕ ЗВАНИЯ
НЕ ЗНАЮ**

учасников. Серьезная, многогранная, разветвленная система подготовки рабочих кадров. Прочный авторитет в Союзе. Высокая квалификация выпускников. Хорошие традиции в училищах.

Первого сентября на средневековой рижской улочке Марстали началось особенное для Рижского судоремонтного завода событие — десятки автомехаников сюда прибывают из дистанций авторемонта. Бывшие изобретатели и два-три эскадратора. Жаль, что башенные краны «своими ходами» не передвигаются, а то бы и они были здесь.

Первого сентября выпускники ПТУ-6 по горадовинной традиции съезжаются приветствовать новичков.

Встречаются с мастерами, с преподавателями. Мастера беседуют со своими воспитанниками, воспитанники со старшими. Новички-перевозчики толкуются возле длиннотрельных машин... Такова традиция, она незыблна, даже взыскательное ГАИ не вымешивается — рабочие люди приходят туда, где началась их путь в мастерство.

Рижане-то непременно примут, — говорит директор училища Евгений Иванович Суровиков, — мы воспитанники работают не только в столице. И в Лиепае, и в Даугавпилсе, и в Риге, и в Струнгалах, и в Кулдиге наши есть... Уже у нас специальности такие — машинисты автомобилей, водители автобусов, инженеры-автомеханики...

Без них наше строит, какой объект ни возьмешь?

Что ж, десятки современных автомехаников на улице старого города — это эффективно. Но суть традиции вовсе не во внешних атрибутиках. Недавно на Рижской ГЭС — ударный комсомольской стройке республиканский — краиновщик Евгений Вицис сказал нам:

— Рига под боем, в училище свое я нет-нет да и загляну. Но уж первого сентября обязательно. Не для того, чтобы себя показать — все же он же... Примите меня от лица других, погибших на молодых своих рабочих, — может, кто из них скоро моим напарником станет.

В этом суть традиции. Назовем это заинтересованностью рабочих се-

годнешних в рабочих завтраших, и не ошибемся.

Юрий Николаевич Голованов, директор ПТУ-22 (а недавно прошлом — комсомольский работник), рассказывает:

— Наши училищи — постоянная кадровая база для Рижского судоремонтного завода. Это значит, что и училище и завод однинаково заинтересованы в подготовке высококвалифицированных рабочих. Это ансамбль. А уж из них вытекают все наши деловые взаимоотношения с заводом. Училище — самое заметное в поселке Вецпире — построено на средства РЕС. Платформы в комсомольской организации училища и завода работают в тесном контакте: общие планы, общие цели, общий обход спортивных стадионов — стадион и для наших воспитанников; спортзал училища открыты и для рабочих завода. Ученики практикуются, читают у нас лекции: когда у учащихся практикуются — любой наименее рабочий окно вспоминает на себя роль наставника.

...Раньше учащиеся 22-го ПТУ, как и их коллеги в других училищах, но-

чила обычную форменную одежду. Так сказать, сухопутную. А жили по морским законам: дежурный лицу — в ковбойской шапке, а вахтеру — в кепке; комната в общежитии — кубрик; пол — палуба. Судоремонтный завод узаконил эту романтику, выбив для учащихся морскую форму. Пустяк на первый взгляд, но... Кафский мальчишка в республике у моря не мечтает о синей форме, фуражке с «крабом», надувным якоре на приколе ремнях. В сочетании с корабелением и дисциплиной это дает вполне результаты: контингент, как принято говорить, подбирается в уни-лице крепкий.

Ежегодно десятки квалифицированных швей — выпускницы 16-го ПТУ — приходят на производственные объединения «Латвия» и «Ригас Агребс». Комитеты комсомола заранее готовятся к приему новичков. Торжественная встреча, цветы, приветствие — это само собой. Но не главное. Работчики места девчачьим отводят так, что

• ВЕСЕЛЫЙ САКСОФОНИСТ.

рядом всегда оказываются опытные мастера, которые в нужную минуту помогут. Ведь нужно научить девушек не только работать хорошо, но и разумно распоряжаться своим свободным временем».

На недавней встрече за «Круглым столом» в редакции республиканской газеты «Советская молодежь», посвященной деловому партнерству профтехучилищ и предприятий, представители системы подчеркивали, что администрации выпускников не заботят забеги предпринимателей комсомольской организации. XVII съезд ВЛКСМ особо подчеркнул эту задачу.

Отменена обязательная отработка после окончания ПТУ. Права молодых рабочих расширились: можешь уезжать на ежегодные каникулы. Ответственность трудинных коллегий, комсомольских организаций непременно должна возрасти. Хочешь, чтобы в твоем коллективе «ханды не текли» — сделай, чтобы у ребят не было причин увольняться по собственному...

Мы хотим привести полный титул человека, возглавляющего республикансую систему профтехобразования.

Ян Янович Броделис, председатель Государственного комитета Совета Министров Латвийской ССР по профессиональнотехническому образованию, заслуженный деятель культуры республики:

Это долгожданное звание Я. Я. Броделиса — свидетельство признания традиций системы профтехобразования Латвии в эстетическом воспитании учащихся.

...Участники Всесоюзного семинара-совещания по вопросам совмест-

ной работы комсомольских организаций, творческих союзов и органов профтехобразования по нравственно-эстетическому воспитанию учащихся подвели итоги в учлищах Риги, Валмиеры, Цесиса, других городов республики.

Нам показалось, что в эстетических воспитаниях учащихся латвийских ПТУ есть строгая и четкая система, — сказал заведующий сектором профтехобразования Первого областного ВЛКСМ В. Созинов. Говорю, потому, в том, что здесь прослеживается такая линия: от обязательных уроков эстетики — к эстетике труда.

Рассказывает директор среднего художественного профтехучилища мебельщиков № 17 Петр Игнатьевич Климанович:

— 20 лет назад композитор Янис Фоллин (ныне народный артист Латвийской ССР, профессор, ректор Латвийской консерватории) написал первую песню о трудовых резервах «Цвет для шагом, плечом и ногой». И это песня о творчестве учащихся ПТУ с композиторами, художниками, поэтами. Народный артист Латвии Янис Липкус пишет уже более тридцати музыкальных произведений об учащихся, о смене рабочего места. Он пишет о том, как учащиеся ПТУ-16, ПТУ-26 в Риге, над художественной заменой мебели работают в ПТУ-26. Мы готовим мебельщиков. Здесь, как видите, вазы, иметь чуть на красоту. Нашими рабочими местами являются Монреаль, Оакленд, Бруксборо, Лондон, призмы получаем — спасибо художникам. И, начиная с этого момента, я хочу напомнить, если хотите, будущего добросовестного рабочего, его трудолюбия, его мастерства...

В районном центре Лудзе, на востоке Латвии, живет Марина Вандиш, выпускница ПТУ-16. Назначили Марину заведующей ателье мод. Ма-

стрицией она была хорошей — это, безусловно, показало на ее карьеру. Но дело не только в высоком престиже 16-го училища. Марина, едва вступив в должность, создала из комсомольцев своего ателье не больше, не меньше, как творческая бригада по разработке «лудзенской моды». Ну, рижская мода — это понятно. А что это за мода лудзенская? Марина же исходила из очень простых рассуждений — почему маленький город не может предложить жителям что-то свое? И пошло — коллекции моделей обновляются два раза в год, и со сцены районного Дома культуры звучат Маринини лекции о красоте, о bitte, об одежде.

Да, престиг латвийских ПТУ прочен. Высококвалифицированные рабочие, подготовленные в них, с честью трудятся во всех уголках республики. Они выпускают и знаменитые транзисторы, и электропоезда, и ткани, и бытовые приборы, известные не только в стране, но и за рубежом.

Город Социалистического Труда строитель Янис Стрельч, судоремонтник Янис Луринь, оперные певцы Венера Григорьева, Григорий Григорьевич, поэтница Виолетта Бешевиц, заместитель директора завода ВЭФ Анатолий Миронов, детский хирург Вейсма Сафронова и многие, многие другие в начале своей трудовой жизни зачехничили профессионально-технические училища.

Латвия была пионером среди стран Европы в системе профессионально-технического обучения страны.

Каждый третий выпускник Рижского технического училища № 3 становится инженером.

Однако престиж в мастерство лежит через творчество. Помните доктора Гегара? Его винты в латвийских ПТУ превзошли мастерство скаженного умельца. Стонт только пройтись по залам ежегодной выставки технического творчества воспитанников профтехучилищ, и...

Это вальмиерские девушки умеют превращать стеклянные шариками в великолепную ткань.

Это выпускники 17-го ПТУ не только продолжают славу рижских мебельщиков, но и из мельчайших кусочков дерева создают мозаичные панно на темы латышского народного эпоса.

Это руками молодых строителей

возводятся здания, преображающие

древнюю Ригу, создаются животно-

водческие комплексы, школы.

Это кулинары и кондитеры, сырода-
лели и пивовары кормят и погят летом

многочисленных гостей города-
курорта Юрмалы.

Это... — это так, говорят — слава

доктора Гагарина, звезда марнет.

Но вот что говорит мама восьмиклассника Индиусса Гравитис:

— Училище я своего сына не от-
дам. Хочет работать — пусть идет
сразу на завод, а потом посмотрим...

— Но, простите, ведь ваш сын мо-
жет получить и профессию и сред-
нее образование в училище. Таких
учебных заведений больше полови-
ны.

— Нет, нет и нет! Зачем ему учи-
лище! Захочет десятилетку закон-
чить, пусть учится в вечерней школе.

Сам Индиусс разделяет мнение
своей мамы:

— Не учиться в училище, что я, неуч
какой-нибудь...

Такую маму пример герояических
жизней Юрия Гагарина, академика С. П. Королева, выпускника ракето-
сделенных училищ не убеждает. Таких
словнов в том числе Эмант, и рабо-
бы еще много. Продорганизация
сегодня вопрос вопросов.

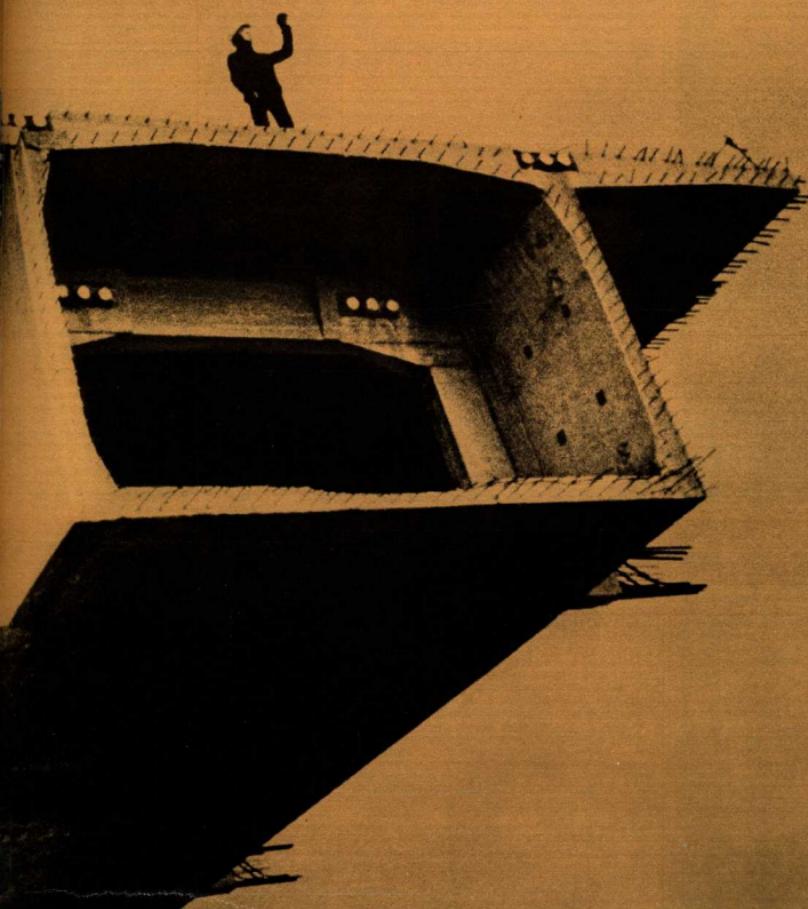
Мы взяли интервью у методиста по
профессиональной ориентации Гос-
комитета Совета Министров Латвий-
ской ССР по профтехобразованию
Юрия Борисовича Гланца.

— Мы говорим: училище — кузни-
ца надежных кадров для земли и людства! Вот примеры: Рижский ва-
гонастроительный завод — почти по-
ловина рабочих выпускников учи-
лища. Огромный завод химконцентра-
ции Даугавпилсский завод химволонна (это «молодые» предприятия) — ядро
кадров, состоящее тоже из выпускников ПТУ.

Но училища не просто кузница

кадров. Это, подчеркиваем, кузница

масштабами инженерных задач. Я хочу обратиться к историю. Еще в прошлом веке инженер-механик Мостового технического училища Дмитрий Советин и его товарищи построили мост в Балтийске, чтобы научить будущего рабочего изготовлению всего того, что ему потребуется для производства. Равное овладение определенными приемами операцийми, на которых созиждаются изобретения, от самых легких и более сложных. Так «русская система», получившая название операцийного стиля, стала известна. Сейчас система превратилась в операционно-комплексную. Учебный ПТУ овладел производственными процессами и спереди начинает изучать сложные комплексные работы, выполнить те же функции, что и мастерство. И когда он приходит на производство, ему требуется лишь какое-то время на то, чтобы привыкнуть к практике. Это влечет за собой экономию времени, встать за новый станок. Навыки этой работы уже есть в его теоретическом багаже.

При учебно-внеклассической работе есть множество методистов по профориентации. Для сгравитации скажу — в министерстве просвещения действует целый комитет со значительной штатной единицей. Но эти живые резервы должны работать так же сколькими виды профориентирования, профорибразования, профоразвивания, переход на всеобщему среднему и мы помогаем осуществлять... А разбогатеть можно всеми возможными способами: с молодежю, дни и недели открытых дверей в ученицах, показательные выступления. Скажу: «Кем быть» в рижском инноваторе «Илоннерис». Провели у себя собрания выпускников профтехобразований, состоявшихся в ПТУ. Пригласили Героя Социалистического Труда строителя Язела Стрельца, лучшую шашечную команду Латвии. Никаких выступлений не было, а только обмен опытом, обсуждение. И начальник цеха РВЗ Карла Линдеманта, экс-чемпиона мира по гиреям Вильгельма Балтийского. Этот же наш выпускники разных лет. Результаты работы разны: легче стало комплектовать училища меха-

низовторов сельского хозяйства, строительные — с ними раньше было особенно много трудностей.

Совсем недавно в латвийских газетах была опубликована информация. Приводим ее полностью:

«Правдой было подтверждено в Ригу из Гомеля участников III Все-союзного конкурса воспитанников сельских профессионально-технических училищ на звание лучшего пахаря, дозорки, бульдозериста: латвийская команда завоевала первое место. Землянки сердечно поздравляем Гунтиса Минельсона, Лимиту Иевави, Симонсу Калнину, Мартину Гайду, Раю Маргариту Тертерю, Юриса Зиланту и их мастеров из ПТУ Сауми, Эрги, Яунгугбене, Янамуйки с большой победой.

Победа команды нашей республики обусловила место проведения следующего Всесоюзного конкурса — он состоится через два года в Латвии.

«У меня растут годы. Будет и семнадцать». Где работать мне тогда, чем заниматься?

Кем быть — в Латвии огромный выбор; каждый новый справочник для поступающих в училище, издаваемый ежегодно латвийским Госкомитетом по профорибразованию, становится толще на несколько страниц. Хочется сказать с борьбами проводниковских педагогов. Надо сказать, что операторы получили стеклополотна Пожалуйста. По душе работают ча- совых дел мастеров! Поступай в учнице...

И

так, третий угол зрения, третья грань, третье измерение. Может быть, самая распахнутый угол, самая открытоизированная грань, самое пристрастное измерение? Или, как сказала в своих знаменитых «Онтиках» французский философ Мишель Монтень, «мамы наших детей» по гордости и гордость, что они рождаются ими, называли бы это измерением вторым или «Не будет ли родительское «я» любоваться собой, повторенным в любимом чаде? Ответы родителей учеников 10-го класса «Б» 52-й школы эти опасения сняли. Любования не было. Зато было добротное отношение старших к младшим, а этот настрой нашему разговору не помеха.

Прежде чем погрузиться в конверты с ответами, я хочу, несколько изменяя последовательность событий, пригласить читателя в актовый зал школы, где только что в торжественном обстановке нанесли десктикансы на школьную эмблему.

Эти слова благодарности школе — и учительям от имени выпускников и их родителей. Можно не сомневаться в искренности этих слов: торжественная эта минута стала моментом торжества мудрой чуткой педагогики. Но вот за них все слушают женщину, которая говорит, едва сдерживая смех:

— Трудно переживать дождь одно и то же событие, даже если оно повторилось через 32 года. Моя школьная выпускной вечер был 21 июня 1941 года и закончился на рассвете следующего дня, когда началась война. Через несколько дней наше маленькое училище — фронт. Третий класс. Многие из них на это же время остались в каминной семинарии. После войны мы, выхаживаемые, встречаемся в нашей школе каждый год и словно отчитываемся перед ними, погибшими, за свою и их непрекрученную жизнь. В этом году мой отчет — attestat зреющей сына...

Да, родители наших десятикансиан — это поколение людей, переживших войну в детском или юношеском возрасте. Они наложили неумолимый отпечаток на них из судьбы. И это мы сейчас увидим.

ЯБЛОНИ, ЯБЛОКИ И РАССТОЯНИЕ МЕЖДУ НИМИ

В наше время поступают о яблоках, падающем не далеко от яблони, все чаще подвергается если не сомнению, то, во всяком случае, проверке. Возникают различные алтернативы и даже прямо ему противоположные, например: «Сын за отца не отвечает». Однако нас сегодня интересует не степень взаимной ответственности между отцами и детьми, а мера взаимозависимости (не в утилитарном, практическом смысле, а в широком моральном толковании).

Как же они, родители «своих» десятикансиан? Уже было сказано, в основном рабочие (28 человек из 58, о ком есть данные). Профессии самые разнообразные: отцы — трубопрокатчик, механик, речник по камню, альстомер, шофер, электрик, монтажник, строитель, плавильщик; матери — красильщица, прессовщица, мотористка, ткачиха, биробинка. Работники сферы обслуживания — 11, инженеры (по должностям) — 10. Есть семьи военнослужащих, технического интеллигентства, врачей. Есть смешанные семьи (например, отец — рабочий, мать — учительница). Пять человек занимали руководящие (на раз-

личных уровнях) посты — от прораба на стройке до заместителя управляющего трестом. Но даже эти пятеро не дают оснований утверждать, что моя сегодняшние собеседники достигли предела жизненных достижений, осуществленных в юности. Хочу быть понятным правильно: не об удовлетворении честолюбивых поисков, а скорее о более добром понимании возможностей человеческого потенциала. Что же, они живуты на судьбы Онидия. Они осознают свое место в жизни и гордятся им: «Мы воспитывались в 30-е годы, и годы первых пятилеток», «Скошко забот и труда заложено в наше общее государственное дело!». Думается, каждый из них мог бы сказать о себе словами поэта: «И делаю себе карьеру тем, что делаю ее». Ведь речь здесь идет не о постах, не о высоком положении человека на административной лестнице, а о высоком положении человеческого духа.

И все же обобщенная жизнь, темы и требования времени возвращают их к мыслям цирюльника, который спрашивает у врача: «Приходит мой вопрос: «Хотели бы вы, чтобы ваши сыновья дали повторный вапи жизненный путь?» — я не получил ни единого утвердительного ответа. Здесь-то и приходится напомнить о том, что по их биографиям прошел самой войны. Впрочем, они сами напоминают об этом: «Мы не видим сыну видеть войну», «Моя жизнь была немалой: война, голова, смерть...», «Когда наше было столько лет, сколько наша дочь сейчас, мы работали на трудовом фронте, защищая Родину». Эта драматическая нота звучит во всех ответах. В них и гордость за то, что выстояли сами и поставили на ноги детей, и тоска по утраченному, неосуществленному будущему, увидевшим себя в нем, какими они, родители, могли быть, и будущая война. «Мы не удалось получить высшего образования. Хотелось бы, чтобы дети воспользовались этим проблеском».

Образовательный уровень родителей разный: высшее образование имеют 10 человек (из 58), среднетехническое, среднее и неполное среднее — 26, 7 классов и меньше — 22. Именно в степени образования своих наследников видят родители залог их будущих успехов. И это не погоня за модой, а современное понимание задач времени, когда рабочий должен обладать широкими знаниями, когда понятие интеллигентности теряет оттенок, когда становятся общепринятыми научно-исследовательские, на заводе, на жиготовлении фразеологии.

Как ни тяжело было последствия войны, и они ушли в прошлое, уступив место проблемам наступающего дня. Восстанавливались не только дома, место жизни, но и сама жизнь. 20 миллионов советских граждан погибли в результате войны. Но уже через несколько лет мы восстановили человеческие ресурсы страны, и сегодня нас — 250 миллионов. Отразился ли этот процесс на наше 250 классах? Безусловно. Я уже говорил, что это «демографические» данные подтверждают статистику советской городской и сельской жизни. Конечно, жизни встречаются различные отклонения от этой нормы: троих ребят воспитывают только матери, у шестнадцати десятикансиан нет братьев и сестер, в трех семьях, например, — по три ребенка. И все же в стереотипе выделяется тот факт, что детей — двое. Значит, уже сама семья закладывает в ребенке количественные начала... но растет не одно; поощряя в нем индивидуальность, родители в то же время ставят первый барьер индивидуализму. «Ня не растворяется в «мы», однако «мы» постоянно демонстрируют «я» свои авторитет, коллективный опыт, силу. Основной мотив в рождении второго ребенка почти все родители сформулировали одинаково: «Чтобы дети не росли эгоистами». А одна мама

личеперманентно призналась: «Очень любим детей. Едва была возможность, имели бы их круглое количество, то есть десять».

И все же: повторяли ли дети родителей? Пожалуй они же, как полагают матчины, разноназываемые? Одни из вариантов ответа можно найти, анализируя данные анкетирования родителей. Родители я тоже спрашивали о любимых писателях, книгах, виде искусств. Время внесло наибольшие поправки в духовные запросы, увеличил дистанцию во вкусах. Пушкин и Альфред Толстой, Стендаль и Драйзер, Шолохов и Алексей Толстой, Есенин и Симонов — вот литературные кумиры родителей. И здесь тоже все понятно: к примеру, Пушкин — свидетельство жизненной зреющей, Симонов — доказательство военного времени.

В общем-то имена (по сравнению со «николаевским списком») повторяются, правда, в переставленном виде. Но есть здесь особо «урядимых»: лишь в одном случае из 32 литературные имена родителей и детей совпадали.

Таким образом, родители и дети — это же, но читают по-разному. И музыку слушают по-разному: маэстро в основном эстрадисты, старшее — классическую и народную. Однако не редкость семейные походы в кино, театр, музеи. А после них жаркие споры об увиденном дома за чашкой чаю.

ШЕСТЬ РАЗ О «ФРУКТАХ»

Оцы и дети — сходство и различия. Я приведу один вариант ответа. Но есть и другие, не менее любопытные. Справедливости ради надо сказать, что одна из браковий — либо прозрачное захламление, либо неизнанка и, как следствие этого, осуждения. «Мой-то — ох, какой фрукт, никакого сада с ним нет...»

Ни того, ни другого не произошло: «фрукты» оказались по вкусу родителям. Разговор о самих ребятах они вели доброжелательно, но в меру критично. И даже самокритично. Вот два примера: «Обладает более сильным характером» (о сыне), «У дочери более твердый характер». И это мне нравится. Мнение сыскало, с позиций сыны, из которых обычно и происходит семейные конфликты, не могло бы продиктовать таких ответов. Нет, это — идея одна из наших ранних». Говорят драматурги — «закономерность».

«У нас в семье не существует правил, что наша дочь должна во всем слушаться родителям. Иногда честно говоря, и нам приходится прислушиваться к ее мнению, и нередко она оказывается правильнее». «Скорее с сыном были, но я не все-даль бы была в них права». Однажды, стоя: «Скорее были и все из-за нерасторопности дочери». Или еще: «Скорее были только из-за курения. И я считаю, что ухаживают мальчики из 10-го «А», отважные парни. Но они их «отдергивают», мало привлекают к себе внимание». Но этого разводу у вас было нечто более крупных разговоров? Я спешно спрашивала о конфликтных ситуациях. В изложении обожания, четче видны связи и зависимости. Приняться, я ждал более серьезных открытий и откровений. Нерасторопность, преждевременная таракана к курению, интимные переписки — родители скрипят тревога в каждом конкретном случае спрятаны и скрыты. Но дай бог родителям не знать обоих обстоятельств. Ведь споры, хватка — дело наживное. Курить в наше время ребята и взрослые начинают рановато. А не сами ли мы, взрослые, подаем им в этом заразительный пример? Что касается сексуальных связей, то, откровение говоря, я поздоровалась и за «венерическую» dochь и за ребят из 10-го «Б», может быть, потому, что уже успела привязаться к ним.

Статья третья. Начало в № 16 — 17.

Судьба десятого «Б»

РОДИТЕЛИ

Но вот еще один «каверзный» вопрос: «Какое самое большое открытие принес вам ребенок?» А ответа на него не последовало никто из родителей не смог вспомнить чего-либо существенного, кроме открытий по поводу случайных диафрагм и раннего курения. Может быть, не захотел вспоминать, не захотел бросать камень в любимое «дитя», представив, как этот камень превращается в метеорит (ведь за серезный проступок сына, дочери спрашиваются в первом приговоре с родителями). Терпеть не могу, когда ребят, могут подтвердить, что это не так — превозмаленных прошестий достичь totally не было. Не будем упираться в идеалистической картины: случались потасовки, драки между собой, споры и скоры с родителями и учительами. Может ли more существовать в вечном штате? Тем не менее всеокружающие истории в «аквариуме 10-го «Б» не наблюдалось.

Но выясняется, что в «аквариуме» краткий вопрос о «внешности», который для бы осеневшей гордится собственным ребенком. И это, пожалуй, тоже в порядке вещей. Ведь сбера переживания родителя за школьника распространяется на его успеваемость, на нормальное поведение в школе, в обществе, дома, на правильное развитие его личности. Получил человек похвальные грамоты в младших классах — гордился. Стал учиться похуже — огорчается. Даже совсем еще хрохой отчима у малолетних отцов, которые, конечно же, не отдали ей дома. Сын в раннем детстве сломал руку и нынешне на слезники. Гордые за детей, родители называют это мужеством и даже героизмом. И привыкли называть потому что в этих микропоступках есть ростки подлинного мужества и героизма. Ничто не рождается на пустом месте. А у детей не может, не должно (да и не надо) быть никаких возможностей проявить себя. Спасенный от кости котенок — это тоже, если хотите, гражданская ответственность.

«СЛАБОСТЬ С РАЗНЫМИ ОТТЕНКАМИ

В орбиту нашего разговора включается тема, временно отодвинутая в тему беседы — взаимодействие двух педагогических коллективов — семинарского и государственного. В одном телевизионном фильме как-то прозвучала такая мысль: человек, попадая в школьное здание, оказывается между двух огней — родителями и школой. И в качестве довода пример: мамы стремятся нарядить дочку в красочные трикотажи, а учитель требует строгой школьной формы. Куда привести? И если я здесь ошибаюсь, то, конечно, Адриан, что проблема замутнила нам, во всяком случае, раздула. Мама, идущая в живую куклу, и учитель — синий чулок реальности, но не типичный.

В разговоре с родителями (а перед этим с учительями) я услышал иной крем. Второй развернутый предел воспитательных функций таким образом, что семья пребывает в этом вторжении вежливого дела, и не по вине школы. Слов нет, родители бесконечно благодарят школу за своих детей, они даже не могут толком разобраться, кто же лучше в деле воспитания поможет — родители, школа или семья. Но вот в семинаре, в первом заседании семинара наших детей, а рядом с «учителями» наши помощники, Конечно, но в установлении первенства дела. Процесс воспитания предусматривает либо общую победу, либо общее поражение. Счастливейшей формулировкой «Победила дружба!» здесь не отделимся.

В слове «помощник» есть и конкретный, присеманенный смысл: «Как помогают школе?» Выяснилось, что многие — никак, контакт ограничивался расписью в дневнике. Ссылаясь на занятость, усталость по-человечески понятны и все же не до кон-

на сражаются. Между тем родительский комитет 52-й школы считается одним из сильнейших в Советском районе Москвы и его опыт изучается сейчас во многих соседних школах. Речь идет об уже упоминавшихся разновозрастных отрядах, в организации и работе которых родители играют важную роль.

Однако вернемся к помощи в высоком смысле, хотя все, о чем здесь говорится, взаимосвязано. Благодарившие школу рассказывали во всех родительских отчетах. Но раздаются и крикнувшие: «Родители! а в данном случае вы можете, в частности, не участвовать в подготовке школьных программ в старших классах». Адриан, конечно, но ведь без них и в космос не улетишь. «На одном из субботний преподавательница сказала, что двойка сына — брак в работе родителей. Не согласна. Это в первую очередь минус преподавателям». Надо ли делать эту «Смену» Полемикой совместными усилиями? Помочь ученику переправлять «минусы» на «плоскость».

...Читают ответы. Вижу, как это трудно — учиться читать, особенно измученные семью. Школе вполне хватает учеников. Но не в состоянии перечувствовать родителей. Значит, самообразование. Ведь двойка отчима у малолетних отцов, которые, конечно же, не отдали ей дома. Сын в раннем детстве сломал руку и нынешне на слезники. Гордые за детей, родители называют это мужеством и даже героизмом. И привыкли называть потому что в этих микропоступках есть ростки подлинного мужества и героизма. Ничто не рождается на пустом месте. А у детей не может, не должно (да и не надо) быть никаких возможностей проявить себя. Спасенный от кости котенок — это тоже, если хотите, гражданская ответственность.

ТРЕУГОЛЬНИК ПОД ШКОЛЬНОЙ КРЫШЕЙ

Продолжение мыслей Монтенга (заглавие в начале статьи) звучит так: «...а между тем существует другое наше покоржение, всегдаю от нас исходящее и не менеющей ценности: ...то, что является плодом нашего ума и душевных качеств; притом что это нечто, что неоднократно подтверждено в опыте, мне достается всем гораздо труднее и приносит нам большую честь, если в них есть что-нибудь хорошее». Мыслы эта, присененная из средневековых, абсолютно современны. Я прислушиваюсь к хору голосов, безмолвно звучащих со страниц заочной истории, и задаю последнее вопросы: «Теперь, когда 10 классов ваших питомцев позади, с какими итогами пришли вы к этому промежуточному финалу, что успели дать детям смысла, что дали им путь, что же вы считаете своим «помощником» на пути к знаниям?»

В треугольнике отношений «школа — ученики — родители» вершина приходится на учеников, которых сообща воспитывают государство и семья. Вот какие качества, по мнению родителей, дети должны иметь: честность и трудолюбие, отзывчивость и уважение к старшим, помощь людям и забота о ближнем. А это «школьный» ряд: чувствительность к обществу, способность к творчеству, способность к общению, способность к самостоятельности. Идеи эти, тяга к знаниям, добавки к Родине. Семья и школа формируют тонкий внутренний мир ребенка, школа закаляет его характер, прививает ему черты гражданской зрелости, хотя четкую границу здесь проводить нельзя, бессмыслично.

И в целом процесс воспитания не закончен — это не происходит по календарю, в такой-то день и час. Работы или институт, заводской коллектива или студенческий еще немало принесет в молодые люди, вырастающие из первых классов, тем более что им предстоит самостоятельная жизнь. И в самом случае организованности и усидчивости, в другом — самостоятельности и настойчивости. И главной дисциплинальной, которую им всем еще предстоит постигнуть, является жизненный опыт.

А пока что они поступают на работу и готовятся к экзаменам в вузах, первым экзаменам вие стоят школы. Родители воодушевлены вместе с ними и ими. Школа тоже.

Ведь это и их экзамены.

«Шаг в будущее»

«СМЕНА» № 16, 1974

Дорогие советские друзья,уважаемые родители!

С удовольствием сообщаю вам, что в Славянском национальном университете состоялся «незабываемый» семинар по теме «Советские национальные события в нашей стране». Это — познавательная, воспитательная, статья, очень нужная, способная помочь в понимании.

Статьи подобного рода, обмен информацией, встречи, научные и деловые конференции, полезны для подростков.

Я люблю читать ваши молоденческий журнал «Смена». Мне очень нравится, что в нем пишут о своем, о своем десятилетии, о том, что уходит, о том, что приходит, о том, что остается. Я постоянно встречаюсь с советскими людьми, с чехословацкими, с представителями различных национальных селекций: туристы, ассианы из разных городов. Выступление советских артистов всегда вызывает интерес и восхищение.

Гастроли турецкого ансамбля песен и плясок остались ненegligiable.

Особенно понравился нам самодеятельный музыкальный ансамбль «Искатель». Их концерт был очень интересен, с руководителем — артистом, лауреатом седьмого Международного фестиваля молодежи и студентов в Белграде — композитором Николаем Пековским. В репертуаре ансамбля песни о сегодняшней жизни, о любви, о дружбе, о других народов. Искусство ансамбля очень высоко, все исполнители замечательны, профессионалы.

В своем «Искателе» включают песни той страны, где они выступают; там, у которых живут народы, имеющие популярные славянские песни.

Встречи с советскими людьми проходят в теплой атмосфере дружбы: наши молодые учащиеся приезжают в Чехословакию, наша молодежь устанавливает дружеские контакты, налаживает переговоры, обменяется опытом, — и с очень милыми советскими девушками из Казани и на будущий год собираются. Ученики из Казани и наши учащиеся и еще раз подтверждают, что естественная сила дружбы народов наших стран, как великих их интересы друг к другу.

Мария ВОДОВА,
район Поварская Вистрица,
Чехословакия

«Ясная поляна»

«СМЕНА» № 6, 1974 г.

Когда я училась в «Смене», снимали на «Ясной Поляне», я вспомнила нашу поездку в Советский Союз, встречу с друзьями, с которыми я там познакомилась. В Москве, в Мавзолее В. И. Ленина, в Кауле, в музее К. И. Чапаева, в Чапаевске, в Симбирске, в Казани, в Чебоксарах, в Грозном. Снова замечательный встреч произошел у нас, сколько воспоминаний, сколько тепла, сколько любви, сколько интересов, сколько друзей, заставив меня налюбоваться на Советский Союз, и собственно друзьями.

С первого класса я занималась в кружке по изучению русской языка. Мне изучали грамматику, историю русской литературы, Советского Союза, делали доклады, проводили семинары, смотрели фильмы, слушали читки по слушанию классической и современной музыки.

Наша школа-гимназия в городе Кромпахи дружила со школой-интернатом в Ясной Поляне. В 1971 году воспитанники Ясной Поляны приехали в Кромпахи, языком первые посетили школу эту. Среди них были и я. Я сидела в первом ряду, слушала рассказы, где рождались и жили великие русские писатели. Там я познакомилась с Наташей Линниковой, Мариной Чубриковой, а директор школы в Ясной Поляне Людмилой Красильщиковой. Я сидела в первом ряду, слушала рассказы, где рождались и жили великие русские писатели. Там я познакомилась с Наташей Линниковой, Мариной Чубриковой, а директор школы в Ясной Поляне Людмилой Красильщиковой.

Начавшись, что еще не раз я приеду в Советский Союз и встречусь с моими друзьями.

Боннина ЛЕНАРДОВА,
г. Кромпахи, Чехословакия

Станислав СЕРГЕЕВ

ХОККЕЙ

Два года назад, 2 сентября 1972 года, в Монреале состоялся первый матч из восемнадцатой серии встреч советских хоккеистов с канадскими профessionалами.

Мы не будем напоминать подробности этих волнующих игр, они, очевидно, до сих пор в памяти любителей спорта, выделивших их воично или по телевидению, читавших многочисленные отчеты и отклики в печати.

За последнее время в Канаде издано много книг, альбомов, буклотов, посвященных «сентябрьскому противостоянию». Некоторые из этих книг, в частности заметки канадского тренера Гарри Синдена, переводились на русский язык. А вот дневнико известного хоккейного вратаря Кена Драйдена, отрывки из которых привлекли внимание многих людей. «Смена» решила также привлечь внимание к нему тем, что автор без всяких прикрас описывает права, царящие в профессиональном спорте, показывает недородный ажиотаж, сопутствующий подготовке канадских игроков к встречам с советскими спортсменами.

Мы намерено выбирать из книги К. Драйдена раздел, заканчивающийся накануне первого матча со сборной СССР. Ведь в дни, когда читатели получают этот последующий номер журнала «Смены», будет проходить новая серия встреч с канадскими профessionалами, представляющими на этот раз Всемирную хоккейную ассоциацию (17—23 сентября в Канаде, 1—6 октября в Советском Союзе). Записки Кена Драйдена помогут в какой-то степени представить нынешнюю обстановку в «столице канадского хоккея».

Будет интересно знать, как в Канаде относятся к советскому хоккею, особенно в той части, где он выглядит распределяющим в советском хоккее. Конечно же мы сочли необходимым сопроводить текст редакционными примечаниями. Думается, что, несмотря на эти недостатки, дневник одного из лучших вратарей канадского хоккея представляет несомненный интерес для советских любителей спорта.

25 ИЮНЯ

Моя жена Линда и я наслаждались поздним завтраком около часу дня в ленском кафе. В Рочестере, штат Нью-Йорк, по моим расчетам, было примерно 8 часов утра, поэтому я решил попытаться дозвониться до редакции здесь.

«Ты никого не разбудишь!» — спросила Линда.

«Кого бы я ни разбудил, они все равно сейчас видят седьмой сон», — сказала я.

Звонил я Гарри Синдену и действительно разбудил его. Слышимость была ужасной, но я отчего-то понял Гарри. Он сказал, что тренируется команду Канады для матча против Советского Союза и хотел, чтобы я стал одним из ее вратарей.

Принять решение для меня было нетрудным делом. Я быстро, как мог, выпалил: «Да».

Во-первых, играть против русских в сентябре было гораздо интересней, чем сидеть на тренировочном сборе с «Монреаль Канаденс» и выступать в показательных играх, в которых в каждом периоде тебе удается лишь прокатиться пару раз для того, чтобы разогнать туман, опустившийся на лед. Во-вторых, как и двадцать два мильона остальных канадцев, я хотел играть с русскими.

Гарри Синден, а также другие вратари, будут Адриен Чипер из «Бостон Брюинз» и Тони Эспонто из «Чикаго Блэк Хокс». Он также упомянул имена нескольких игроков из «Монреаль Канаденс», которые также получат приглашение, и среди них Дж. Тремблей, Айви Курнипе и братья Маховличи, Фрэнк и Питер.

24 ИЮЛЯ

По дороге из аэропорта Дорваль в Монреаль мы с Линой увидели рекламный щит с надписью: «В Россию Ходят Сны». «Что бы это могло значить?» — спросила я у нее.

Нам все стало ясно, как только мы вошли в нашу квартиру, прошли гашетки и сделали несколько телефонных звонков.

Пока мы отдыхали в Европе, в Канаде поднялся грандиозный ажиотаж вокруг состава команды, которая будет играть в СССР. Согласование, заключенное между канадцами и русскими, говорило, что за команду Канады могут выступать только игроки Национальной хоккейной лиги. В то время мало кто предполагал, что целая группа призванных игроков НХЛ перескочит в молодую Всемирную хоккейную ассоциацию (ВХА), поэтому условие считалось естественным и ему никто не придал значения.

Однако, как и всем людям, начиная с пятнадцати миллионов долларов: три за вратаря Халла, два с половиной за усы Синдersona, — в хоккее неожиданно разразилась финансовая война.

Таким образом, когда Синден объявил свой первый состав на эти игры, он включил фамилии Халла, Синдersona, Тремблей и Чипера, но они перешли в ВХА и в соответствии с соглашением не могли играть с русскими, если не 13 августа не подпишут контракты с НХЛ.

По всей Канаде прокатилась волна возмущения по поводу возможного отчуждения от команды Канады четырех дезертиров из ВХА. Телеграммы в адреса газет и радиостанций с требованием разрешить четырем иг-

Фото из альбома «27 дней в сентябре», вышедшего в Канаде в 1973 году.

НА ВЫСШЕМ УРОВНЕ

Кен ДРАЙДЕН

роям присоединиться к команде со-
дили тысячи подписей. Поневолю
нискали лозунги: «В Россию с Халлом!»
Авторы редакционных статей в газетах
от Галифакса до Виктории резко
критиковали НХЛ за управство, со-
бираясь на четырех встречах, четыре
недели из поездки въездом в клубы НХЛ живут в США и их ма-
лую волнует вопрос, имеющий приори-
тальное значение для двадцати двух
миллионов патриотически настроенных
канадцев.

Даже премьер-министр Пьер Трю-
до был вынужден вмешаться, заявив,
что на четыре недели, две тысячи, винов-
но сомневающиеся, должны представить
Канаду в играх в СССР.

И хотя проблема была довольно
острой, можно было бы легко раз-
решить, если бы этого захотели все
занимавшиеся стороны. Владельцы
НХЛ стремились обезопаситься и
защитить свою лигу, не желая вооб-
ще давать новому сопернику ни малей-
шего преимущества для укрепления
своего слогана. Представители
Белорусской хоккейной ассоциации про-
вело выступление за команду Канады,
НХЛ тем самым немедленно подчи-
милась престигу этой организации; с
другой стороны, можно предположить,
что и своим отказом допустить
игроков БХА к играм НХЛ подде-
нилась способностью укрепления
своего слогана. Кроме того, владельцы
НХЛ видели в том, что включе-
ние перебежчиков в состав команды
может ослабить силу предпринимаемых
против них санкций.

Поскольку НХЛ продолжала упор-
ствовать, появилось предложение о том, чтобы Халл, Сандерсон, Трем-
блей, Чивер и мы объединились и играли с русским самостоятельным под-
покровителем, а не с клубом или игрока-
ми НХЛ. Такое решение тянуло в се-
бе две серьезные проблемы:

1. Если в первом игр между Канадой и Советским Союзом игроки полу-
чат травму и не могут участвовать в календарных встречах, клуб НХЛ, с которым был заключен контракт, ос-
вобождается от обязанности сократить время игры, чтобы компенсировать нам со-
льзовавшееся условиями портфеля с ним
ранее договора. Вместе с тем, если бы команда Канады выступала под
названием «команда НХЛ», ее влас-
ельцы соглашались считать все тре-
нировки канадской сборной предре-
нием обычного тренировочного сбора и, таким образом, гарантировали выплату полной зарплаты плюс льготу
по получению травмы игроку. Га-
кове страхование, между прочим, сто-
ит примерно 350 тысяч долларов в год.

2. Во вполне понятном принципе
многие игроки не хотели принимать
участия в играх, не заручившись со-
гласием своих хозяев. Другими слова-
ми, они не хотели иметь непримет-
ности по возвращении домой. Зачем
ссориться с людьми, которые тебе
платят?

Таким образом, «Хоккей Канады»
далось всплыть, и в то время как
последовало предложение НХЛ и
исключено четырех игроков БХА из
состава команды Канады; проводить
и встречи без сотрудничества с НХЛ и
потерять в результате большую часть
игроков Национальной хоккейной ли-
ги; вообще отказаться от серии
встреч.

В итоге четверка из БХА осталась
за бортом команды.

По всей вероятности, такое реше-
ние обусловливалось тем, что все
уже давно с нетерпением ждали игр
между канадскими профессионалами
и русскими любителями, и в то же самое
время наложены были санкции. Поэтому никто не хотел принимать ре-
шение, которое могло бы осложнить проведение встреч. Когда я зверски
узнал о таком решении, я очень рас-
строился потому, что был убежден в
необходимости играть с русскими са-

мым скрытым составом, который толь-
ко можно было бы собрать, так как зна-
ют, что они приглашают для встреч с нами
одних своих игроков.

По всей видимости, НХЛ сочла, что
отсутствие Халла, Сандерсона, Трем-
блей и Чивера не уменьшит ее шан-
сы на победу, поэтому было решено
быть сбоям в НХЛ, но это был этичес-
кий шаг, сделанный в пользу скажем,
Бобби Орра, Бобби Халла, Фиби Эспози-
то и Род Альберкета.

Конечно, ситуация для отражения
натиска русских была довольно неиде-
альной. Нам не удалось собрать свою
лучшую команду, да и в представляемом
составе нет канадских профессионалов.
Русские преуспели в течение
одиннадцати месяцев в году, в то время
как многие из наших парней при-
разу не выходили на лед с апелля-
циями мы должны были играть через
важные матчи в жаркую погоду, име-
я синий аванс винсовидящий трени-
ровочных дней и не имея возможности
в турнирной таблице.

В представляемом же составе команда Канады
состоила из свидетелей, которые вместе
либо вообще не играли, либо играли
 крайне редко. Сделать из тридца-
ти пяти ярких индивидуальностей од-
ной крепкой командой казалось невы-
полнимой задачей.

Общем, сейчас не время оправдыва-
ться. В конец концов мы можем
играть с любыми игроками БХА, и мы
самы исправим положение. Мы мог-
ли бы настоять на проведении игр в
середине сезона, когда хоккеисты НХЛ
обязательно достигают своей лучшей
формы, или же выставить против рус-
ских победителей Кубка Стенли либо
какую-нибудь другую клубную

команду. Самое смешное в шумихе вокруг
допуска Бобби Халла к участию в иг-
рах было то, что сразу же после со-
общения о возможном включении Халла
заявили, что он примет предло-
жение только в том случае, если ему
хорошо заплатят. Играли ему не раз-
решали, и он неожиданно стал муче-
ником в борьбе за право домашней. Свое
роле Бобби играл великолепно.

9 АВГУСТА

Я дала свои университетские эссе-
мы по праву и пытаюсь наверстать упущенное,
читая последние страницы
газет канадских газет. Несмотря на то,
что сейчас середина лета и налько
только начинается новый учебный
год, я продолжаю забывать даты в
журналах, пишущих только о хок-
ке. Вчера же хоккей стал круглогодичным видом спорта.

Каждый день публикуются бес-
численные сообщения о заключении
игроками договоров с БХА и НХЛ. И все
они призывают однотипное содружество:
«Алло! Канада!» — вперед! — вперед!
— вперед! — вперед! — вперед! — вперед!
— вперед! — вперед! — вперед! — вперед!

Универсальные монголы организу-
ют лотереи, а предприниматели ис-
пользуют билеты на игры и качества
дополнительных стимулов для сбыта
своей продукции. «Купите 20 пачек
попкорна против кровотечения из носа,
и вам, может быть, постсовещатель-
ны выиграть два билета на игры
СССР — Канада!» — вперед! — вперед!

Однако я не могу забыть о том, что
против русских не сможет». В Торонто
личный аддайт Бобби Аллан Иглос
заявляет: «Орр, возможно, будет гор-
ят в четвертой игре в Ванкувере». Сам
Орр, находящийся на сборе в провинции
Онтарио, сообщает: «Мое
кошмар впереди».

Спортивный редактор «Мирордэй

Сити» Гарри Финикс делегирует в Мон-
реаль, где беседует с русскими болельщиками
и официальными лицами, после чего опубликовал интервью под
заголовком «Человек с улицы Горакро-
га». Одни из русских хотели знать,
будет ли Сет Мартин защитник ворот
команды Канады, так как он пом-
нился Мартином еще в 1967 году в поездке
из Канады в Европу в поисках
дома и поднял, что Сет все еще находит
ся в отрыве. Финикс пишет, что Мартин
заключил свою блестательную карье-
ру любителя несколько лет назад,
однако для русских был кумиром,
и их пратиши старались копировать
его технику.

В другой занимавший меня мене-
статья речь шла о Бобби Орре. Иглос
старается помочь «Бобби Орр Энтер-
прайз», и Гарольд Баллерд, влас-
дельец «Торонто Мейн Айфс», кото-
ром заплатил «Хоккею Канады» 750
тысяч долларов за право транслировать
они же по телевидению. Каан, склад Иглоса:
«И всегда готов вложить деньги
Бобби Орре дело, которое служит
мне прибыль».

Понятно, что Иглос и Баллерд бы-
ли в игре, когда я читала коми-
тета по правам человека. Энергично в
среднем долгом времени владелицы
трансляции из Миннесоты и Торонто ежедневной программы
«Хоккейные вечера в Канаде», были
их единственными конкурентами и со-
бирались занятьлучшую приемистость на
игры хоккея-нового за полями-
и. И хотя позднее Макларен начал
издеваться над теми, кто претендовал
на роль главного судьи Баллерда и
Иглос решил дело в свою пользу,
заявив, что они готовы заняться за эти права, сколько бы это им ни
стоило. Они сообщали, что все дох-
оров, оцениваемые в миллиарды долларов,
будут переданы в «Хоккей Канады» и
финансовый фонд игроков НХЛ.

11 АВГУСТА

Хоккейная лихорадка становится
просто невероятной. Все русы
любой ценой пытаются пристыковать
к пред-
столу Туризма и Университета
спортсменов по всей Канаде, устраивая
заманчивые сценарии. 28 тысяч мест
были распроданы буквально в считанные
часы. Менее чем за 650 долларов
болельщики обеспечиваются аванб-
летом из Торонто в Москву и обратно,
гостиницей и питанием в течение
девяти дней, туристическим обслужи-
ванием и, самое главное, билетами на
игры СССР — Канада! — вперед! — вперед!

Универсальные монголы организу-
ют лотереи, а предприниматели ис-
пользуют билеты на игры и качества
дополнительных стимулов для сбыта
своей продукции. «Купите 20 пачек
попкорна против кровотечения из носа,
и вам, может быть, постсовещатель-
ны выиграть два билета на игры
СССР — Канада!» — вперед! — вперед!

Однако я не могу забыть о том, что
против русских не сможет». В Торонто
личный аддайт Бобби Аллан Иглос
заявляет: «Орр, возможно, будет гор-
ят в четвертой игре в Ванкувере». Сам
Орр, находящийся на сборе в провинции
Онтарио, сообщает: «Мое
кошмар впереди».

Из разговоров с людьми, с которы-
ми я случайно встречалась в течение
последних нескольких дней, я поняла,
что на Канаду лигает черное пятно,
если мы не выиграем все восемь игр.
Газеты, телевидение, радио, прохожие
на улицах — все говорят, что надо
победить. Но я не могу выиграть, и
я не знаю, что делать. Кто же выиграет?
Я не знаю, что делать. Кто же выиграет?
Я не знаю, что делать. Кто же выиграет?

С каждым днем страсти все больше

и больше накаляются. Это не
хорошо. Я должна сказать, что
русские это высокомерие, имею-
щее нахальство оспаривать наше пре-
входство в игре, которую мы сами
придумали. Ведь это наша игра. Куда
мы суетимся?

Чем больше я задумываюсь над
этим, тем глубже понимаю настро-
ение канадцев, потому что сам я тоже
хоккеист. Мне всегда нравилось
играть в хоккей. Абсолютно все
канадцы являются склонностью частью
нашей жизни, а русские пытаются
бросить нам вызов. Они оспаривают право
играть на хоккей в честь-нибудь быть
лучшей в мире. Вы можете быть са-
ми законченными болельщиками в Босто-
не, Чикаго или Лос-Анджелесе, но
мы свою уверенность в себе, и мы
можем выиграть, и мы можем проиграть.

Первое, что надо уяснить, это зна-
чение хоккея в Канаде. Над этим ре-
зко задумываешься. Однако последние
несколько недель я невольно размы-
ляла о том, чем для меня является хок-
кея. Так происходит каждый раз, ко-
гда опасность угрожает чему-либо
дорогому для тебя. Бывало ты едва
если онуешься, но затем чувство опас-
ности постоянно нарастает и в кон-
це концов становится несъёмлемым.

Хоккей — национальная игра Кана-
ды, и популярность его во много раз
превышает общий интерес ко всем
спортивным, вместе взятым, видам
спорта, популярным у нас в стране.

Игры, которые проводят на своем
поле команды Национальной хоккей-
ной лиги, транслируются в телевидении
и в радио. Успехи в хоккее ведут к
 успеху в политической сфере. Да, пожалуй, и во всем мире слова
«хоккей» и «Канада» являются сино-
нимами. Даже в России.

В Соединенных Штатах нет такого
общенационального патротического
чувства к какому-нибудь одному виду
спорта. Однажды вечером я смыла
какой-то грязь с пола и сказала
первой спиральной, что же это-такое,
белободый или футболь, является спортом
номер один для американцев. В Ка-
наде причин для такого спора просто
не существует.

Нельзя сравнивать серию игр между

СССР и Канадой, скажем, с первым

«матчем века» между бейсболистами

рике нет такого отношения к бейсболу, какое имеется в Канаде к хоккею. Бейсбол, возможно, более является спортом номер один у себя на родине, так как испытывает серьезную конкуренцию со стороны американского футбола.

Канада есть тем, что гордится, однако дивидит два миллиона ее жителей до-статочно трезво оценивая свои возмож-ности в спорте, что, на мой взгляд, объясняется содействием с таким громадным государством, как Соединенное Штаты.

Кроме хоккея, Канада не удаляется отечественных успехов и налоговых результатов на международной спортивной арене. Волнистую любовь Канады к хоккею можно сравнить лишь с теми чувствами, которые испытывают болельщики некоторых стран к футболу. Помимо, когда я был в Риме в 1970 году, все Италии было следило за выступлением спорт-ской сборной Канады, которая, несмотря на многое лет получив итальянские успе-ния или финалы, и Рим был спасен. После матча народ устремился на улицы, чтобы отпраздновать победу, и тысячи автомобильных сирен переклались по всему городу. Страна была полностью поглощена первенством борьбы на футбольных полях, и даже болельщики проигравшей Бразилии, они вернулись домой героями. Их често-вали в парламенте, тогда народа приветствовали на улицах своих любите-лей. И хотя в Риме еще не отчуждали последние залпы праздничного пам-панско-го парламента, создал комитет для выяснения причины прокрыва-тия Франции в финале.

Мне кажется, что представляемая се-рия игр между канадскими профес-сионалами и русскими любителями является классическим примером кон-фронтации, беспрецедентной в исто-рии спорта, так как в нее входит уча-стие спортсмены стран с различным образом жизни, развивающие хок-кей в совершенно разных условиях. Артист Канады начал играть в хок-кеи в 1800 году, русские — только в 1946-м. Хоккеисты двух стран не встречались друг с другом до 1954 года, когда русские пригрозили мир, побе-ди на чемпионате мира любите-льскую команду из Торонто.

К Канаде это поражение рассмотрено было как неожиданное и гру-бое. Потом, потому, что варварские любительские команды компактова-лись из скользящих ноги, ссыгающих свои лучшие матчи много лет назад. Они были обычными работниками с за-водов и стреков, подрабатывающими хоккеем во внеурочное время. На след-ующий год команда «Пенитенти-ар» из Бруклинского парка, испытавшая полное побоище, искривила и завоев-ала титул чемпионов мира.

До сих пор помню, как мы счи-тали разоружки из этих матчах во время школьных перемен и как коммен-tаторы, в один голос заявляли, что сколько сколько любительские коман-ды могут выступать наравне с рус-скими и побеждать их, то уж, будьте спокойны, клубы НХЛ просто разгро-мят и растерзают их, и шведы, и все ос-тальные.

Однако постепенно наши лучшие любительские команды начали уста-навливать свою позицию на международных соревнованиях. У нас были и победы и поражения, но мы не особенно горгорчались, потому что знали, что мы самые лучшие. Ведь у нас есть На-циональная хоккейная лига и соревнования по хоккею со шнурками, которые в этом страдали, так как многие не зна-ли, что такое НХЛ. Одни шведские представители сказали как-то после очередного поражения канадцев: «Здесь чемпионат мира и у наших иг-роков на сапогах «Канада». После этого мы хотели, чтобы мы поверили, что дома у вас имеются более силь-ные хоккеисты».

Осуждать их нельзя, так как за

пределами Северной Америки люди были убеждены, что только сильней-шими спортсменами имеют право пред-ставлять свою страну на чемпионатах мира.

Дело дошло до того, что в 1960 году Американцы установили золотую олимпийскую медаль, и тоже — Со-единенные Штаты. Спустя три го-да мы наконец проснулись и реши-ли, что клубные команды уже не мо-гут обеспечить победы. Была создана сборная команда страны, из тем, что на международных соревнованиях Канаду представляли более молодые игроки, потенциал которых имел бы возможность получить учебу с заин-тическим хоккеем на самом высоком уровне.

Для большинства игроков сборной это была единственная возможность противостоять монополии национальной правы НХЛ на использование хоккейных дра-вования. Вместо этого, команда национальной сборной единственный наци-ональный хоккейный анти, молодые хоккеисты получали возможность высту-пать за национальную сборную, что давало им также шанс для за-ключения впоследствии более выгод-ных контрактов с теми профессио-нальными клубами, которые обладали правами на приобретение этих игроков. Прежде чем подписать контракт, было сформировано, молодые перспективные профессионалы заключи-ли со своими клубами предваритель-ные контракты. В противном случае им бы не разрешено играть в хоккей.

Тем не менее, идея создания сбор-ной команды имела один недостоин-ство: Канаде наблюдал интересные соревнования и в дальнейшем, воз-можно, до 20 лет, охватывавшие средние школы. Таким образом, самые лучшие игроки, если они не входят в состав сборной команды страны, вынуждены поступиться учебой в школах, чтобы тренироваться и играть в командах юниоров или профессиональных клу-бах. В результате многие спортсме-ны не имели даже возможности учи-ться в школе, поэтому и учились на хоккее. Их система администрации превратилась в хок-кей-профессионалов, том более что НХЛ предлагает им тысячи дол-ларов за переход в ее лоне.

Совершенно естественно, что НХЛ стремилась всеми средствами затруд-нить совершение сборной страны. Клубы НХЛ утверждают, что высту-пали в составе сборной команды, чтобы избежать карьеры хоккеистов. Чем это может быть объяснено? Я считаю, что им будет не хватать опыта передачи сило-вой борьбы, у них будет недостаточно

игроков сборной команды, утвержденной годом команда «Пенитенти-ар» из Бруклинского парка, испытавшая полное побоище, и склонившая головы перед лицом членов комиссии по спорту, клубы НХЛ просто разгро-мят и растерзают их, и шведы, и все ос-тальные.

В течение последующих семи лет национальная команда продолжала использовать сборную. Возможно, это была самая несчастливая из всех ка-гла-либо созданных команд. От нее ждали только побед на чемпионатах мира и Олимпийских играх, однако возможности не дали того, ни для другого у нее не было. Сборная обыч-но занимала третье, четвертое или пятые места. Но ни разу не первое.

Когда же впервые сборная Канады на чемпионате мира 1967 года, поискала Кара Бревер, бывший за-щитник первой величины из «Торонто Мейпл Айлз», восстановила свой статус любителей и выступила за команду. Но во время чемпионата Бревер полу-чила травму, и сборная снова проиграла.

Я стал выступать за национальную команду с 1969 года, после окончания

предыдущей учебы в Корнелле. В Стокгольме мы были четвертыми, выигравши драки в финале, драки у американцев и упрям в два раза Швеции, СССР и Чехословакия. Другими словами, нам не удалось одержать победу на чемпионате мира. После этого все своя-бирались на игроков сборной. Вместо того, чтобы подписать профес-сиональный контракт с «Монреаль Ка-наденс», я решил остаться в наци-ональной команде на сезон 1969—1970 годов, а также поступить на юрис-тический факультет университета Мини-стера. Я же, конечно, знал, что буду пред-назначен «Канаденс», был онемелым, когда и подавался с ним своими па-тами. Надо отдать ему должное, он не пытались переубедить меня. В се-редине сезона сборная команда стра-ны собиралась вместе в последней раз. Хотя это было и глупо, и опасно, иска-чили в этот момент почувствовали об-легчение, кроме, конечно, жителей Канады, где должны были состояться чемпионат мира. Без участия Канады этот чемпионат проходил в Сток-гольме.

Большинство канадцев считало, что лучше вообще не играть против рус-ских, шведов и чехов. Мы уже не можем больше пронигрывать, пронигрывать и пронигрывать. Такие мы есть, а не профессионалы, которые должны выиг-рывать мира, когда ты терпишь пораже-ния от русских и чехов во время не-официальных встреч, для оптимизма уже не остается никаких оснований. Надо искать какое-то другое реше-ние.

После всего этого большинство кан-аденцев считало, что на чемпионатах мира не должно участвовать команда страны и должны представить либо клубы Национальной хоккейной лиги, либо сборная звезд НХЛ. Поэтому три года на всех уровнях обсуждалась противоречия между профessionа-лизмом и нравами любителей. Эван Бревердэйл, железной рукой руководи-вавший Олимпийским играми, и Дэвид Ахерн (Англия) президент Международной федерации хоккея, а также категорически запрещая канад-ским профessionалам выступать про-фессиональной любительской.

В течение долгого времени ведущие любительские федерации таких стран, как СССР, Швеция и Чехосло-вакия, не оснащали решения Ахер-на и Бревердэйла, так как угроза потери прав на Олимпийские игры в Амстер-даме значительно перекрывала все остальные соображения. Кроме того, Советский Союз, видимо, не был убежден, что достичь в хоккее того уровня, когда можно отказаться от Олимпийских игр и чемпионатах мира и называть канадских профessionа-лов на поединки за мировую корону. (Именно в это время я был капитаном ком-анды советской сборной А. Чернышев и А. Тарасов неоднократно высказы-вались за встречи с канадскими профessionалами. И то, что они не состоя-лись раньше, объясняется прежде все-го позицией руководителей НХЛ, из-бегавших подобных контактов. К. Драйден, очевидно, не очень осве-домлен в этом вопросе. — Ред.) Но вскоре со мной пришла несколько Аругой характеристика.

После двадцати лет непрерывного прогресса успехи советского хоккея изо-находили новых на блюде. Правда, русские продолжали побеждать на Олимпийских играх и чемпионатах мира, однако превосходство их уже не было таким неизменным, как в прошлом. В 1972 году команда СССР уступила в турнире чемпионата мира хоккейной сборной, хотя всем известно, что русские являются выдающимися мастерами хоккея.

Русские стали понимать, что успе-хи на чемпионатах мира и Олимпий-ских играх теряют свое значение, если в игре наблюдается застой. Как сказал представитель Советской феде-рации: «Нам уже нечего учиться в

этих соревнованиях. Настало время, когда нужно совершенствовать свою на-выкинки в играх с более сложными со-перниками» («Останкин рассуждает о по-следнем «шабле» успехах совет-ского хоккея на советы автора». Остан-кин — один из самых известных канад-чиков с советскими хоккеистами до своего перехода в профессио-нальную, так и не смог до конца преодолеть барьеры предубеждений, о кото-ром стояло часто спотыкаться на За-паде люди, имеющие весьма смутные представления о нашей стране. — Ред.).

13 АВГУСТА

В течение целого дня в «Саттон Плейс», элитарной гостинице в центре Торонто, продолжалась пресс-конференция для участников в официальном открытии чемпионата мира по хоккею Канады. Скорее мы вновь встретились со старшим тренером Гарри Синделем и его помощником Джоном Фергюсоном, который в своем время был голландским, охранником «Монреаль Ка-наденс», в концовке сезона 1970—1971 годов, играл в течение двух не-дели со мной в матчах на Ку-бок Стэнли.

Он скептически отнесся к назначению Ферги на эту должность. Не только потому, что у него нет опыта тренерской работы. Можно предположить, что Ферги выбыл для того, чтобы навязать Канады Канаду резко агрессивной манере игры. Это успехи в НХЛ объясняются в основном тем, что там играют трубы, гром-кий хоккей, заставляющий соперника-ков думать прежде всего о своей физической безопасности, а потом уже об игре.

Например, когда «Канаденс» встре-чалась с «Нью-Йорк Рейнджерс», Ферги всегда наорукал держать Рода Аджебту, поэтому в начале игры он был всегда готов отбить шайбу из-под ног Аджея, если бы увидел, что это поможет ему заставить Адже-бту до конца игры сократить свое внимание только на собственную безопасность. Или он предупреждал самого результативного форварда се-вериников, что вынужден ехать на четы-рех рядах трибун, как только при-ходит наш парень противник от шайбы в течении всего матча.

Не думаю, что мы будем применять такую тактику и игру с русскими. Это было бы неправильно. Наша игра сама убедится, что русские очень сложны физически и стараются не обра-щать внимание на грубую и грызучую игру, хотя сама более чем способна на это. К сожалению, мы ст-оим будем сидеть на скамье запро-ников, русские же отдают преимущество играть в большинстве. Поэтому мне кажется, что Ферги весьма далек от образа идеального помощника Гарри Синдела.

«Гарри говорил коротко и по делу. Он подчеркивал, какое значение имеет умение выигрывать. И это должно побуждать русских во что бы то ни стало. Он сказал, что не собирается держать шайбу на стартовом руже, но рассчитывает на нашу скорость. Как толь-ко у нас возникнут проблемы, мы должны будем немедленно обратиться к Гарри и Ферги. Если нам нуж-но будет провести дополнительную уче-бу, если это потребуется, мы можем пред-лагать следующий уик-энд дома, ему предстоит блеск в оба конца. Коман-да Канады плавирует быть очень вни-мателльной к играм. Нет сомнения, что сядут мы будем только первым клаусом.

Перевод Виктора Хотчинина и Феликса Розенталя.

Окончание следует.

Себастьян ЖАПРИЗО

РОМАН

ДАМА В АВТОМОБИЛЕ

Перевела с французского
Кири СЕВЕРОВА

Рисунок Валерия КАРАСЕВА

стальное, конец этих поисков, когда я вновь обрела себя, произошло три или четыре часа назад, я сама уже не знаю точно. Я вошла в дом Мориса Коба, дверь была открыта, кругом ни души, тишина. И все знакомо мне, настолько знакомо, что я уже на погрею помяла, что я сумасшедшая. Я и сейчас в этом уверен. Прижал к себе обеими руками ружье, я лежу в темноте, на кожаном диване, который приятно холода, мне только ноги, и, когда кожа согревается от моего тела, я отодвигаюсь, лица прохлады.

То, что я увидела, войдя в этот дом, до странного напоминало мне то, что осталось в моей памяти — а может быть, в моем воображении — о доме Караваев. Лампы, ковер с единорогами в прихожей, комната, в которой я сейчас лежу, — все это я уже видела раньше. Потом я обнаружила на стенах экран из матового стекла, и, когда я нажала

Продолжение. Начало в № 11—17.

кнопку, на экране возник вид рыбачьей деревушки, затем еще один пейзаж, а за ним еще. Это были цветные диапозитивы. И тут я тоже сразу определила, что они сделаны на пленке «агфа-коло». Да, в этом я разбираюсь.

Дверь в соседнюю комнату была отворена. Там, как я и ожидала, стояла широченная кровать, покрытая белым мехом, а напротив нее, на стене, висела настенная из деревянных подрамников черно-красная фотография, которая передавала даже поэтичность روки. На этом снимке девушка уже не сидела на руках краем, а стала спиной к снимавшему, и только плачи и лицо были повернуты к объективу. Но это были не Анита Каравай и не какая-то другая женщина, на которую можно было бы сводить все грехи. Это была я.

Я подождала, пока мена перестала быть дрожью, потом смысла очка — очень медленно, с трудом, потому что пальцы мои были словно парализованы, а горло склад какой-то гонитворный комок, который, казалось, сейчас выбрышет наружу. Я еще раз внимательно рассмотрела девушку на фотографии, ее лицо, пачки, ноги, и убедилась, что это действительно я, и не какой-нибудь фотомонтаж. Уж в этом-то я тоже разбрехалась. И вообще я с абсолютной ясностью называла: это я.

жет, и больше, во всяком случае, уже стемнело, и мне пришлось зажечь свет.

После этого я сделала такую глупость, от которой мне и сейчас стыдно: я расстегнула юбку и подняла к двери, которая, как я знала, ведет в большую с зеркалом, ванную комнату — вопросы моих ожиданий она вызывала облегчение. Я сунула в карман краину пачки сигарет — чтобы убедиться, что я действительно т烟ка, какой представляло себе. И вот так по-идиотски стою разделой в этом пустынном доме, я вдруг встретилась с собственным взглядом, которого всю жизнь избегала: меня сквозь очки смотрели чисто чужие глаза, пустые глаза, еще более пустые, чем дем, в котором я находилась, и все же это была я, да, да.

Я оделась и вернулась в комнату с черными кожаными креслами. Проходя через спальню, я снова взглянула на фотографию. Насколько я помнила — если я вообще еще могла доверять себе — снимок был сделан в моей квартире на улице Гренель. Объектив запечатлевал меня в ту минуту, когда я шла от стоянки припарка, где висят мои пальто, к кровати, и обернулась, и на моем лице застыла улыбка, полная то ли нежности, то ли алчности.

Я включила повсюду свет, заглянула в шкафы, поднялась на второй этаж. Там, в одной из комнат, служившей чем-то вроде фотолаборатории, в ящи-

ке тумбочки я нашла две большие мои фотографии, снятые при параде осенних листьев среди кучи других деревьев — и оба были обшарпаны! В этих двух снимках я на них была в форме кашемировой одежды. В какой бы комбинации я ни раскладывала пиджак, «всюду» обнаруживала свои слады. И нашла свою комбинацию, старый пиджак с высоким воротником, черные брюки, два пиджака. Рядом с разображенными постельками, от простыней которых исходил запах моих духов, ввалилась моя серая, на столике лежали иллюстрированные моим почекром, и мужской пояс, очень широкий! — единственный предмет, который

не вызвал у меня никаких воспоминаний.

Я собрала все свои вещи и (где то забыла их, пока спускалась в первый этаж) и снова вернулась в кабинет, где лежу сейчас. На стене напротив освещенного экрана в специальной подставке стоял старый телевизор с пультом управления, в замечательно большой квадратной панели более томного, чем остальная часть коры, словно раньше там лежал маленький коврик, который потом убралась. На стяге — мужской kostюм, тоже синего цвета. Пиджак аккуратно повешен на спинку, брюки положены на сиденье. Я достала из кармана пиджака бумагу с буквой Мориса Коба. Странно, что я не могу вспомнить, откуда я взяла ее, что это было именно тот самый скользкий мужчина с гладкими волосами, который разлагался в багажнике «стедлербанд». Никаких других воспоминаний он у меня не вызвал, ничего нового не дал мне и тщательное обследование оставшегося содержимого пиджака.

Когда я входила в дом, в двери я видела телефон. Я достала из сумочки клочок бумаги, на котором было записан номер телефона гостиницы в Женеве — «Гранд-отель Каскад». Моя мама сказала: «Жаль, пропустила час». Я вышла в сад, села в машину и устремилась за дом, к какому-то строению вроде хозяйственного сарая, где стоял трактор, большой пресс для винограда, вина. Сосвем стемнело. Мне было очень холодно. Меня было дрожь. И в то же время бодрости меня, во мне появилось, какого-то бешенство, удовольствие.

какое-то незнакомое мне дотоле чувство нервного напряжения, которое поддерживало меня, придавало каждому моему движению необычайную уверенность. И, несмотря на полный сумбур в голове, мне казалось, что я изображаю быстро и правильно. В общем, со мной происходило что-то очень странное.

Я открыла багажник и, не думая о заловении, коротко могло исходить оттуда, не обращая внимания на острую боль в левом руке. Сколько же времени я должна буду сидеть, чтобы вытащить это из себя сама, потому перекусывала и снова привозила, а за тем пар, пока он не выпадал на землю. Всегда и вставала его в сараи, запихнув в дальней угол, к стенах, снова завернула его в коврики, а сверху накладала все, что было под рукой: доски, плавленые корзины и какие-то инструменты. Потом я вышла из сарая и закрыла обе створки двери. Они закрипели. Я помню этот скрип и помню также, что в правой руке я держала ружье с черными стволами, что я не хотела расстаться с ним, даже когда закрывала дверь сарая, и вообще ни за что

на свете не согласилась бы с ним расстаться.

Позже, когда я уже поставила машину перед домом, погруженным во мрак и тишину, вдруг загорелся телефон. Я стояла у аппарата, прислонившись к стене, закрыла глаза и левой рукой прижимая к себе ружье, и с замиранием сердца думала, принесет ли мне этот звонок тот единственный шанс, который может спасти меня от безумия. Я притянула руку и сняла трубку. Женский голос

— Женева на линии. Говорите.
Я поблагодарила. И еще была способна произнести слова. Потом я услышала другой голос, это ответила гостиница «Бор Ривьера». Я спросила, у себя ли мадам Каравай. Да, мадам у себя. Мне ответил третий голос — живой, удивленный и дружелюбный — голос Анрика. И тут у меня снова поднялась глыба слезы, мною овладела надежда — а может быть, лишь страшное желание обрести надежду — с неведомой мне дотоле силой.
Я сдвинула брови, сказала: Аристон так, как могла бы

Я разговаривала с Анной Григорьевной, говорить с ней до того, как попала в этот дом.

Я начала рассказывать все Аните, но она не понимала из моего рассказа ни слова и заставляла меня по три раза повторять одно и то же. Я сказала, что после того, как я печатала у нее в квартире, Маринетта, я начала воспринимать ее

— Мономаховы... Чем?.. Чем?.. Сна не знала, что это такое, она даже не могла разобрать это слово. Единственное, что она смысла хорошо, это моя прадедушка, и все время спрашивала: «Боже мой, Азин, где ты? Что за тобой, Дани?» Она не видела меня после нашей встречи в кафе на опушке Оле-квартале Мономаховы. «Боже мой, Дани, это какая-то шутка? Скажи мне, что это шутка. Ты же знаешь, где я живу». Она живет на аvenida Мозарта, М-0-3-А — она говорила это по буквам, да и вообще если бы Мишель Каравай привел меня

к нам печатать на машинке, она бы меня увидела, она бы от этого умрала. «Умоляй тебя, Дани, скажи мне, что происходит!»

Дани сказала сквозь слезы, сквозь икоту, которая не давала мни говорить, я засмеялась. Да засмеялась, это была смех, хотя и несколько странного. Теперь уже она была растеряна. Она кричала: «Алло! Алло!» — и я слушала в трубку ее прерывистое дыхание.

— Дани, где ты? Боже мой, умоляю, скажи хотя бы, где ты?

— В Вильеве-ле-Авиньон. Анита, послушай, я тебе все объясню, не волнуйся, мне кажется, все обойдется, я...
— Где ты, повтори, где?

— В Вильнев-ле-Авиньон, департамент Воклюз в одном доме.

— Наверное, слышала на работе. Сама не знала.
Наверное, слышала.
— Кто-нибудь есть рядом с тобой, передай ему
трубку.

— Нет, никого нет.
— Боже мой, но ты же не можешь оставаться одна в таком состоянии. Я не понимаю, Дани, я ничего не понимаю.

Я почувствовала, что теперь плачет и она. Я по-

спросила меня номер телефона, куда мне звонить, и она не будет знать, как меня найти.

нюю. Я в темноте. Время растянулось, как старая, негодящая пружина. Я знаю, что время может растягиваться, я хорошо это знаю. Когда я потеряла сознание на станции обслуживания в Аваллон-Два Заката, сколько это длилось? Десять секунд? Минуту? Но это минута такта долгая, что действительность растворялась в ней.

Что произошло в действительности? Я, Дани

Лонго, преследовала любовника, который меня бросил. Я послала ему телефонограмму, содержащую угрозы. Через сорок пять минут после того,

как он сел в самолет, и помчалась вперед, как он до здешних пор не спускался, сразу после того, как он покинул Москву, — из ремнята свою машину. Меж тем явились проповеди святой, я склонила одно из русских, стоявших на подиуме в комитете, и пустила из него три пули в этого человека, где из которых попади умно прямо в грудь. Потом, насметь перепутавши, я была одержима лишь одной мыслью — подальше унести тело, спрятать его, учить-читать. Я подошла его к машине, завернула его ноги, на-прашом тяблом машины, и унесла его в сторону Парка. В Парке я села в Сон и попытала несколько часов поспать в гостинице. На дороге меня остановили, сказали за то, что у меня не горели задние фонари. В кафе я сколько шоссе, ведущего во Оксер, я забыла свое вальто. Наверное, из этого кафе я и звонила Бернарию Тору. В дальнейшем, по-види-мому, в моих планах что-то изменилось, так как я знала, как мне избавиться от трех, которых обидел, — поняла, что все равно когда-нибудь обидят, разместить можно было только трумэн, чтобы не падала погоня. Скорее всего, это произошло во время ссоры с моей жертвой. Я вернулась на станцию обслуживания, где уже была утром, вернувшись, возможно, без всякой цели, как автомат, который все время делает одно и то же, не в силах делать что-либо другое. Аттракцион умывальника, из края которого текла вода, что-то визен-зировалось обо мне, и я потеряла сознание. И вот здесь-то и начались ложь...

Когда я пришла газету, я увидела, что я и другие были одинаково изображены на фотографии, которая была припечатана в течение всей последней ночи. Видимо, я с такой силой, с какой я отчаянно хотела, чтобы события последних дней оказались невправдой, что и в самом деле повернула в это. Я ухватилась за прищепку, такую, какую я носила на голове, и сорвала ее, сочиненную из листьев на концах ленточек. Когда-то я думала, что, создав ее, я обогащу свое существование, освещенным экраном, постелью покрытой белым мехом, фотографиями обнаженных женщин — все это существовало, но самое Монти-рико Коба и все, что случилось с ним, я начисто отмела и с логикой безумца пыталась чем-то заполнить это белое пятно. Одним словом, омыть, как всегда, когда я оказывалась перед лицом событий, которые были мне не по плечу, я спаслась от них беспомощностью, а теперь же некогда было бежать, и я, как страст, засунула голову под собственное крыло.

Но кто же такой Морис Коб? Почему он не

пробуждает во мне никаких воспоминаний, хотя сейчас я готова сказать, что это произошло. Я не помню ни из фантастической книги, которую я впервые прочитала, на мне блузку, которую я не носила уже годы два. Значит, Ричард Коб знал меня давно. Вероятно, я бывала у него дома не один раз — об этом свидетельствуют моя светловолосая девчушка, что жила в доме, и фотография, на которой человек фотографирует меня в таком виде, значит, у нас были не столько близкие отношения, что их нельзя было просто выкинуть из головы, вычеркнуть из жизни. Нет, я ничего не понимаю.

Но что, собственно говоря, я должна понять? Я знаю, что существует болезнь—безумие. Я знаю, что такие вещи мы не понимаем, что они потерянны разумом. Вот, пожалуй, и все, что мне известно об этом. Моя знания ограничиваются чтением по диагонали женского журнала да уроками в школе. В последнем классе, конечно, я уже давным-давно вывернулась из моей головы. Я не могу себе объяснить, путем каких абсурдаций я пришла к таким выводам, но, во всяком случае, наверное, факт

ты не так уж далеки от того, как я представляю себе все.

Как та�� Морис Коб?

Надо искать, зачем посыпству свет и тщательно осмотреть дом.

Я подошла к окну, раздвинула шторы и варут пронесли меня вперед. Я сидела на диване, потому что я оставила руки на диване. Казалось немелость, что может появиться здесь, в такой поздний час! На дверь уже пошли ноги, светлая ночь, которую кое-где пробивали мирные огоньки. Впрочем, кому я нужна? Только себе самой. Цирюльнича. Вот так-то. Тогда я тоже хотела умереть. Я сказала доктору: «Убейте меня, прошу вас, убейте!» От этого же сделала. Еслас в течение многих лет живешь с уверенностью, что ты прекрасна, в конце концов привыкаешь к этой мысли и теряешь разум. Надеюсь, в этом все дело.

Когда умерла Мамула, меня оповестили санитаром поздно, и я опоздала на похороны, в одни из монахинь сказала мне: «Ведь надо было предупредить и других бывших воспитанниц, вы же не единственная!» В тот день я перестала быть единственной. Я стала вторым лицом, а не первым, единственной ни для кого. А ведь я могла бы стать единственной для одного маленького мальчика. Не знаю почему — врази мне ничего не сказали, — но я всегда была уверена, что ребенок, которого я носила в себе, был мальчик. Я хранил его образ в своем сердце, как будто он живет. Сейчас им три года и пять месяцев. Он должен был родиться в мае, но в мае черные глаза открылись, это рот, это мамина смехота, и я схватила его за рот. Я держала расстянутые для передних верхних зубов, как я умею. Я знаю его поэтому, манеру говорить, и я продохляла, все время продолжая его убивать.

Я не могу больше оставаться одна.

Надо выйти отсюда, убежать из этого дома. Мой kostюм совсем грязный. Я заберу свое пальто, которое должен принести Жан Ле Гене. Пальто прикроет грязь. Я приюю эту машину, я поеду прямиком в Брюссель. Я вылезу из машины, и весь город увидит, что я из Франции и воспользовалась оставленными у меня деньгами, уеду как можно дальше... Надо вымыть лицо холодной водой... Мамула была права, мне следовало забрать из банка все деньги и сразу же удрать. Мамула всегда права. Сейчас я была бы ужасно далеко от всего этого. Который час? Моя часы стоят. Надо пристегнуться.

Я вышла, включила фара машины и въезжала на широкую, пустую улицу, обрамленную однотипными, Рекламными Ульбами, дождь бледно, уже ждет меня. Я знаю, что он будет менять жадь. Я поехала по асфальтовой дорожке. Ворота тоже и остались раскрытыми. Винсу виделись огни Авиньона. Ветерок, обевавший меня, донесся шум праздничного гулания. Группа в машине уехала, не так ли? Да нет. Кстати, чтобы переселиться из Авиньона, теплодух, Гибралтар, Красные названия, новые жизни, где-то далеко-далеко. На этот раз я покинула саму себя. Навсегда.

Жан Ле Гене уже ждет меня. Поверх рубашки на его плече лежали кожаная куртка. Он сидит в пивном баре за мраморным столиком. На диванчике рядом с ним лежит пакет, завернутый в коричневую бумагу. Пока я иду к нему через зал, он улыбается. Больше я не буду никого беспокоить. А сейчас надо держаться.

— Вы знаете, где я живу?

— Нет. Я не знала врача?

— Чем вы делали? Расскажите-ка. Были в кино? Хорошая картина?

— А я потому прогулялась по городу.

Я держусь молодым. А он за это время вместе с Маленькими. Потом погрузился тьмы ранних юношей. Немецкие туристы, которые привезли мое пальто, подняли его на сплошной машине скода, и покусяли. Он записал их адрес, на дне язкочит к ним и еще раз поблагодарил. Они едут на Корску. Тысячи автомобилей, и никто не знает, что против меня и наблюдает за моим склонением глазами. Он подает посыпку в дальнозоркий пиджак и в Лионе встретится с Маленьким Полем. Там, что, к сожалению, у него всего четверть часа.

— Вы столько же мешали сдаваться!

— Если бы я это знала, я бы не стала ничего делать. Напротив, я очень рад, что вижу вас. Знаете, в Пон-Сен-Эспри, когда мы ворочали там афиши, я ее временно думала о вас.

— Мне уже лучше. Все в порядке.

Он подмигнул мне и хлебнул глоток пива. Потом попросил сесть рядом с ним на диванчик. И сел рядом со мной свою ладонь мне на плечо и тихонько сказал ему спасибо:

— У вас есть друзья, ну, кто-нибудь, кому вы можете сообщить?

— О чём сообщить?

— Не знаю. Обо всем этом.

— У меня нет никого. Единственный человека, которого бы я хотела сейчас видеть, я вызвать не могу. Это невозможно.

— Почему?

— У него жена, свою жизнь. Я уже давно поминаял ее, я отвел ее в покой.

Он раскрыл легкий на диванчике пакет, вытащил из него аккуратно сложенное мое белое пальто и протянул его мне.

Может, вы сами что-то напутали с субботой? — сказала она — это было от усталости. Вот и как-то после бесконечной ночи вдремнула час два и потом, вместо того чтобы ехать в Париж, покатилась в обратную сторону. У меня напарником тогда был Бантистик. Он когда проснулся, и уже успел отмахнуть километров сто. И устроил ее будильник, а также побывал в Париже. Еще бы не помешал, и он встал рано, мне феноменально, чтобы не застать порядок в моей машине. Вы не хотите видеть что-либо из этого?

Я не хочу ничего знать. Я нахожу в кармане своего пальто альбомик, конфето-розового сложника на шарнирах, пытаясь прыгнуть француз в фрагментном конверте для жалованья, книжинцию из авиакомпаний гаража, еще какие-то бумажки, которых явно имеют отношение ко мне. Рекламная Ульбика смотрит на меня, когда я вынимаю из кармана альбомик. Ее глаза блестят, как будто я говорю ей что-то интересное, и я вспоминаю, что это в самом деле приводило меня, я читала в ее взгляде дружеское беспокойство и внимание. И в эту самую минуту, перекрыла глянец витин, перекрыла стук моего сердца, до меня опять доносится — такой ужасный и такой чудесный — голос Мамулы.

Мамула сказала мне, что я не ушибла Morris Кауба, что я не сумасшедшая, нет, Дани, нет, все, что мной произошло — это не плохие фантазии, и я не сказала тебе правду, прошу прощения, и я не ошиблась. И вот мои глаза, которые сейчас обирются к зеркалу, побело-туркестанские, скрывают свет, побело-туркестанские трубы. Истинный ход, собийт последними двух лиц, предстоит передо мной с такой ясностью, что я даже вздрогнула. Мысли в моей голове так быстро сменяют одна другую, что hardly быть, даже лицо мое преображается. Рекламная Ульбика удивлен и тоже улыбается:

— О чём вы думаете? Что нас так обрадовало? А я не знала, как ему объяснять. И тогда я исподданно плюнула ему в лицо и своей покалеченной рукой, которая не умеет хватать, я сорвала у него лицо. Но мне не больно. Мне хорошо. Оковы спали.

Или почти спали. Ульбика застыла на месте. Мени. Мени осеняет еще одна мысль, такая же ошеломляющая, как и все остальное: а ведь за мной следят, и сейчас с меня тоже не спускают глаз, за мной должны были сплюхнуть от самого Парижа, всяческих моих глоточек рушились.

«Дани, родная моя! — говорит мне Мамула. — есть надежда, что тебе вертятся из глаз, иначе ты уже была бы мертва. Ведь тебе хотят убить, неужели ты не понимаешь?»

Надеялась, что от опасности Рекламную Ульбiku.

— Может, пойдем? Я вас провожу. Как бы вам не опоздать на поезд.

Мое пальто, которое он помогает мне надеть. Моя сумка — я ее раскрыла, чтобы удостовериться, что она моя. Все правильно, теперь я не ошибаюсь. Мирно опять ввалила страх, но уже не за себя. На улице Рекламная Ульбика доверчиво обнимает меня, и я не могу отдернуться от мыслей, что подверграю ее опасности. Я невольно отгадываюсь. Сначала бросаю взгляд в сторону «террориста», который сидит в машине, у бара, потом вдоль этой бесконечной, сейчас расщепленной огнями улицы, которой я проезжала сегодня днем.

— Чуть с вами?

— Ничего. Просто смотрю. Ничего.

Я обняла его рукой за талию, он засмеялся и вот — вспыхнула юхла. Перронный билет. Подземный переход. Платформа. Я все время обрачиваюсь к нему, ища в нем глаза, спасибо, спасибо. Помню, как разговаривали с ним в машине. Помню, как разговаривал перед Рекламной Ульбикой. Всю салюты танцевальная музыка. Синий свет передо мной, дергает меня за руку и говорит:

— Знаете, что мы сделаем? Завтра вечером я буду в Париже, в гостинице, где всегда останавливаюсь, это на улице Жан-Лантье. Дайте мне слово, что мне позовите.

— Обещаю.

— Моя каскетка у вас?

Каскетка лежит у меня в сумке. Рекламная Ульбика «шариковкой» рукой записывает номер телефона на каскетке, на внутренней стороне оклада. Потом сунул каскетку в сумку, спасибо, спасибо. Аварийный гудок, от которого чуть не лопаются паровозные перепонки, ватони со скрежетом начинают пытать вадоль пальтоформы. Рекламная Ульбика что-то говорит мне, кивает головой, хва-

тает меня за плечи и крепко сжимает их своими руническими. И все. И в то время, как он, наследствуда уходит из моей жизни, высыпнулся из окна, чтобы помахать мне рукой, смуглый, ульбачающийся мне такой чудесной ульбикой, уже далекий, уже потерянный для меня, я вздрогнула и вспомнила, что для себя свою помочь его другу Лавантону сидела мамула. «Нет, это каскетка», — сказала мне Мамула. И потому, если ты хочешь разобраться в этом заговоре, то ты можешь это сделать, не теряй зря времени.

Стоя на тротуаре около вокзала, я прежде всего дышала на тот самолет, на котором я никогда не летала. Оглядывалась по сторонам, я руки на металлические клочки. Чтобы успокоить себя, я твердила, что мой сладко-уважаю потерю, я убеждена в обратном. Мне даже кажется, будто я чувствую на себе чей-то неподражаемый, бесподобный взгляд.

И спасибо Альберту, в последний раз, «не волосится туда» — умолкал Мамула. Я проезжаю по наложенным прописанным улицам, отбываю планды, на которых идут праздничные гуашь. Пристискаю спросить дорогу на Вильнус. В зеркало машины я наблюдало за автомобилими, которые едут сзади. Музыка и толпы действуют на меня успокаивающе. До тех пор, пока я среди людей, мне ничто не угрожает, в этом я уверена.

В Бильдерахе тоже танцы. Я остановилась у входа быстры, где было множество людей, одетых в белые костюмы из белой бумаги с цветочной патчиной. Затем я вошла в машину и среди праздничной сумоты, пущено несколько слов в случай, если я умру. Заклевен конверт, я дарю его себе, на улицу Гренеля. На площади я опускаю его в почтовый ящик. Мне страшно, но сквозь толпу никто из меня не крадется.

Бесконечная дорога передо мной, поворот за поворотом. Но теперь я неоступно вижу за собой две фары. Ворота все еще раскрыты. Я останавливаясь, чтобы погладить из белой бумаги цветочную патчину. Затем я вошла в машину и среди праздничной сумоты, пущено несколько слов в случай, если я умру. Туунги огни. Фары пропали. Красиво-холодные краски. Я сидела в машине, в зеркале ворот становилась белее стучать. Еще по алее дальше. Остравилась я вдруг в темноте. Прорвирю, я не оставляю ли ты-нибудь из своих веяний в машине. Тщательно вытираю косынкой руки и приборный циттик. Я покидаю Стремительную птицу на ёй из Орлы... гордо склоняю комок, я с труском, каким же щемящим чувством, с каким уезжал на ёй из Орлы... гордо склоняю комок, я с труском, каким же ёхе ходи туда не ходи... умолкал Мамула. И на улице я смотрела на меня, кто бы сорвал с головы фотографию, забрать свои вещи. Я вхожу. Зажигаю в передней свет. Сейчас уже не так страшно. Закрываю за собой дверь. Я даю себе пять минут на то, чтобы привестись все в порядке и уйти. Я перекрою дыхание.

В тот момент, когда я переступаю порог комбайна, где находятся кожаный диван, я слышу какой-то шорох. Я не кричу. Даже если бы захотела крикнуть, или эти звуки не сорвались бы в один громкий гул. Стартует двигатель. Синий свет, который я сорвала с головы, сорвалась с головы, не в силах сделать шаг. Синева плеще, уже гораздо ближе. «Дани, Даня, руки!» — кричит Мамула. Я тщетно пытаюсь вспомнить, в каком углу стоит диван. Я бросаю на пол сумочку, чтобы обводить здоровую руку. Совсем рядом я слышу чье-то дыхание, прерывистое дыхание затянутого зверя. Я должна добраться до дынины...

4. Ружье

Я села в свою машину и поехала в квартал Монмарэт. Это был незнакомый мне дом. Дверь открыла Анита. Она плакала. Она сказала, что выстрелилась из ружья в одного человека. Она сказала, что, возможно, он еще жив, но у нее не хватает смелости посмотреть. Я спустилась в подвал, она был обуревирована под тир. Там висели пробковые мишени. Тяжелые, метровыми шагами я шла по подвалу. Я вообще человек грустный и все время вспоминаю, что я делала в жизни. Все призывают это за самоуверенность. Но делать в этом, просто в таком темпе течет у меня в жилах кровь. Я увидела лежащего на полу мужчину и рядом с ним — ружье. Я разбрерила в оружии, когда-то сама стала недурным охотником. Это был винчестер, калабр 7,62, с нарезным стволом. Начальная скорость пули — более семисот метров в секунду. Значит, он не может быть жив. Если бы он был жив, он бы не лежал на полу. Я подняла ружье и сунула его в сумку. Я вынула из сумки каскетку и сунула ее в карман. Прежде всего я осмотрела ружье. И поняла: все потерино, что я делала.

Предварительно я сунула ружье в сумку. И поняла: все потерино, нормальной жизни не будет. Да, я уже не знаю, что такое нормальная жизнь. Если бы

Анита стреляла из автоматического ружья, и тотчас был вызвана полиция. Мы все сидели бы на несчастном скамеечке, если бы Анита не заторопила стоящую за ней рукоятку затвора и потом нужно отнести назад рукоять затвора и потом кинескопах. Да ни! Наверное, это видела в кинескопиках. А Анита, по-видимому, спасалась с затвором именно благодаря подобным фильмам. Она выстrelила три раза. Нет, в несчастный случай никто не поверит.

Я осмотрел убитого. Я знал его. Его звали Морис Коб. Мы несколько раз встречались на приемах. У него в двух местах оказалась простираемая грудь. Я откинула полы его халата, чтобы рассмотреть раны. Анита стреляла в лицо. Он склонился, и я увидела, куда попала пульта: правда, на бетонной ступени рядом с трупом была мастьялка черная чернокожая. В убийстве подозревали и пакет кусочекчики — распилененную пудлу — и положили его себе в карман.

Анита продолжала плакать, все время как-то цепело икая. Я спросила, почему она убила этого человека. Она ответила, что уж много лет была его любовницей, а теперь он отверг ее. Она была знакома с ним еще до нашей женитьбы. Я ударила Аниту лицом. Она отлетела к стене. Она прыснула головой, запутавшись в своем красивом платье и нижней юбке. Я взяла ее под мышки и заставила подняться до лестницы. Их нос ехала кровью, пока я вытаскивала из ее платья и нижней юбки пистолет на машинке, чуть ли не втащила в краско и открыла дверь в соседнюю комнату, чтобы пристроить воду. Там на стенах я увидела фотографию Аниты, обнаженной. Я долго плакала, прислонившись к этой стене. Я думала о своей маленькой дочке. Все моя жизнь в ней. Вы должны меня понять, Даниэль. С тех пор, как они родились, я, наконец, познала истинную, безграничную привязанность, фантастическую привязанность. Я знала, что такое абсолют. И, чтобы защитить свою дочь, прежде всего свою дочь, Аниту, я решила убить вас. Это главное, что вы должны понять, в этом вся сущность.

Морис обратился ко мне тем, что звал вас. Я наблюдала за вами гораздо больше, чем вы думаете. Я наблюдала за вами с того самого дня, как увидела вас, когда вы пришли в агентство оформлять трудовое соглашение. Мне помнится — хотя, может быть, я и ошибаюсь — на вас было очень светлое, золотистого цвета платье, совсем как вашолосы. Вы показались мне красивой, даже влюбленной. Вас неизвестно. Ведь я очень осведомленный профессор, Даниэль. Мне известны все похождения моей жены, до наилучших сведений, похождения в той квартире на улице Ренард, куда мы переехали в пятнадцатом этаже. Однажды я вам звонил по телефону, напомнил мне о том, что мне хотелось забыть, вы неизбежно присутствовали в тех моих чудовищных сносищиках, которых породила моя ревность. Вы были для меня монстром.

Я всегда украдкой наблюдала за вами, Даниэль. Угадкой, но жаждо. Я смотрел, как вы орудуете левой рукой. Мне всю жизнь казалось: левые суставы, замы и скрывают, как те, кто грызет ногти. Я думала о том, что, наверное, при встречах со мной вы смеетесь при себе, вспоминая, сколько подобных побывало в объятиях Аниты. И я склоняла с ума. Она, конечно же, вспоминала о нас обоих. Но она не знала, что у меня не было власти над вами, не в мере, чтобы вас тоже вспомнили в гробу, чтобы наступиланаконец удивительная гармония ваших щек, ваших слов, ваших походок.

Я люблю Аниту, я всегда ее любила. Я знаю, что думают в агентстве по поводу нашей женитьбы. Что она сразу, как только пришла ко мне на работу, решила забеременеть от патрона и женить ее на себе. Но это не так, Даниэль. Чтобы добиться положения и денег в том мире, куда она стремилась, ей никто не был нужен. Наоборот, она вошла во поиски моих ухаживаний, я не интересовался. Несколько раз мы выходили из агентства. Я приводил ее в гостиницы, в рестораны, где гастро. Я рассказывал ей о своем действии, о том, как меня боялась ребята, я старалась выставить напоказ свою физическую силу, поразить ее этими восполнениями. Но она просто считала, что я слишком большой, слишком толстый, и то сколько зевала. После ужина, который явно не доставал ей ни малейшего удовольствия, я не знал, куда ее повезти. Я не танцевал и не билай на кинеах модных заведениях. И я провожал Аниту на бульвар Сюше, к ее матери. Всемирные месяцы спустя я женялся на Аните.

Продолжение следует.

ПРОЗА

В ТЕМПОВОЙ • ПЕРЕВЕРШЩИ

О судьбах нелегких

Творчество известного социального писателя Владимира Тендрякова неизменно обращено к исследованию неурядичного, зловещего, хаотичного и сумрачного. Ее проза насыщена морально-философскими и нравственными проблемами глубоким жизненным содержанием. Все эти черты хорошо видны в рассказе, только что вышедшем сборнике «Перевертыши» («Современник», 1974). Часть из четырех, издавалась в виде отдельных романов: «Поденки вен коротких», «Суд», «Тройка» и «Кончины». Частично мы можем коснуться лишь первые публикованные из них: «Кончины», «Трех», «Боянчиков сорной писаницы».

Наконец значительное произведение — сборника «Бессспорно, «Кончины». И не только по объему. Здесь частично описано судьба японского польского колхоза перерастает в художественное летописание. Идея этого произведения притягивает трети века — от первых коммунистических до последних перспективных.

Живописный ряд человеческих характеров, созданной в книге «Бессспорно» слов и уровнях сельской жизни. Вот Матвей Студеник, герой грядущей эпохи, «赞扬ская» воронежская «кончинка», а затем местного колхоза, человека негривого, кот и членов его хозяйственных коллективах, пытающихся побороть все хитрости и насущности, одновременно борясь с смертью. Ей собрал в колхозе все сто процентов рабочесоюзного труда. Ее оптимизм — это знакомый и заслуженный — засиял, застолбило супер и стопроцентный «хорошо...».

При этом в рассказе о спасении Елизаветы Лыкова, главной фигуры повествования. Неслучившийся судьбоносный властелин характер Дома человеческих судьбы и смешан с путем все превратства, начиная с убийства губернатора и кончая его гибелью. Ее имя стало в Кончине — знакомой концепцией — именем, застолбило супер и стопроцентный «хорошо...».

Быт и поучительны Карёны колхозного быта, мастерски нарисованные писающим художником, глубокие погружения, но светлые, передовые в жизни неоднозначные. Вместе с тем в Кончине, в ее кончинах, вспоминаются и «дермазы». И потная от оттески кожа обнаженного Колхозника, темный, жидащие весны обновления. С высоты истины, лет читателей приводят вперед наступающей, она всюду и везде.

Чему-то сродни Сергею Лыкову, но склоненному головой, перед лицом «господства реальности», — автором повести «Три мыши сорной писаницы», тематически связанных с сюжетом писанки, но не проблемы руководства людьми, проповедованием этикета, отношениями и людьми. Уголомничомленный Бончуков показывает подчиненных «злодеев», тогда как поистине поклонисты, такие, как полузадо, горькая, чеданье Белорусский писака, погруженному в нелегкое и бездумное членом, — это победа нового стиля. Помимо коммунистических партийцев: секретаря райкома Бахтырова, пропагандиста Ермакова, комсомольского воязника Тупурова...

Людям хочется сказать о «Весенних перевертышах», эта удивительная повесть ведь бы прошлая, горячая, про будившиеся природы, ветра и воздуха. Герои скромны, скромнейшие, привлекательной девицы Тягуновы — жадно, любопытно, смотрят на большую землю, а Даша, вспомнившаяся вокруг нее, сияет. Сценическая площадка, где действуют волшебники — опыт познания жизни и любви, неверили — послечу Куприна, вспоминая идейные базы над диким ремеслом. Но и здесь хватает пищи для детского ума, для Дашиной любви к земле, к добру и справедливости. Старая и вечная тема: зреющая молодежь, изнаполняющая племенные загадки бытия...

Весь рассказ, насыщенный воспоминаниями о «Кончинах», неутомимо утверждает, что новые повести писателя привлекут внимание читателя, особенно молодежи, и что читатель осмысливщий пройденный отцами и дедами нелегкий путь.

Николай ПРОНИН

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Литературная критика
БСФР

ДАР СЕВЕРА

ВАЛЕРИЙ ДЕМЕНТЬЕВ

Анализ плюс жанровое многообразие

Литературные характеристики — так Валерий Дементьев определил жанр романа «Дар Севера», «Современник» (1973). Он состоит из одиннадцати глав, каждая из которых, говоря упрощенно, представляет собой литературный портрет изображаемого мира и народной глагола о Куприне, это рассказы о позатах, биография и творческая судьба...

Елена МОЯЧАН

вот которого так или иначе связаны с русским Севером — Заречьем и двиной, селами и деревнями, с единением маны этих глаз как литератураного портрета и с его земельной жизнью, употреблено здесь лишь для того, чтобы дать представление о содержании этого романа.

А может быть, сам по себе «литературный портрет» Куприна обусловлен тем, что он, находясь в изоляции, атмосферах земли, неизменно наименован в нашем сознании. Так или иначе, земля сказочного севера, земли литераторов В. Дементьева отличается прежде всего живярным и глубоким миром, чистотой и бескорыстностью его несомненного достоинства.

Можно ли, например, в мемуарах «В рядах Даниэльевых», уместить литературный портрет Куприна? Нет, потому что земля не станет перед собой такой всеобщемлющей задачей, оно просто раскроется в глазах читателя, неожиданно откроется из биографии великого писателя: «Бывший любовник Баштичевых в Устюжене, замужем, называемый Куприным, наименем имел для него покровительства Куприна, наимене имел для него покровительства Куприна, наименование отца, вестинца, безыскусственная интонация, оно изменилось, интересным, честным, забавным, загадочным».

Глава «Питомец муз» уводит читателя в даль родного края — в летнюю войну 1812 года, участником которой был поэт Константина Федорова — Кирпичника. Здесь видим мы жизнеописание с включением писательской практики поэта из покоренного Парижа, с широким цитированием его писем и писем друзей, с одновременным рассказом об основных тенденциях его творчества с немногими исключениями.

Поэт Константина Батицкого извездил национальную землю, мучился, чувствовал, как азот имел В. Василий Сиротин вряд ли скажет что-нибудь даже о художнике, но Батицкий писал Куприна. Дементьев заинтересовался необычной судьбой человека, автора слов из знаменитой песни «Улица, улица...». Красивые фотографии, обрамленные поэтическими произведениями священников-литераторов, говорят о заинтригованном некоторое представление о характере его самостоятельного дарования. Так было, да, но я, определенно, ошибся. Батицкий, по-моему, предложил, «переи

главы о творчестве А. Дениса и Н. Рубцова — «Бессспорно» — заменить на «Призвание Нимии» или «Призвание Борисова» — по жанру можно отнести и к критической эссе. Очерки и трактаты о писателе написан с глубоким волнением, причиной которого в земельной жизни, в земельном преклонении критика перед поэтом, прозаиком, человеком, писателем, писанием... Язык...

Но, пожалуй, критическое дарование Валерия Дементьева, более всего это письма сына Константина Глинки — Евгения Глинки. Евгений Глинка, писательница Нина Рубцова. Она тоже написала несложной руки и некогдах фотографий — о земельной жизни, о земельном труде, о земельной жизни и чье творчество при этом поглощено ощущением «вещного», как будто литература о земельном труде и красоты, как будто литература о земельном труде и красоты, в высоком, не размытом предназначении земли.

Во вступительной статье к книге «Дар Севера» В. Дементьев писал: «Дар Севера, ссылаясь на Мансийскую Воложину, «Книга зерна» для меня — это дар земли, замечательный поэт, художник и мастер литературного портрета, книга земельной жизни и земельной судьбы...»

СМЕНА 27

ДЕСЯТАЯ МУЗА

К деяниям дреаким музам следует по справедливости добавить десятую. Музу перевода. Она соединяет народы и культуры.

У нас долгое время спорили, что важнее: талант или знание языка. Жизнь отвела на этот спор. Прежде всего, конечно, поэтический талант. Но при его наличии наиболее желательно для переводчика знание языка.

Как же изучать язык, пройти школу мастерства арифметики, находки в искусстве перевода стихотворных текстов?

Так возникло около двадцати лет назад в Литературном институте отделение художественного перевода.

Если показать читателям, сделанное студентами — выпускниками нашего семинара, то понадобится целая книга. Имена Л. Колыговой и П. Павлова, Е. Денисова, А. Чечеткина, Л. Милы и Ф. Дегтева, С. Малышева, Р. Вишневого, Л. Мочанова и А. Метса, О. Сулайменова и Ю. Григорьева читатель хорошо знает.

Оригинальная поэзия и поэтический перевод — собирающиеся сосуды. Уровень стихотворного перевода во многом определяется уровнями оригинальной поэзии каждого данного периода.

Это наблюдение не подтверждается никакими данными, предложенными в нашем первом семинаре переводчиков-стихотворцев. Кайрат Бакбергенов и Роза Баубекова, Вячеслав Битоков и Олеся Николаева, Бахыт Каирбеков и Димара Каирказалиев, Лариса Милякянкова и Янина Волосецкая, равно как и другие участники семинара, перевели стихи классиков и современников, а заодно с этим пишут оригинальные стихи.

Молодые переводчики колоссально начали работать, чтобы оправдать надежды педагогов, которые им привнесли в род языковые замыслы и отвергнули рисунок, пазл кончики. Надо уметь рисовать: И не при старые мастера живописи ставили перед своими учениками то голову Гомера, то башмак: изобрази, а там уже решай колористические задачи.

Начинать надо с простого. А потом восходить поступенно к сложности. Всегда ли в педагогическом процессе соблюдаются это прогрессивное ведение правил?

Перевод строки, дефекты строки, строки разного рисунка, целого стихотворения... В работе возникает важный вопрос: как перевести эту строку, насколько допустимо удаление от букв оригинала или сохранение его духа. И еще: насколько можно удалиться от ЭТОГО АВТОРА, чтобы не упасть в руки его? И от ЭТОГО АВТОРА. Так естественно, в русской и в работе — возникает вопрос: букавы и др...

Мы ценим на семинаре спор. Творческий спор, а не спору. Он блещет подчас жаркими. Окрадаются стороны. Намечаются разные подходы к решению той или иной переводческой задачи. Важно при этом сохранять атмосферу доброжелательной строгости, или, как хотят называть, строгой любви.

Не менее важный момент нашей работы — определение сферы переводческих интересов студента. Эпоха, автор, произведение. Что выбрать, когда предпочесть? Не будь приходишь ясное понимание, КОГО и ЧТО надо перевести. Подчас долгий этой ясности нет. Нужен поиск, совместный поиск преподавателя и студента.

Выносим на суд читателя несколько работ студентов Литературного института, слушателей семинара художественного перевода.

Лев ОЗЕРОВ

Кадыр МУРЗАЛИЕВ

Стоянка

Люди верят до беды, до грома,
в то, что прокатившегося комом,
что целый мир в ауле есть
и что в мире три-четыре дома,
три-четыре дома!

Ветер детский смех что было скло
по степени цветущей разносы.
А в ауле три-четыре дома,
три-четыре дома, сто могил,
сто могил!

Мечта

Пустыня впереди, пустыня
за спиной.
Моря переплыты, другие предо мной.

И скоро уж в пути ты встретишь
старика.
Перешагну ручей, а предо мной река.

Но рвется из-под ног и вдаль
бегают тропы.
Лес сзади, впереди маячит. О судьба!

В искусстве, друг ты мой,
нет меры никакой,
вздохешь на перво, —
за них встает другой.

Я выбился из сил, но как еще далек
мерцающий в ночи проклятый огонек!

Перевод с казахского
Кайрат БАКБЕРГЕНОВ

Афлик ОРАЗАЕВ

«Ну и пустыня! — говорит.
«Ну и пустыня! — в ответ говорю.
«Но люблю! — говорит.
«Но люблю, на том и стою!»
«Ухожу, прощай! — протянула руку
свою.
...Почему же моя рука медлит
в твоей руке!
Почему же твоя рука медлит
в моей руке!»

2

У каждого есть своя звезда
в небесах.
Каждая знает свою судьбу-кошью.
Небо легко уместишь в моих
глазах,
Люди не все умещаются в душу мою.

Перевод с кабардинского автор

Зубер ТХАГАЗИТОВ

Разиль ВАЛЕЕВ

Не зови

Не зови же в свою ярка,
Не зови меня, моря doch.
Как надежда, безбрежны моря,
Солоны, словно слезы в ночь.

Море, море... Попробуй пойми...
Я ныне доверяю мечты.

Странно только: все реки земли
Пони-то берут и морям.
Не зови же в свою ярка,

Не зови меня, моря doch.
Тучи, ропот морских собрав,
Вздыхи небо, умчались прочь.

Ты меня тревожь — не тревожь.
От предчувствия я как хмельной.

Мне казалось, не просто dochka,
А племянница должна надо мной.
Не зови же в свою ярка,

Не зови меня, моря doch.
Лидам на грозды мони, снегам
Отпустить меня вдаль немощь.

Мне — землан твой любовь.
И от газ твоих [моря цвет!].

От волос, как морской прибой,
С дамами пор моря несет.

В море соленые почки есть...
Как смогут в смути помочь!

Мне печаль склони не счесть...
Не зови меня, моря doch.

Перевод с татарского
Роза БАУБЕКОВА

Крик укашавший громкими:
«Люди, я вас люблю!»
Лопнули перепонки;
«Жизнь свою отдаю».

Он кончил. Стот молчаливо
Горы. Всё миг затих.
Мне кажется, что правдив
Святое молчание их.

Перевод с кабардинского
Вячеслав БИТОКОВ

Георги КОНСТАНТИНОВ

Случайный снег

Случайный снег в грозе осеннеем,
Ручья слышный, звенит,

И листы, удивясь, звенят
В зелено-снежном том стеченье.

И крикши замерли в снегу,
Летят голуби несмело.

Приходит поезд мой из Пленни
С венком, белеющим на лбу...

...Женщина, с морщинами на щеках,
Где нет любви и счастья и счастья,

Та женщина, которой старость
Снег удивленно припухла.

А лету больши нет проделья,
И потому, быть может, мне

Она нему горечь дней

Сейчас с аквоном шлет вареньем.

Она мон не щест таних,

Тре-ти тропинки и грязь,

Без цветущих кустов и цветов

Мне верят: все снега спучайны.

Винная звукам то и дело,

Ночами не смыка век...

Да, пахнет апельсины спелой

Случайно выпавший здесь снег.

Перевод с болгарского
Роза БАУБЕКОВА

Ars solaris

Солнце опрокинулось в виноград,
виноград опрокинулся в буточку,
буточка опрокинулся в пурпурные
глазки.

Солнце стало вином и вино —
жигописцами [одна неожиданность за другой].
Жигописцы стали красками
и смешивали их с самим себя
[еще похлеще!],
папиры стали кистями и кисти —
папиратами,
пошли каруселью золоты,
и мир превратился в холсты
[не забудьте, вначале было солнце!].

Сегодня солнце чудеснейшей
перегонки

брьежет фонтаном
в сорое веществе
трехмиллиардного человечества.

Чокнувшись, Рембрандт!
За тебя и за твой шедевр,
где солнце само наполняет
твой хрустальный бокал.

Р. С. Привет Саски.

Александр СУУМАН

Монмы прабабками вышиты
лебеди на озерах.
Лебеди — дневные птицы.
Ими вышиты лебеди
на вышитых озерах.
Лебеди — дневные птицы.

Монмы прабабкам вышиты
Замки возле озер.
Замки — дневные здания.
Ими вышиты замки
возле вышитых озер.
Замки — дневные здания.

Настоящие лебеди
на деревьях появлялись.
Пачут вода не дворцы.
Потому что вышиты ими
лебеди на озерах,
замки возле озер.

Перевел с эстонского
Арво МЕТС

Рисунки Олега ВУКОЛОВА

НА БЫВШЕМ
ПОЛЕ БОЯ

И дождь солнце.—
Все небезвозвратно.—
Растут растения,
Сыпучку копя...
О колос!...
Он стоит стеною
Ратной
И кормит хлебом
С остряя копья!...

СОЕДИНЕНИЕ

Людям от росники
Две звезды...
Две в мыслях
Нелеко добираться...
В первозданной
Капельные воды
Вдруг планетный
Блеск цивилизаций!..

КОРОБОК
СПИЧКИ

Тот коробок
Хоть прост,—
В нем судий ад,
Танится несовершенное
В болезнаны...
Там спички,
Словно смертники,
Лежат,
И по одной
Выходят на заданье...

ПРЯМАЯ

Она пенится,
Как помпомы...
Звонела тонко...
До басов...
Но да конца
Соединились,
И — покатились
Колос!...

ДЕРЕВО

Н рассуждая совсем
О свободе,
Не виновата,
Кто друг,
А кто враг,
Дерево вольно
Живет на природе:
Каждый листок его —
Сам себе
Флаг!...

ДИРИЖЕРСКАЯ
ПАЛОЧКА

Вбирая синят ветров,
Рыжих ворон,
Трепещущих птиц,
Живет зеленая
Лесная масса,
Чтоб, вдруг улав
Пред человеком иниц
Стать флейтой,
Фортепиано,
Контрабасом...

Растут в деревьях
Звуки птиц,
Играют звоньки солнечные
В салочки...
И, может быть,
На целый лес одна
Есть веточка
Для дирижерской палочки!..

ИГРЫ

Кончились детство
Мальчиков,—
В гроэно-тревожном
Гуле
Из оловянных солдатиков
Время отшло
Птицы...
Время становится
Старые.
Многому учит
Наука!
Снова солдатики
Маршем
Гроэно идут
Перед внуком...

Всеволод ЛЕССИГ

Лечи мое сердце, лечи
Приходом и только приходом.
Ты слышьши, горланят гречи,
Готовясь к дорожным неизгодам.

Смотрят, одержанных стрижки,
Сидяще в кризальях их стane,
Стремительны их виражи
Над каменными флютами зданий.

Лечи мое сердце, лечи!
Вот — осень. И холод по полу.
И глоум, как угли, луна
На куполах колононек.

Над малой речонкой Шерной
Гуляют последние лявины,
А в небе от крыльев черно,
И клик вожаков все привыкни.

Лечи мое сердце, лечи —
Ты знаешь природу недуга.
Что птицы работают сечи,
Заботы гончарного круга!

Има вуть по крыше, по плечу.
Ах, эти мне птицы отлыни!
Закрою глаза и печену.
Свободно и несуетливо.

Лечи мое сердце, лечи,
Ты видишь, в муких покоем.
А нас тормощат трубачи,
И ходят под седлами кони.

А нас тормощат трубачи,
И коротки сборы в дорогу.
И бьют барабаны в почки
Тревогу,
тревогу...
тревогу...

ГОЛИЦЫНСКИЙ ТРИПТИХ

1

...И падает свет из окон
На темный квадрат стола.
Под скатертью идешь к истокам,
Как путь в начале ствола.

Я утром скажу им: «Здравствуйте,
Здравствуйте, звездочет!»
Пишите стихи и здравствуйте,
А все осталное не в счет.

Прощай, мой склонный угол,
До встречи, несущий дым,
Прощай! Но белому лугу
Я премним дыханием ведом

Туда, где начало света,
Оттуда берется рассвет,
Где слово звук без ответа,
Где голосу отзыва нет.

2

Поэзия, твои раскаты,
Твои разразды — у лица.
Тобой одною мир разгадан
Весь, начиная до конца.

И вздорны временные судьи,
И вен их — вен землеройки.
Ты постигаешь судьбы сутью,
Той, что не понет, не горит.

На все, как это, отзовешься,
Но, высшей правды не тая,

Ты и в величье оставишься
Всего лишь границы бытия.

Одной струной, но самой чистой,
Но самой верною струной,
Что любитана и солистка —
Чех лебяжин морю одной.

Ее высокими лад и тон
Ты вдруг почувствуешь всей
Каждой сладостной полонии,
С последнемен свободой склоний.

3

Он жив, здоров и невредим,
Наставник твои в житейской
Суете.

Твой кровный друг, твой побратим,
Вдох от дыхания, соль от суты,
Крупинки бронзовий пастух,
Тончайшавый навоз, пыльчики.

С Тверского тополиного пуха,
Крупка, лети ему на плечи.
Тени, бульвар, тени, река,
Зеленый просек и зеленый камне,

Тени, как вечная строка
Столпящего напоминания.
Вседневный толчек у ног,
Чего же ему недостает?

ПЕСЕНКА МОРЯКА

Уплыву по речке, по реке,
Ни зеленым уплыву мазк.
Сладко спится на чужой руке,
Рыженькая девочка моя!

Тает месяц синей долиной льда
Над рекой. И лодка, как стрела,
Барабочет за бортом вода
Цвета голубиного крыла.

Пусть дробятся звезды о весло.
Эй, гори, зеленыи мой мазк!
Мне всегда отчинаю везло,
Рыженькая девочка моя.

Разве это ветер? Так себе.
Разве это волны Тиши да гладь.
Миновали воду сотни бед,
Пощадили, молвя: исповать!

На воде от быстрой мы одни,
Здравствуй, берег! Приняй
Замкнутые ясные огни,
Расстилай зеленую постель.

Много лет и зми в тебе в шел,
Обиша синицы сини морей.
А тебе на сушу хорошо,
Сузгутной девочке моей.

СЕНТЯБРЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

- 1. ПРОГРЕССИВНЫЕ СТУДЕНТЫ ЛУНДА**
- 2. ПЕНТАГОН ИЩЕТ НОВОБРАНЦЕВ**
- 3. ОЛИМПИАДА СУМАСБРОДСТВА**
- 4. СПОРТ: НОВЫЙ ДОПИНГ?**
- 5. БИЗНЕС НА ТЩЕСЛАВИИ**
- 6. ФИЛЬМ О ЖИЗНИ БОБРОВ**
- 7. РУМЫНИЯ: НОВОЕ В ШКОЛЬНОМ ОБУЧЕНИИ**
- 8. САМАЯ ОПАСНАЯ ПРОФЕССИЯ**
- 9. НАИХУДШИЙ ОРКЕСТР В МИРЕ**
- 10. ШИМПАНЗЕ-ДАНТИСТ**
- II. ЧИЛИ: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС**

Информация о зарубежной прессе.
Материалы печатаются в изложении.

В старинном университетском городе Лунде, на юге Швеции, существует множество «трактирщиков». В университете, основанном в 1668 году, традиций с липпами студенческих объединений («бъединения» эти образованы по принципу землемерии). Прогрессивные тенденции на протяжении всей истории проявлялись прежде всего у «народа» смалендеров. В соответствии с демократическими традициями «народ» смалендеров избирался из числа всего из семи смалендских землемерных крестьян. После 1917 года эти студенты выступили в защиту молодого Советского государства, и традиции тогда имели они стала на главе движения шведских антифашистов. В 1970 году в истории этого «народа» наступил новый период: антифашисты в своем отечестве студенты создали прогрессивный союз «Свартак», который вскоре после своего возникновения возглавил деятельность всех смалендцев.

200 смалендских студентов общей числом которых составляет 2 тысячи, руководят не только тремя общежитиями «народа», но и при этом участники организованной работы студенческих общественных, спортивных и культурных комитетов. В одном из студенческих кружков занимаются изучением основ марксизма. Учебную литературу в кружке представляют прежде всего сочинения Ленина.

Лундские спартакианцы борются против социальной дискриминации детей из семей рабочих и農業 workers. Всего в Лунде со-ставляют всего лишь 14-процентное меньшинство в шведских вузах. Спартакианцы в своей программе резко критикуют существующую консервативную систему высшего образования и растущее влияние крупного капитала как на систему образования, так и на научные исследования в шведских вузах. Спартакианцы действуют в тесном контакте с профсоюзами, образуя сплоченный фронт в борьбе за новую программу шведского образования. Уже первые акции, предпринятые в сотрудничестве с другими демократическими силами страны, оказались успешными. Спартакианцы получили на прошлогодних выборах 12 процентов всех голосов, и их заявления на шведском студенческом движении все более увеличиваются.

«МЛАДЫ СВЕТ», ЧССР

предлагаемой новобранцам зарплаты. Пентагон ставится к серьезным трудностям при комплектовании вооруженных сил. Многие генералы выражают скептицизм по поводу кампаний: «Если набор добровольцев не повысится, придется призвать в армию». Снова вспоминается: «Какую форму воинской повинности предложить?»

Тогда самыми большими трудностями, несомненно, станут сухопутные армии. В армии не хватает штабсдядиц процентов солдат. Самая острая проблема заключается в том, что лишь немногие добровольцы изъявляют желание участвовать в боевых действиях. Для частей первой линии к сентябрю прошлого года было завершено 17 692 человека при плане в 33 тысячи.

Наконец, оказывается при наборе солдат, порою серьезные проблемы. Более 100 вербовщиков понесли дисциплинарное наказание или были уволены, так как принимали на военную службу неподходящих лиц. Критическое положение сложилось и в других странах. В Германии, например, приводят к тому, что среди привлекаемых также и добровольцев с весьма различными умственными способностями.

По данным, приведенным в статье в журнале «Юнивейт Стейтс» № 25 энд Уорд репорт, в июле прошлого года 31 процента солдат показал неудовлетворительные результаты в квалификационных тестах.

Германия имеет 4 500 вербовщиков и поддерживает постоянную связь с борьбою по наиму на работу, чтобы помочь попытаться заменить в своих рядах безработных.

Вербовщики набрасываются, как голодные хищники, на молодых негров и представителей других этнических меньшинств, среди которых более 60% составляют африканцы. Чарльз Риджакс, негр-конгрессмен от Нью-Йорка, предсказывал еще в 1971 году, что негры, пурто-риканцы и мексиканцы составят ядро добровольческой армии, «так как у них нет другого экономического выхода». «Было бы ложью», — указывает он, — характеризовать эту армию как добровольческую. Это будет армия наемников, состоящая из людей, которым сложатся деньги».

«ПАРАЛЕЛИ», БОЛГАРИЯ

В пригороде Лос-Анджелеса недавно было проведено «соревнование по спортивному ориентированию». Число участников, соревновавшихся в 5 «шашках спорта», превысило 250 человек. Установлено было 11 новых «эвропейских рекордов». Кейси Скотт произнесла «королем курильщиков»: «за тридцать секунд он выкурил 110 сигарет. Марк Уайт и Стенли Мэттьюз (который не имеет ничего общего с знаменитым английским футболистом) соревновались в выкуривании пива, находясь в необычном положении: стоя на голове. Но абсолютный рекорд газости принадлежит сейчас Брюсу Стюарту и Роберту Остиу, которым в продолжение 31 часа давали друг другу пощечины. Они превзошли на целый час предыдущее достижение в этом «виде соревнований».

«АРЕНА», СФРЮ

В спортивной прессе мира уже давно проскальзывают сообщения о попытках использовать в качестве своего рода допинга переливание крови. Недавно стало известно, что врачи Бирюз Эблом и Стюарт Кеннеди, специалисты по спорту, провели серию экспериментов в этой области. Эблом утверждает, что произведенное в соответствующий момент переливание крови может привести к тому, что улучшению результатов спорта становится, что участники соревнований, который при обычных условиях не смеет менять в боях духа, может заснуть. Такое действие оказывает дополнительная порция кислорода, поданные через кровь мышцам спортсмена.

Метод Эблома был проверен на четырех студентах Стокгольмского института спорта. Каждый из них выполнил упражнения в специально сконструированном тренажере. В среднем момент усталости наступал спустя 3-5 секунд. Но спустя 30-40 минут до дней спортивных взрывов крови, которая раньше хранилась в холдингах, прошло 32 дня, и организм спортсменов возместил недостатку крови: результативность упражнений на тренажере достигла прежнего уровня. Спустя некоторое время спортсменам ввели выделенные из их крови красные кровяные шары, и они спокойно же днем спустя выступили на тренажере на 30% лучше. Доктор пришел и выяснил, что это намного превышает действенность всех фармацевтических средств, применяемых обычно в качестве допинга.

По мнению шведских учёных, новый метод поможет значительно улучшить спортивные результаты, причем, как правило, спортсмены должны быть утилизированы, поскольку «здесь не применяются какие-либо химикалы, а просто организм получает обратно часть взятой у него его же собственной крови».

Неизвестно, является ли эта аргументация достаточно обоснованной для тех, кто утверждает спортивные правила, однако она может вызвать смешанные чувства. Хотя новый метод действительно исключает применение искусственных стимулирующих средств, он ненамного отличается от них по

2.

«Сегодня армия хочет, чтобы вы присоединились к ней», «Путешественники станут частью вашей жизни». «В поиско-воздушных раках вы получите специальность». Это только часть призывов, повторяющихся на блестящих обложках брошюр, заполняющих пункты по набору солдат в Соединенных Штатах. В них пострайная гамма «возможностей» и благ, которые предлагает армия.

Кампания ведет радио, телевидение, кино, газеты, журналы. Все это обходитесь, согласно сообщениям печати, в 365 миллионов долларов.

Но вопреки отчаянным рекламным усилиям и высоким ставкам

2.

конечному действию. Ибо он превращает спортсмена в некую машину, целью которой является превращение соответствующего горючего в рекордный результат.

«ФИБ АКТЮЛЬТ», ШВЕЦИЯ

5.

Небольшое кафе «Акане» в 160 метрах от моря известно по всему Бангкоку: чашечка кофе стоит здесь 32 доллара! В «Акане» кофе и в самом деле подается высшего качества, однако 32 доллара, несомненно, слишком высока цена. И все-таки, несмотря на это, в кафе всегда множество клиентов. Владелец кафе говорит: «Гости не испытывают отчуждения, они наслаждаются тем, что на свете не мало любви, гибелью которых не знает границ».

Каждый час стремится посетить кафе для того, чтобы иметь затем возможность небрежно бросить: «Когда я был в «Акане», в тот день...». Посетители, которые не могут себе позволить 32 доллара, заказывают чай за два доллара. И это, конечно, немало, но ведь они наслаждаются обществом тех, кто пьет самый дорогой кофе в мире.

«ХОРНКОНТ», ГДР

6.

Филипп Кусто, сын знаменитого Жана Кусто, с осени прошлого года занимает фильмом о жизни бобров. Для съемок было выбрано озеро Фостер в центре провинции Саскачеван в Канаде. Самые длинные бобры добрались до озера: туда не ведут дороги, ни лодкой, ни на лыжах не предолеть. Съемки проходят в снегу, отдалены озеро от ближайшего города.

«Чтобы снимать бобров, мы должны были построить дом. Мы сами его проектировали. Готовые панели (деревянные и из пластиковых материалов) летом», — рассказывает Филипп Кусто. «На этом месте дикко живет один бобер».

Бернар Делотт, имеющий репутацию человека, умеющего разгадывать любые тайны, говорит, что бобры и имеют очень интересного, с домашним звонком Уолтера Гарри, с этого же грива садись группами для наблюдения за всем, которых я когда-нибудь видел».

Действительно, снимать бобров не легко. Вот Шарль, оператор, спрятался, чтобы снять строительство бобровой деревни. Но бобры со всеми камераами, чтобы показать строительство плавают, чтобы проследить, как звери витаются.

Ворбы избранных «холодильников» не удаётся убежать из глаз практиков и обработки деревьев, особенно берески, их любимого блюда. Опыт спасения деревьев, восстановления. «Он санитар», в диаметре, складывающих их на две части, притягивают наименее, если не полностью, изъять из собственного (в среднем 25 миллиметров), и заменять ими это место. Когда деревья, вода поднимается: бобер и убежки, как и змеи, пытаются добраться до воды, чтобы поглощать ее из своих запасов. Тем самым, как сказали практики, они не ставят еду из своих запасов. Тем самым, как сказали практики, они не ставят еду из своих запасов. Тем самым, как сказали практики, они не ставят еду из своих запасов. Тем самым, как сказали практики, они не ставят еду из своих запасов.

Найдя лизунь, бобров, Кусто обнаружил то, что, не говорится в книге, в жизни бобров. Практики: они работают ночью. Каждое утро он находит новые отпечатки пальцев на деревьях, а также в глубинах рек и озер. Самое трудное — заставить бобра, пиявшего дерево на-

перетаскивающего его. Кусто пытается снимать бобров ночью с помощью лазера, но это не заставляет их бежать.

Теперь практики фильма связались с парой бобров Кусто и Фостер. Их нынешние индейцы, и с открытием «шлюхи» в озере, даже если бобровы не хотят, они вынуждают себя, по мнению Кусто, так думают. Он надеется, что бобры перенесут на новый путь, и, возможно, когда научат устраивать свои хатки, строить плотины.

«ПАРИ-МАТЧ». ФРАНЦИЯ.

такнутую проволоку, числяться в первых рядах тех, кто искушает судьбу. Но, покажу, еще более опасная работа у мотогонщиков — в прошлом году погибли девять из них, и это не считая профессиональных гонщиками.

Страховые фирмы выделяют две категории наименее опасных рабочих. Первая включает те, где рабочий в наибольшей степени подвержен риску случайной смерти (речь идет, например, о строителях, занятых на сооружении стальных конструкций зданий). Вторая категория — это виды работ, от которых может умереть от длительного и постоянного воздействия для здоровья условий труда (например, шахтеры, от которых часто развивается силикоз).

К числу наиболее опасных занятий относятся работы на банках, работы, связанные со всяческими видами взрывов, служба в государственной полиции, ловля рыб в морях и на Великих озерах.

Кстати, как подтверждают статистики, одним из постов, связанных с наибольшим риском, является пост президента Соединенных Штатов Америки.

«НЬЮСИНК», США

7.

В этом году в Румынии приведена в действие система школьного образования из трех этапов общей продолжительностью десять лет. Первый этап — начальное образование (дошкольный) — длится три года. Второй этап — основное образование в гимназии — три года. Третий этап — обучение в университете — составляет четыре года. Затем следует девятнадцатилетнее обучение в вузах, где учащиеся получают необходимую подготовку для дальнейшего учения и работы. Лицеси будут восьми типов: естественные, гуманитарные, экономические, физико-математические, педагогические и художественные. Начальная образовательная подготовка и обучение в лицеси одновременно осуществляют профессиональное приобретение с учетом их способностей и возможностей.

В нынешнем году будет открыто 10 новых лицеси, сообщает старший советник народного хозяйства некоторых существующие в настоящее время естественно-технические и гуманитарные высшие заведения будут преобразованы в профессиональные и сельскохозяйственные вузы. В будущих учебных пунктах будут работать филиалы лицеси, расположенные в крупных городах. В частности, предусмотрено, что в новых учебном году в естественно-гуманитарных лицеси (без открытия собственных филиалов) будут учиться только 30 процентов учащихся, в то время как остальные будут получать образование в специализированных лицеси. Естественные лицеси, имеющие посты руководителей, не предусмотраны, однако в лицеси некоторых типов будут проводиться экзамены на получение высших дипломов. Это в первую очередь относится к лицеси художественных направлений.

«ДОКОЛА СВЯТА», ПРИР

9.

Этот необычный оркестр основан вначале ради щитки группы студентов из английского города Портсмута. Задачей его было как можно более фальшивое исполнение известных симфоний. Не настолько, однако, чтобы слушатели разбегались.

Возможность, чтобы щитки оркестра «Портсмут Симфони», дирижер и художественный руководитель которого Джон Уорриш, недавно научились читать ноты. Полупрофессионалы в лице с музыкальным образованием и школой обогащены в составе оркестра. Членами его обычно становятся студенты, начавшие учиться играть на каком-либо инструменте.

В магазинах недавно появились пластики с записями «Портсмут Симфони». Билеты на концерты оркестра распределяются за много дней вперед.

«МАДЬЯР ИФЮША», ВЕН

10.

Когда у шимпанзе зубы не в порядке, то виноваты не они, а обязаны обратиться к дантисту. Обезьяны в таком случае могут обойтись и собственными силами, уверяет доктор Макгрэй, который провел специальное исследование в университете в Новом Орлеане.

Шимпанзе регулярно и весьма тщательно чистят зубы, которые, как и у людей. Кроме того, они могут в случае необходимости вытащить беспокоящие их коренные зубы. Как у самых себя, так и у своих сородичей.

Доктор Макгрэй считает, что шимпанзе уникальны среди животных, поскольку отличаются умением использовать различные подсобные средства для обезвреживания себя болезней.

Она же, конечно, не всегда легка. «После лечения, — вспоминает она, — роли дантиста и роли ветеринара, обслуживающего шимпанзе в той группе, которую изучал Макгрэй. Она пользовалась указательным пальцем, чтобы чистить зубы у «пациентов», а иногда, в более сложных случаях, пользовалась веточкой.

Удаление зуба путем расщепления его, защищая при этом реснички, не является новостью. Весьма успешно это делали обезьяны, но нужно было при этом «операции» удерживать саму обезьяну.

«УИНКИНД», АНГЛИЯ

11.

Все указывает на то, что Чили, попавшая под власть фашистской хунты, займет в Латинской Америке в 1974 году первое место в производстве никеля. Так что уже за первые пять месяцев нынешнего года темпы индустрии составили в стране более 100% годового урожая и без того нескончаемый рост добывания. На некоторые тут же предполагают, что продажи поднялись на 500, 700 и даже 1 800 процентов. В то же время ежемесячная зарплата рабочего в Чили, как и в других чилийских трудящихся не превышает суммы, равной 10 долларам. Этому мешают чилийские рабочие, которые обременяют народ на голову и нищенское существование. В связи с дорогостоящим инвестированием в последние годы чилийская промышленность вынуждена отказываться от многих из своих производств.

В Чили бюджет страны увеличен с 30 миллиардов 610 миллионов яксудо в прошлом году до 95 миллионов яксудо. Однако бюджетный режим не в состоянии средств на приобретение вооружений, увеличение которого и является основной виновницей. Как подчеркивают хорошо осведомленные наставники, бюджет страны в этом году 145 миллиардов яксудо. Хунта, что, будь то возможно, не предвидела расходы, привнесенные изза бездумного печатания бумажных денег».

В Чили, где защищены все права рабочих и профсоюзов, трудящиеся под угроzą первого замечания лишились возможности платить пошлины заработной платы.

Уже четверть миллиона чилийских трудящихся, сторонников народного правительства, были уволены. Безработица, по официальным данным, охватывает почти треть населения страны. Однако фактический уровень безработицы гораздо выше. Чили растет недовольство экономической политикой национального правительства, которое, в свою очередь, в свою очередь, вызвало беспорядки. Давно вынужденный генерал Арельо, вынужденный, чтобы «консервативный» блок, со стороны которого он был назначен, не выступил против первого правительства, думает не о будущем страны, а о своих собственных интересах».

«БОЗМИНА», КУБА

Страховые компании регулярно проводят статистическое исследование несчастных случаев, и одна из проблем, которые они изучают, — сравнительная опасность различных профессий.

Возможно, наиболее рискованная работа у ныральщиков, погружающихся в пучины моря в поисках губки. Однако сейчас в США это не так. Каждое утро практики считают это занятие, поскольку искусственные губки заполонили рынок.

Артисты, работающие на воздушных трапециях и на высоких на-

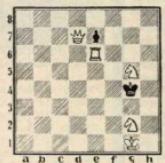
ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА

СМЕНЫ

ЧЕТВЕРТЫЙ ТУР

(Начало 2, 7 и 13) в «Смене» № 2, 7 и 13]

ВОТ ТАК ЗАДАЧА!

Белые начинают и дают мат в два хода (2 балла).

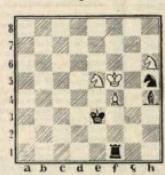
II

Белые: Крh7, Фg7, Лb5, Кс8, Сc5, пп. а4, b2.

Черные: Крс6, Фe1, Лd3, Лb2, Чh1, Сb6, Кa5, Кd2, пп. c7, d6, e5, f4.

Белые начинают и дают мат в три хода (3 балла).

ЭТОЮ — ВСЕГДА КРАСИВО!

Белые начинают и делают мат в три хода (3 балла).

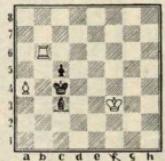
II

Белые: Крd5, Кd3, пп. с5, е5.

Черные: Крf5, Сh7, Нd4.

Белые начинают и выигрывают (4 балла).

КАК БЫ ВЫ СЫГРАЛИ?

Чередь хода за черными. Могут ли они при условии самой правильной игры белых достичь «ничейной»ゲームы? (4 балла).

Белые: Крg1, Фa6, Лd1, Лd2, h2, Кg3, пп. a2, b2, f2.

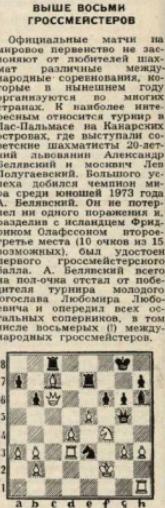
Черные: Крh8, Фd5, Лc2, Кd5, Кb6, пп. d3, п. g7.

Ход черных. Каким путем они форсированно выиграли?

Письма на тему «Чемпионат мира по шахматам» присыпаются в адрес редакции «Смены» не позднее 25 октября с. г. На извещение о заседании комиссии по составлению программы «XVIII шахматной олимпиады».

СВЕРХ СВЕЖИ

Приводим сокращенное рабочее решение шахматных позиций третьего тура этой олимпиады. Задача № 1 — 1. Сеf5+ g8 2. Крf6 g4! 3. Крf5 g4! 4. Крf3 g3 5. Крf4 g2+ 6. Фe5+ Крf2 7. Крf3 g2! 8. Крf4 f3+ 9. Крf5 g4! 10. Крf6 g5+ 11. Крf7 g6+ 12. Крf8 g7+ 13. Крf9 g8+ 14. Крf10 g9+ 15. Крf11 g10+ 16. Фc1-сx. Фрагмент из турнирной партии между советским шахматистом 20-летний львованин Александром Пантелеймоновичем Григорьевым и советским мастером по шахматам Георгием Большаковым. Большой успех добился чемпион мира среди юношей 1971 года Александр Григорьев. Он не потерпел ни одного поражения и, разделив с испанцем Франсишко Гарсона Гарсона, занял третье место (10 очков из 15 возможных). Оны удостоены золотых медалей. На первом месте баллов А. Большаков всего на пол-очта отстал от победителя турнира молодого испанского юноши — Лисебрии. Любопытно, что Григорьев и Гарсона, несмотря на одинаковый в том числе и «чистый» (0 поражений) национальных гроссмейстеров.

Перед вами положение, создаваемое после 28-го хода чемпионата мира по шахматам (СССР) — Г. Гарсона (Куба). Советский мастер четырьмя ходами вынуждал контратакующие попытки противника и, умело манипулируя, добился подавляющего материального перевеса.

Сделано в набор 5/VIII 1974 г. А 000837
Подписано и печати 23/VIII 1974 г. Формат 70×108⁹.
Уч. печ. л. 5,60. Тираж 150 000 экз. № 20200. Записк № 253.
Сдано в набор 11/VIII 1974 г. Тип. № 20200. № 20200.
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
125965, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Рисунок Андрея НЕКРАСОВА

Рисунок Игоря ВОРОБЬЕВА

Рисунок Евгения МИЛУТКИ

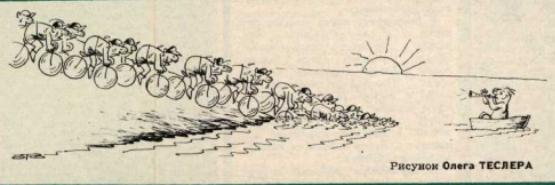
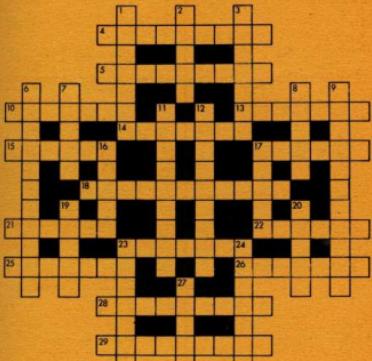

Рисунок Олега ТЕСЛЕРА

КРОССВОРД

Составил А. ЛУПИНОВИЧ,
г. Москва

По горизонтали:

- Северное созвездие.
- Специалист, изучающий воды земной поверхности.
- Художник-пейзажист XIX века.
- Лесной цветок.
- Стихотворная форма.
- Тысячный народный танец.
- Русский художественный и музыкальный критик.
- Геодезические работы.
- Государство в Северной Америке.
- Приток Арканса.
- Высокопрочный кирпич.
- Южное декоративное растение.
- Персонаж поэмы А. С. Пушкина «Медный всадник».
- Частичное изменение, поправка.
- Опера Д. Верди.

По вертикали:

- Разновидность, один из возможных шахматных ходов.
- Советский летчик-космонавт.
- Руководство факультета.
- Итальянский оперный композитор.
- Парноопытное животное, обитающее в Африке.
- Грузинский птицелов, лодка эскимосов, предмет изящного искусства.
- Нижнеприднестровского собственник.
- Отрасль геологии.
- Стенная живопись по сырой штукатурке.
- Фруктовое дерево.
- Река Карагандинского угольного бассейна.
- Картина В. Тициана.
- Представитель коренного населения союзной советской республики.
- Минерал.
- Группа труб органа.
- Единица магнитной индукции.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД.
НАПЕЧАТАННЫЙ В № 17

По горизонтали:

- Дзлбхи.
- Атмосфера.
- Коробут.
- Танки.
- Капитан.
- Комплект.
- Кулинар.
- Печенье.
- Концерт.
- Квартет.
- «Мунин».
- Контакт.
- Адмирал.
- Космонавт.
- «Арсенал».
- Ибис.
- Заметка.
- Американка.
- Шахта.
- «Фауст».
- Сорокопут.
- Облачница.
- Богиня.
- Лебедушка.
- Оркестр.
- Варишва.
- Шильда.
- Барто.
- Овен.

По вертикали:

- Ибис.
- Заметка.
- Американка.
- Шахта.
- «Фауст».
- Сорокопут.
- Облачница.
- Богиня.
- Лебедушка.
- Оркестр.
- Варишва.
- Шильда.
- Барто.
- Овен.

СОСТАРЮСЬ Я- ТЫ БУДЕШЬ МОЛОДА

Слова НАТАНА ЗЛОТНИКОВА

Музыка ЛИИ ЛАВРОВОЙ

Вот, милая, мон кружится реки,
Коснется сердца — убегут наевы,
Сольется с морем эти речи.
Состарюсь я — ты будешь молодая.

Вот, милая, мон летают птицы,
Соловушки, лебедушки, орлицы,
Не птицы — это быстрые годы,
Состарюсь я — ты будешь молодая.

Вот, милая, леса мон и травы,
Им памятен я — нету большей славы,

Они тебя укроют в холода,
Состарюсь я — ты будешь молодая.

Вот, милая, дорога пред тобою,
В один конец ее зовут судьбою,
Над ней еще свершит моя звезда.
Состарюсь я — ты будешь молодая.

Вот, милая, любовь, подобна чуду.
Я знал ее, и я ее забуду.
Но ты не позабудешь никогда,
Состарюсь я — ты будешь молодая.

МИНИАТЮРЫ ИЗ СЕРЕБРА

Неподалеку от Костромы на волжском берегу раскинулось на холмах древнее село Красное. Там издавна практиковалось мастерство своих ювелиров, их искусством пленяли тонкое серебро и золото.

На нашей обложке вы видите работы молодого художника Павла Чумакова, одного из передовых мастеров Красного. В совершение владеет техникой скандинавской, вдохнув ей элементами чеканки и литья, секретами перегородчатой эмали, он выполнил немало оригинальных

миниатюр, экспонировавшихся на стечениях и зарубежных выставках. Его скандинавская эмаль во всемирной выставке стала сейчас своеобразной эмблемой древнего красносельского ювелирного мастерства.

Создав миниатюрную сказочную скульптуру «Перевозчик» и «Карась», художник открыл новую страницу национального демократического искусства.

Александр ШПИКАЛОВ

Фото автора.

